

EX ORIENTE LUX

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

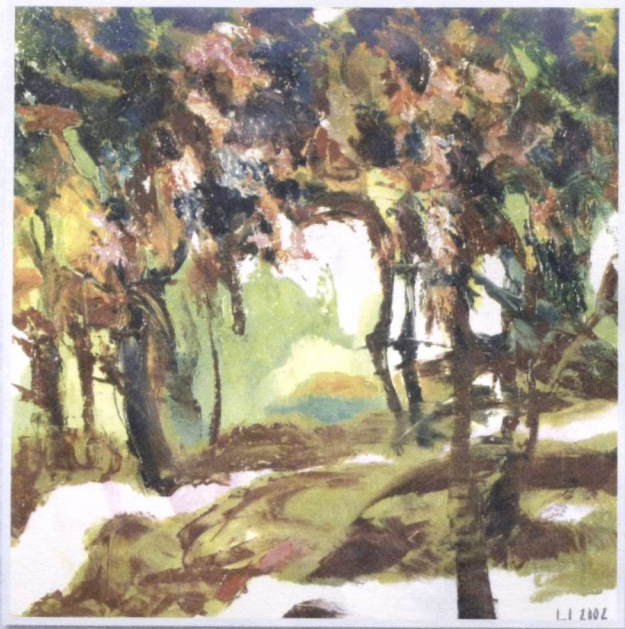
КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

1 / 2015

Ли Татьяна. По улице Никитина - 4

Ли Татьяна. Сезон дождей - 4

J

**Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK**

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

**Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ**

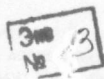
**Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО**

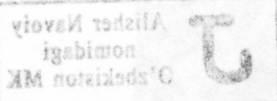
**Ответственный секретарь
Саъдулло КУРОНОВ**

**Редактор
Елена ЮРЧЕНКО**

Республика Узбекистан
Ташкент

Борис ГОЛЕНДЕР

караван истории

ИСТОКИ СУДЬБЫ

А. Ф. Керенский любил Ташкент пылкой юношеской любовью. Сколько раз в промозглые осенние вечера в своей большой петербургской квартире он, закутавшись в теплый узбекский чапан, тосковал по благословенной «стеклянной хмари» безветренного ташкентского лета и вспоминал родных и друзей, оставшихся в далеком Туркестане!..

Людмила БАКИРОВА

ПОЭЗИЯ

Погружаюсь на миг в созерцанье...

...дремотная осень,
пора листопада,
в шуршащих одеждах взлохмаченный сад,
в нем крупные яблоки сверху глядят,
у яблок румяные лица,
на ветках скрипит голосистая птица,
голосом катится в небе телега.
Сколько же дней остается до снега?

Аман МУХТАР

переводы

Я весну так хотел бы увидеть с тобой...

Что, на день собрались вы уйти, дорогая?
А нельзя ль – на полдня?
На полдня вы уйдете сейчас, дорогая?
Можно ль – только на час?
Не спешите! На час, дорогая, уйдете?
Может – лишь на минуту?
А нельзя – лишь на миг вам уйти, дорогая?
Чтоб вернуться – сейчас...

литературоведение.
литературная критика

Александра ДАВШАН

ЕСЛИ ПРАВДЫ ЖИЗНИ НЕ НАРУШИТЬ...

Есенин определил свое место в восточной теме русской литературы, что подтверждается выбором названия. В мировой литературе уже были «Западно-восточный диван» Гете, «Подражание Корану» Пушкина, несколько кавказских пленников. Два пространства: чужое и свое. В названии Есенина соединяются Персия (Восток) и с запада пришедшее в русский язык французское слово «мотив», т. е. побудительная причина («Персидские мотивы»).

проза

Сухбат АФЛАТУНИ

НАВЕРХ!

Рассказ

Утро в девятиэтажке.

На первом этаже пахнет жареным луком, открывается дверь, дети уходят в школу, топают вниз, дверь закрывается, запах лука остается. На пятом этаже выходит Сухроб-акя, рубашка, галстук, дезодорант: «Та-а-ак!» Муха замирает на дверице лифта. «А, может, и не так», – поправляет себя Сухроб-акя и жмет на кнопку вызова.

новые имена

Анастасия ЭМ

***Я ждала в каждом шаге дождя
твоего возвращенья...***

Мне не больно бросать слезный крик в пустоту,
Быть отравленной сладким проклятьем.
Умоляю, впusti, я с улыбкой войду.
Ведь на мне карнавальное платье.

Дай мне искру тепла, дай частицу себя,
Подари мне мгновение тайны...
Страсти требуют жадно другие тела,
Я безгласно прошу подаяния.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- Бах Ахмедов. О, эта терпкая печаль непознаваемого мира!.....5
Людмила Бакирова. Погружаюсь на миг в созерцание. .20

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Борис Голендер. Истоки судьбы.9
Валерий Германов. Три сестры Жданко. Часть III. Тайна
полярного безмолвия.94

ПРОЗА

- Сухбат Афлатуни. Наверх! (Рассказ).45
Николай Попов. Где найдешь, где потеряешь... (Повесть).63
Игорь Эрнст. Атолл. (Рассказ).85
Вера Вавилова. Дом со шторами. (Рассказ).115

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

- Зульфия. Думы. (Перевод с узбекского Раима Фархади).12
Наим Каримов. Лучезарная звезда Зульфии.13
Александр Махнев. Размышлизмы. (Литературные
миниатюры).33
Саидмин Бакиев. Феминология.38

ПЕРЕВОДЫ

- Нарзулло Батиров. Понедельник – день тяжелый. (Рассказ,
перевод с узбекского О. Батировой).15
Аман Мухтар. Я весну так хотел бы увидеть с тобой...
(Перевод с узбекского Ю. Мухтаровой).91
Саломат Вафо. Мелодия зла. (Рассказ, перевод с узбекского
С. Камиловой).146

НОВЫЕ ИМЕНА

- Венера Закирова. Загадка жанра.60
Анастасия Эм. Я ждала в каждом шаге дождя твоего
возвращения...107

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Александра Давшан. Если правды жизни не нарушить...54
Диер Низамидинов. О классификации форм использования
мифа в литературном произведении.57
Николай Ильин. «Пара слов» и много раздумий.100
Нургали Сыздыкбаев. Красота поиска. (Рецензия).105

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Инна Горлина. Хореографическое искусство и гармоничное
развитие личности.112
Владимир Карасев. Возвращение в гранатовый рай. (Эссе). .24

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Абдухаким Фазилов. Уникальное подпространство
(Повесть).123

Звезда Востока

2015 № 1

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Per. № 0296
06.09.2007 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Хуршид Иброхимов

Подписано в печать 10.03.2015.

Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 900 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи».

г. Ташкент, Юнусабадский район,
ул. Янги шахар, д.1

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки картины Татьяны Ли.

На 84, 104, 106 страницах журнала афоризмы Грациана Ли

ПОЭЗИЯ

О, эта терпкая печаль непознаваемого мира!

Редакция журнала «Звезда Востока» с удовольствием
поздравляет Баха Ахмедова с публикацией нового
сборника стихотворений «Облако вероятности».

Киношное, математическое

Двадцать четыре кадра делят одну секунду.
Двадцать четыре секунды делят одни сутки.
Двадцать четыре года
уместятся в несколько кадров.
Может быть, фильм о жизни
закончится раньше, чем титры.

...А после начнется миф,
придуманный режиссером.

Последние дни уходящего лета
полны одинокого тихого света.
И кажется, солнце немного устало
смотреть, как дежурит старик у вокзала.

Зачем поезда он все время встречает?
Он разве не помнит?
Он разве не знает?..
В глазах навсегда поселилось безумье,
а он все стоит, растворяется в шуме.

Он ждет, он уверен, сегодня уж точно...
Он знает, еще не поставлена точка.
И все не напрасно: его ожиданье,
и жизнь, и вокзала холодное зданье.

Сто лет пролетело, а может быть, двести...
А он все стоит на излюбленном месте,
и смотрит в глаза равнодушные строго,
как будто найти в них пытается Бога.

Бах АХМЕДОВ

Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил Московский госуниверситет. Кандидат физико-математических наук. Публикуется в литературных журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израйля, Казахстана и Эстонии. Участник Ташкентского фестиваля поэзии (2008 г.), победитель ежегодного Международного поэтического конкурса «Пушкин в Британии» (2007), участник Международных форумов и конференций.

И снежно, и как-то тревожно...
Как будто размытый пейзаж
своей обнаженностью множит
утраченный список пропаж.

Как будто мы вновь не успели
границы свои очертить.
Обманчивый мир акварели
так трудно порою вместить...

Аквариум залов музейных...
Немеешь, как рыба, плывешь,
На тихую вечность глаза
И жабрами чувствуя дрожь.

О, эти живые портреты!
Как все они знают про нас...
Мерцание темного света
И взгляд снисходительных глаз.

А после так страшно наружу
Из этих глубин выплывать...
И думать устало про ужас,
Где время начнется опять.

Как в фильмах Робера Брессона,
мы падаем зеркалом вниз.
А рядом течет отстраненно
экранная странная жизнь.

Вот стрекот невидимой пленки,
и танец дождя за окном.
Вот грифель, предательски ломкий,
рисует игрушечный дом...

И голос за кадром так глухо
бормочет бессмысленный текст.
Быть может, однажды по кругу
ходить нам с тобой надоест?..

...А если судьба отразится
в осколках холодного дня,
оставь себе все мои лица
и снова придумай меня.

Какие красивые листья...
Какие осенние мы.
Плывут одинокие мысли,
мечтая достичь тишины.

Какое бездонное небо...
Как много цветов у него.
А мы все пытаемся слепо
разбить на кусочки его...

Мы слишком привыкли к осколкам...
Их можно в руке удержать.
Их можно расставить по полкам,
а можно, как пазл, собрать.

И вот уже новые лица –
так просто картину сложить.
Какие смешные границы,
в которых приходится жить.

О, эта терпкая печаль
непознаваемого мира!
Простая линия плеча
и сны на вырост...

Граница близости – пунктир,
как пульс совсем иных столетий...
Как тот, приснившийся мне мир,
где были только ты и ветер.

Зябкое равновесие...
Холодно в пустоте.
И несколько слов на листе
пытаются вновь согреться.

А человек уснул...
Плывет по реке молчания
вдоль берегов незнания
в маленькой лодке снов.

Зябкое равновесие
между оборванных строк.
Ночного неба глоток,
предчувствие серебра...

Ироничное

Объявление гласило: сдается
в одинокой душе уголок.

По утрам в нем надежда и солнце,
и свободы прохладный глоток.

Ближе к полудню приходят вопросы...

Созерцанье, кофейные сны.

И простое присутствие прозы,
чья шаги за стеною слышны.

А для ночи – набросок несмелый,
только несколько легких штрихов...

На листе, ослепительно-белом,
где когда-то дышалось легко...

Что касается пункта оплаты...

Лишь за свет вам придется платить.

Можно было бы сдать и бесплатно,
но ведь надо на что-нибудь жить.

Моя беззащитная осень,
прости мне мою немоту.

Пусть день уходящий уносит
монетку надежды во рту...

В его одиночестве тихом
пространство находит приют.
И годы, уставшие тикать,
к иному пределу зовут.

И, кажется, мир обретает
забытый и подлинный лик.

А если доходишь до края,
бессилен бывает язык.

Моя беззащитная осень,
прости мне мою немоту.

Мой вечер слова произносит,
а я просто рядом иду...

Муравьиные штудии.

Смотрю на муравья и думаю:
с какой нежностью урюжмоу
он тополиный лист исследует
и о судьбе своей не ведает.

А он глядит на великана,
чей взгляд – одна сплошная рана,
и поскорее хочет спрятаться:
невыносимо человеческое!

.....

...От тополя и до акации
ему ползти четыре вечности.

Кому-то становится грустно...

Кому-то становится нежно.

Кому-то – прозрачно и тихо
в пространстве осеннего сна.

Кому-то становится пусто.

Кому-то – почти безмятежно.

Кому-то становится вечно
и холодно в раме окна.

Такие случайные кадры...

Такие обычные лица.

Кому-то хватает минуты,
чтоб резко маршрут поменять.

И кто-то живет ожиданием,
а кто-то становится птицей...

И снова так больно кому-то
себя тишине возвращать...

Я примеряю тишину,
как будто новую рубашку.
Когда-нибудь я в ней усну,
ладонью к небу...

Я приближаюсь к тишине...
Но с каждым шагом все труднее.
Она не доверяет мне,
и слов боится...

А дождь мне шепчет: «Не спеши...
Она сама войдет однажды
на территорию души
твоей усталой...

И будут так легки шаги,
и будут так нежны объятия...
И что-то там, в конце строки...

Не надо!.. Знаю...

Нише

Слишком человеческое, слишком...
Слишком человеческое – рядом...
Бродит словно тень, профессор Нише
в сумерках заброшенного сада.

Осень в нем встречается с зимою –
слишком человеческая встреча.
Кто его сознание успокоит?
Кто его незнание излечит?

Смотрит он в окно больницы старой...
В небе одиночества так пусто.
В сумерки уходит день усталый,
И сиделка зажигает люстру.

Слишком электрическое, слишком!..
Тихий крик, укол, и вновь забвеньё.
Как ребенок, спит профессор Нише,
и во сне приходит просветленье.

Там, во сне, он снова на свободе...
Говорит с великим Заратустрой.

.....
«Бедный господин...» – сестра уходит,
выключает маленькую люстру.

Сколько еще будет написано слов?..
Они притворяются моими, но я-то знаю...
И вот пространство, где больше не видно углов.
Подобие рая?

Сколько уже навсегда затонувших строк...
Но если хотя бы одна доплыла до неба,
может, я в ней обрести бы свободу смог,
вернулся бы с снегом...

А после я просто ждал бы земной весны.
Доставил бы людям радость тем, что таю.
Не знаю, зачем я смотрю и смотрю эти сны.
Не знаю...

караван истории

ИСТОКИ СУДЬБЫ

Подробности долгой жизни Александра Федоровича Керенского (1881–1970), сыгравшего столь важную роль в истории России на самом переломном ее этапе, к сожалению, все еще очень малоизвестны. Вряд ли можно назвать биографическими лживые измышления официальной советской пропаганды – в полном соответствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)» или пресловутую «историческую повесть» М. М. Зощенко «Керенский», написанную в 1937 году.

Где истоки его судьбы, как вырабатывалось жизненное credo такой незаурядной личности? Для ответа на эти вопросы совершенно необходимо обратиться к молодым годам знаменитого государственного деятеля.

Ранним утром 2 сентября 1916 года от перрона ташкентского вокзала отходил, как обычно, скорый поезд «Ташкент–Самара». В суете торопливых прощаний мелодичный звон станционного колокола сменился свистком паровозика-«овечки», и бурые туркестанские кирпичи вокзального здания медленно-медленно двинулись назад. У окна вагона стоял, пристально вглядываясь в мелькание желтых глиняных домиков пригорода, худой, болезненного вида человек, с большой головой, стриженной под характерный «ежик». Звали его Александр Федорович Керенский. Он был в ту пору уже известным петербургским адвокатом и депутатом Государственной Думы. Однако основные события его жизни, которые навсегда вписали имя этого удивительного человека в бурную историю XX века, были тогда еще впереди. Прислушиваясь к убаюкивающему стуку колес, он, конечно, не мог знать, что этот приезд в Туркестанский край окажется последним в его долгой, почти девятидесятилетней жизни.

А. Ф. Керенский любил Ташкент пылкой юношеской любовью. Сколько раз в промозглые осенние вечера в своей большой петербургской квартире он, закутавшись в теплый узбекский чапан, тосковал по благословенной «стеклянной хмари» безветренного ташкентского лета и вспоминал родных и друзей, оставшихся в далеком Туркестане!..

В конце жизни Александр Федорович писал в своих мемуарах «Россия и поворотный пункт в истории» (Нью-Йорк, 1965): «...в Туркестане не было сословия дворян, вздыхавших по ушедшим временам крепостного права, не сказалась на его развитии и нищета разоренных крестьян. Не ведал Туркестан и нелепой государственной политики, направленной на сохранение неграмотности в сельской местности, пагубных запретов детям «низшего сословия» посещать школы, подавления любых проявлений свободомыслия в учебных заведениях, в печати, гонений против общественных организаций. Туркестан находился так далеко, что до него не дотягивались руки реакционных чиновников, стремившихся превратить империю с населявшими ее многочисленными народами в Московское царство...»

Борис ГОЛЕНДЕР

Родился в 1947 г. в Ташкенте. В 1972 г. окончил химический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Научный сотрудник музея им. С. Есенина в г. Ташкенте. Автор более 100 произведений («Окно в прошлое» (2002, Москва), «Мои господа ташкентцы.

История города в биографиях его знаменитых граждан» (2007, Ташкент) и др.) Автор сценариев шести документальных фильмов. Редактор многочисленных художественных, общественно-политических и учебных материалов, издаваемых в Узбекистане.

Гимназист Саша Керенский

Восьмилетним мальчишкой, в июне 1889 года Саша приехал в Ташкент вместе с родителями из Симбирска. Его отцу, Федору Михайловичу Керенскому, Министерство народного просвещения предложило ответственный пост главного инспектора училищ Туркестанского края. В те времена отдаленный Туркестан, лишь четверть века как завоеванный Российской империей, казался большинству россиян настоящим краем света. Но энергичный педагог, заслуживший глубокое уважение своей работой в учебных заведениях Казани, Вятки и Симбирска, трудностей не боялся и твердо решил переехать в Ташкент. Не последнюю роль в решении о переезде сыграла серьезная болезнь Саши – мальчик долгие месяцы был прикован к постели из-за туберкулеза бедренной кости, и врачи для выздоровления рекомендовали ему теплый сухой климат.

Вся большая семья Керенских – а у Саши были три старшие сестры и младший брат – поместилась на казенной квартире при Управлении учебными заведениями, которое располагалось в большом одноэтажном здании на углу нынешних улиц Амира Темура и Х. Сулеймановой против Центрального дома офицеров (в прошлом – Военного собрания). Самый обычный, неприметный в архитектурном отношении дом, в котором вырос будущий глава Временного правительства России, до недавнего времени еще стоял в центре современного Ташкента и лишь в ходе реконструкции 1995 года был снесен. Теперь на этом месте французская фирма «Буйр» возвела небоскреб пятизвездочного отеля...

Благодатный климат, солнце и тепло помогли мальчику быстро поправить здоровье, и в 1891 году он поступил в Ташкентскую гимназию. Потекли чудесные годы учения, когда, собственно, и закладываются основы личности каждого человека. Детство, отрочество и юность А. Ф. Керенского неотделимы от Туркестана. Особый строй жизни старого Ташкента, демократичный характер обучения в гимназии, все окружение юноши в те годы позволили ему рано стать личностью.

Не отличавшийся особо примерным поведением сорвиголовы, тем не менее, очень хорошо учился, переходя из класса в класс, как тогда говорилось, «с наградой первой степени». *«В развитии природных наклонностей гимназиста Керенского была замечена преобладающая черта – живость темперамента и самолюбивое стремление выдвигаться из окружающей его товарищеской среды, чтобы казаться и обращать на себя внимание публики»*, – писал о своем воспитаннике директор гимназии, известный туркестанский ориенталист Н. П. Остроумов.

Саша был всегда большим любителем чтения, а в старших классах он пристрастился и к театральному искусству. В конце прошлого века в Ташкенте гремела слава ученического театра мужской гимназии, где неперменным участником самодеятельных спектаклей был Саша Керенский. Особенный успех у зрителей в течение нескольких лет имела постановка «Ревизора» Н. В. Гоголя. *«Эта бессмертная комедия, – писала газета «Туркестанские ведомости» 4 марта 1899 года, – была исполнена гимназистами положительно прекрасно. Роль Хлестакова, на которую редко находятся хорошие исполнители даже между профессиональными артистами, выпала на долю воспитанника восьмого класса А. Керенского, и он блистательно провел ее, с глубоким пониманием и без утрировки... Юные артисты отлично знакомы с духом и смыслом произведения Гоголя»*. Театральная рецензия в ташкентской газете, очевидно, была первым упоминанием имени Александра Федоровича Керенского в прессе. Он участвовал и в других спектаклях классического репертуара, например, в комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (главная роль – отставной учитель Иван Ксенофонович Иванов). В любительском театре оттачивался талант непревзойденного оратора, каким стал впоследствии первый демократический премьер-министр России.

Ежедневно наблюдая жизнь и занятия своего отца, деятельного руководителя просвещения в Туркестане, неперменного члена ученых и благотворительных обществ, человека,

который так много делал и для Туркестанского музея, и для публичной библиотеки (ныне – Национальная библиотека Республики Узбекистан им. А. Навои), Саша Керенский окончательно и бесповоротно выбрал свой жизненный путь – изучение гуманитарных наук: истории, классической филологии и юриспруденции.

В 1899 году он с золотой медалью окончил Ташкентскую гимназию и поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет с лестной характеристикой: *«Керенский Александр имеет очень хорошие способности и выдающееся умственное развитие... Как юноша благовоспитанный дурных наклонностей никогда не проявлял, в политическом отношении вполне благонадежный...»*

И в годы учебы в университете, и после, работая присяжным поверенным Петербургской коллегии адвокатов, А. Ф. Керенский часто приезжал в Ташкент, где продолжал служить главным инспектором училищ его отец. Не всегда эти поездки бывали только приятным каникулярным отдыхом. «Политически благонадежный юноша» вступил в Петербурге в эсеровскую террористическую организацию, а затем и в масонскую ложу «Великий Восток народов России». Дважды – в 1901 и в 1906 годах – его отправляли в краткосрочную ссылку «для воспитательного воздействия в семье». За антиправительственную деятельность он с этого времени постоянно находился под бдительным вниманием охраны.

Как адвокату А. Ф. Керенскому в то время создали огромную популярность громкие политические судебные процессы, на которых он выступал защитником. Два таких процесса по делам организации социалистов-революционеров проходили в Туркестанском крае – в 1910 году в Скобелеве (теперь – Фергана) и в 1912 году в Ташкентской военной крепости. Обвиняемым, естественно, грозила высшая мера наказания, но благодаря умелым действиям юриста А. Ф. Керенского ни одного смертного приговора вынесено не было. Когда в 1916 году в Туркестане вспыхнуло национально-освободительное восстание, вызванное принудительной отправкой местного населения на тыловые работы, Государственная Дума для выяснения положения на месте послала в край представительную делегацию депутатов во главе с А. Ф. Керенским. Депутаты посетили Джизак, Самарканд, Андижан, Коканд и Ташкент. Они лично убедились в вопиющих злоупотреблениях администрации, неоднократно выступали с политически острыми речами на многочисленных митингах, принимали жалобы, петиции и заявления от местного населения. На торжественном банкете в ташкентском ресторане «Регина» А. Ф. Керенский заявил, что весь собранный материал будет использован для полного и всестороннего доклада парламенту России и организации переустройства Туркестанского края на демократических началах... Теперь он покидал город своей счастливой юности с сознанием выполненного долга. Уезжал, как оказалось, навсегда, оставив здесь родные могилы, оставив верных друзей, красоту Чимганских гор, таинственное перешептывание древних ташкентских мазаров, заветные уголки заросшего Городского сада, первое горе и первую любовь...

Набирая скорость, поезд уносил А. Ф. Керенского все дальше и дальше на север. Его ждала неумолимая и переменчивая хозяйка нашей судьбы – история.

В 1917 году А. Ф. Керенский возглавил Временное правительство. Не имея возможности самому попасть в Туркестан для организации его переустройства, А. Ф. Керенский назначил чрезвычайным эмиссаром Временного правительства в Туркестанском крае своего близкого друга Павла Александровича Коровиченко, того самого, кто охранял арестованное семейство императора Николая II в Царском Селе. П. А. Коровиченко, бывший адвокат, спешно произведенный в генерал-майоры, погиб во время уличных боев в октябре 1917 года в Ташкенте.

Младший брат А. Ф. Керенского Федор Федорович, тоже адвокат, заместитель прокурора Туркестанской судебной палаты, в 1918 году был расстрелян в Ташкенте без суда и следствия только за то, что носил ненавистную большевикам фамилию.

О знаменитой туркестанской семье напоминают сегодня лишь сохранившиеся до нашего времени на старинном Боткинском кладбище в Ташкенте скромные кресты над могилами матери Александра Федоровича и его сестры Надежды.

поздравляем!

Зульфия (1915—1996)

Думы

То ли годы спешат и меня заставляют спешить.
Чередю вершины, а юность в далекой дали...
То ли это дороги, меня научившие жить,
Подарившие песни о счастье людей и земли.

Или это вся жизнь – та, которую хочешь объять,
Словно добрая мать, говорит мне о долге моем.
Не утих мой родник, пробивается гулко опять,
Беспокойное сердце горит беспокойным огнем.

Будто рою колодец невидимой тонкой иглой –
И поет мой родник, и рождается чистая речь.
Если сердце мое остывать начинало порой,
Загоралась сама и его заставляла гореть.

Снег отцовских седин на вершинах заоблачных гор –
Начинаюсь оттуда, несметные силы беру.
Чувство жажды познав, я в степной устремляюсь простор,
Малый куст на пути напоить постараюсь в жару.

Дорог мне этот мир – сочетание красок простых.
Я, любви не тая, постигаю земную красу.
Всех младенцев земли я держу на ладонях своих
И, боясь уронить, осторожно и нежно несу...

Счастье – жить и творить. Не хочу быть прибрежным песком.
И желаю я людям того, что желаю себе:
В мире этом большом, став хотя б ручейком,
Целиком быть причастной народной судьбе...

Я как птица лечу, разрезая в пути облака.
Сколько солнца вокруг, сколько жизни в любимом краю, –
И пока бьется сердце, пока не устала рука,
Вдохновенье и труд я родимой земле отдаю!

Перевод Раима Фархади

ЛУЧЕЗАРНАЯ ЗВЕЗДА ЗУЛЬФИИ

О своих ярких впечатлениях от встречи с прекрасной поэзией Зульфии известная русская поэтесса Римма Казакова писала: «Когда я впервые услышала имя Зульфии, для меня это было так же странно, обворожительно и нереально, как Сафо, Эзоп или Аспазия...

Зульфия... Когда я сейчас произношу это имя, оно – живое и теплое, как земля перед севом, как цветок урюка, согретый солнцем, как золотая спелая дыня, как человеческая ладонь».

Мне бы хотелось добавить, что в имени Зульфии, как в капле росы, отражается весеннее солнце, не жгучее, а теплое, ласкающее. И это не случайно. Ибо она родилась в первый день весны 1915 года и этот, быть может, случайный подарок судьбы отразился в ее имени и поэзии, излучающих нежно-весеннюю теплую гамму цветов.

Сто лет тому назад в другую эпоху и Узбекистан, и его люди были совершенно другими. Другими были и женщины. Особенно те, у которых не было свободной минуты от домашних забот. Одной из таких женщин была Хадича-опа, мать будущей поэтессы. Юной Зульфией, как всем детям мира, интересно было все. Однажды она спросила у мамы, показав на далекие-далекие горы:

– Что там, мама?

– Горы, девочка моя ненаглядная.

– А за ними что, мама?

– Не знаю. Возможно эти горы – край земли...

Не прошло и сорока-пятидесяти лет Зульфия, уже известная поэтесса и общественный деятель, увидела многие страны мира за этими далекими горами, принимала участие в международных литературных форумах и своей удивительно нежной, жизнеутверждающей поэзией завоевала любовь и уважение ценителей поэтического слова.

Достичь поэтических вершин – дело не простое. Первые поэтические опыты... Посещение литературного кружка при женском педтехникуме... Первый сборник стихотворений «Страницы жизни», увидевший свет в 1932 г.... Встреча с Хамидом Алимджаном, выдающимся поэтом, определившая судьбу Зульфии.

Хадича-апа, простая, типичная узбечка-труженица, знала и читала наизусть стихи Навои, Физули, Мукими и других узбекских поэтов, ухаживала за цветами, чем только она не занималась. «Помню, – вспоминала Зульфия, – она выкормила шелковичных червей, получила шелковые нити, сама покрасила их в разные цвета и вышила сюзана удивительной красоты. На нем было изображено восходящее солнце в ярком зареве рассвета. Когда я выходила замуж, мама подарила мне это сюзана в приданое».

В комнате, стену которой украсило это сюзана, прошла счастливая семейная жизнь Зульфии и Хамида Алимджана. Здесь рождались не только их любимые дети – Хулькар и Аман, но и замечательные стихи и поэмы, вошедшие в сокровищницу узбекской поэзии. Это были самые счастливые дни и годы жизни Зульфии, подаренные ей Богом.

Жизнь без горячо любимого мужа, погибшего в автомобильной катастрофе, полна горя и печали. Стихи, написанные в эти годы, отмечены печатью этой невосполнимой утраты. Но вместе с трагическими нотами в поэзии Зульфии звучит нежный лиризм, чистота чувств и переживаний, вытесненные из поэзии конца 30-х – начала 40-х годов, признанные элементами буржуазной лирики. Активное участие не только в литературной, но и в общественной жизни выводит Зульфию и ее поэзию на новую, более высокую орбиту.

Встреча с женщиной под густой сеткой чачвана, происшедшая в 1950 г. на Наманганской улице, поразила Зульфию своим контрастом со всем, что окружало ее. Пораженная этой встречей, поэтесса решила бороться за освобождение таких женщин из темных объятий прошлого. Ее стихи и публицистические статьи, посвященные этой теме, получили широкий резонанс в республике. Зульфия начала подниматься по ступенькам литературного Олимпа.

В конце 50-х – начале 60-х годов, когда мир находился под угрозой новой сокрушительной войны, писатели стран Азии и Африки объединились под знаменем Поэзии – вечного символа мира и добра. Зульфия как известная узбекская поэтесса и редактор женского

журнала «Саодат» («Счастье») была приглашена на первую конференцию азиатских и африканских писателей в Дели. Поэтическое состязание, в котором она приняла участие, читая свои стихи на узбекском языке, оставило в ее жизни неизгладимый след. Поэма «Мушаира», в которой был описан этот незабываемый поэтический вечер: вечер дружбы, любви и добра – стала ее визитной карточкой.

Международное признание Зулфии открыло ей дорогу в мир. Она побывала во многих странах. Каждое путешествие, каждый визит доброй воли не проходили бесследно: из каждой поездки Зулфия привозила домой тетради, заполненные новыми стихотворениями. Каждая поездка обогащала ее поэзию новыми красками, новыми идеями и образами. Широта поэтического диапазона Зулфии, галерея созданных ею образов современников удивительна. В 60–70-е годы талант Зулфии засветился новыми гранями, и созданные ею произведения в полной мере отражали блеск ее таланта.

Не только поэзия, но и светлая, непорочная жизнь поэтессы привлекли внимание и уважение народа. Ее верность в любви, преданность Хамиду Алимджану вдохновили многих поэтов на создание стихотворений и баллад. А композитор Рустам Абадуллаев и поэт Аман Матчан своей оперой «Верность» обессмертили эту любовь.

Учитывая важную роль поэтессы в судьбе узбекских женщин, руководство независимой Республики Узбекистан учредило Государственную премию имени Зулфии. За несколько лет после учреждения этой премии выросла целая когорта талантливых девушек, самоотверженно работающих в разных отраслях жизни, награжденных значком с профилем любимой поэтессы.

В мире мало поэтов, получивших столь широкое признание и столько наград, сколько получила Зулфия за свою недолгую жизнь: Народный поэт Узбекистана, лауреат республиканской Государственной премии, международной премии имени Жавохаарлала Неру и международной премии «Лотос», Герой труда. Зулфия была также награждена многими орденами, в том числе болгарским орденом «Кирилл и Мефодий». Ее поэтические сборники изданы на русском, болгарском, украинском, белорусском, азербайджанском, армянском, казахском, киргизском, таджикском, татарском, крымско-татарском, каракалпакском и других языках народов мира (около тридцати языков).

Однако главным критерием широкого признания всегда считалась любовь родного народа, который чтит и хранит память о своих славных сыновьях и дочерях. А наша Зулфия¹ всегда любима народом.

Наим Каримов,
доктор филологических наук,
профессор

Союз писателей Узбекистана и общественный фонд «Ижод» к 100-летию со дня рождения Народного поэта Узбекистана, лауреата Государственной премии и многих международных премий, Героя труда Зулфии опубликовал сборник ее избранных стихотворений на русском языке «Мне эти строки сердце подсказало», в который вошли произведения разной тематики, созданные в разные периоды ее творческой деятельности, переведенные на русский язык известными переводчиками: И. Лисянским, К. Симоновым, Н. Гребневым, Ю. Нейман, С. Липкиным, С. Сомовой. Вступительная статья написана большим другом и почитателем таланта Зулфии Кайсыном Кулиевым.

¹ В рубрике использован портрет Зулфии, написанный художником Анваром Назыровым.

новые имена

**ПОНЕДЕЛЬНИК –
ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ**

Рассказ

(Перевод с узбекского Ойгул Батировой)¹**Нарзулло
БАТИРОВ**

Опять опоздал на работу.

Уже во дворе управления взглянул на часы: без десяти минут десять. В глубине двора важно красуется черная «Волга» шефа с двумя нулями в номерном знаке. Водитель Хуррам тряпкой вновь и вновь протирает и без того чистые стекла, наклонившись, он внимательно вглядывается в них и опять продолжает натирать. Обходит машину, прищурив глаза, пристально оглядывает ее и, будто замороженный, любуется игрой солнечных зайчиков, отражающихся от стекол.

Несмотря на солнце, морозно. Свисающие с крыши сосульки играют всеми цветами радуги, напоминающая украшенную гирляндами новогоднюю елку. Появившийся за ночь иней еще не успел растаять на солнце. Ветви деревьев у входа в управление покрыты льдом, словно хрустальные. Стайка воробьев, недовольная обеденными ветками, громко шепечет вспорхнула в небо и исчезла в синеве.

Я хотел незаметно пройти мимо Хуррама. Однако он, в очередной раз обходя машину, заметил меня.

– Э, что опоздали? – спросил он.

– Да, немного, – ответил я заикаясь.

Оттого, что Хуррам водитель шефа, сотрудники его «уважают» и опасаются, хоть он и неплохой человек. И я, разговаривая с ним, то ли из вежливости, то ли по другой причине чувствовал себя стесненно. Не хотелось, чтобы он видел, что я опоздал. Однако, не получилось.

– Целую неделю, аккурат семь дней, не были в городе. Только вчера вечером вернулись из района. Однако шеф с утра уже у себя. Проводит планерку. Но сегодня, наверное, снова отправимся по районам. Плохое у него настроение.

– Почему? Случилось что-то? – спросил я, чтобы поддержать разговор.

– Неважное положение в районах. Рано наступила зима, сильные холода. Проблемы с животноводством. Не хватает кормов, сена. Да и техника не готова к весенней посевной. В хозяйствах тракторы, сеялки остались под снегом. Нет запасных частей для ремонта. Куда ни приезжали, везде люди жалуются на отсутствие запчастей. В общем, проблем много.

– Да вы что?!

– Да, да, точно, – сказал Хуррам.

Надо же было мне опоздать на работу в такой день! Войдя я сейчас на собрание – опозорят и выгонят. Хоть бы выговор не влепили. Уже не первый раз опаздываю: и в прошлый понедельник, теперь вот сегодня...

Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил Ташкентский политехнический институт и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Шарк Юлдузи», «Гулхан», «Ешлик».

¹ Родилась в 1985 г., окончила переводческий факультет УЗГУМЯ. Живет в Ташкенте.

Взглянул на золотистый тонкий волосок, намотанный на указательный палец. Именно из-за него я и опоздал. На душе потеплело. Как хорошо, что он на месте. Хуррам остановился у машины и посмотрел на меня. Мне показалось, что он что-то заметил, и сейчас начнутся расспросы. Я быстро спрятал руку в карман.

– Что же мне делать? Зайти на собрание? – с мольбой взглянул я на Хуррама, будто от него что-то зависело.

– Лучше не ходите, не попадайтесь под горячую руку. Шеф сейчас, вероятно, всем пистон вставляет. Попадется на глаза – несдобровать. А не пойдете, может, и не заметит.

«Действительно. Я простой инженер. Работаю здесь недавно. Шеф в основном разговаривает с людьми своего уровня. На собраниях поднимает начальников управления и отделов, требует отчеты, дает указания. Младших сотрудников не трогает, если только это не связано с вопросами, касающимися лично нас. Лучше не заходить», – решил я.

Я торопливо поднялся на второй этаж, открыл ключом кабинет, сел за свой стол, достал служебные документы, бумаги, разложил по столу, создал рабочую обстановку. Если кто-то заглянет в кабинет, подумает, что я весь в работе. Вот только, что с волосом, намотанным на палец, делать? Лишь бы не выронить, не потерять. А если его заметят сотрудники, особенно женщины, начнутся расспросы. Поднимут на смех. Может, положить его во внутренний карман костюма? Нет, могу потерять. А если в карман рубашки? Там тоже пуговицы нет. Может, в служебные бумаги? Выпадет или затеряется в них. Я ломал голову, куда бы спрятать волос. Пока никого нет, я должен припрятать его, чтоб после работы благополучно унести домой.

Открыв выдвижной ящик своего стола, я увидел тисненый золотом приглашенный билет на свадьбу, который был вложен в конверт. От этого приглашительного ножницами отрезал широкую ровную полоску. Снял с пальца волосок, с почтением оглядел его, словно это было что-то бесценное. Сильно забилося сердце. Обычный волос, но для меня он – священный талисман. Я бережно завернул его. На бумаге красной ручкой нарисовал сердце. Перевязав золотистой ниточкой, сделал бантик, вложил в записную книжку и положил во внутренний карман костюма. Теперь можно заняться другими делами. Открылась дверь, и в кабинет вошли Салохидин с Эдуардом Михайловичем.

– Ну, что случилось? Почему опоздали на планерку. Сам шеф проводил. Всем достало на орехи, – накнулись они.

– Я немного опоздал, не решился зайти, – запинаясь, оправдывался я.

– Сейчас Николай Иванович придет и всыпет после собрания, – полушутя, полусерьезно сказал Салохидин.

Николай Иванович – наш начальник отдела – требовательный, но хороший человек. Любит порядок и дисциплину. Если и ругает нас по работе, зла не держит, быстро отходит и начинает подшучивать. На работе его все уважают, руководство с ним считается, к его мнению прислушиваются. Человек он компанейский: в зарплату, накануне праздников любит собрать сотрудников своего отдела где-нибудь в кафе или чайхане, посидеть, пообщаться. По словам Салохидина, шеф вернулся из поездки по району очень недовольным, поэтому кто-то выговор получил, а нашему Николаю Ивановичу объявили благодарность с денежной премией в размере месячной зарплаты, так как план ремонта за четвертый квартал года был перевыполнен. Эта новость обрадовала. Может, не обратят внимания на мое опоздание... Скорее бы закончился рабочий день... В комнату торопливо вошел Николай Иванович. Он всегда будто спешит: быстро ходит, быстро говорит, дает поручения, требует их своевременного выполнения.

– Почему опять сегодня опоздал? – бросил он, не глядя на меня, прошел к своему столу и, не садясь, продолжил по-узбекски: – Хорошо, что Артем Месропович не заметил твоего отсутствия, если бы заметил, то и мне бы досталось. Это что за обычай у тебя – опаздывать по понедельникам? Сколько раз я тебе говорил: опаздывай в любой день, но в понедельник будь вовремя на работе. Ты прекрати это!

– Николай Иванович, так уж сегодня получилось. Больше не повторится, – подавленно оправдывался я.

Когда так с Николаем Ивановичем говоришь, он перестает сердиться, отменяет намеченный нагоняй и только журит.

Николай Иванович сел на свое место:

– Чтобы такое больше не повторялось! Сегодня объявляю тебе последнее предупреждение.

Потом, подняв телефонную трубку, стал звонить куда-то. Я обрадовался, что легко отделался.

Первую половину рабочего дня я помнил о волоске и записной книжке, ласково поглаживая внутренний карман костюма. Во второй половине Эдуард Михайлович предложил:

– Николай Иванович, сегодня с вас причитается. Получили благодарность и денежную премию. Надо бы обмыть это. Ваши успехи – это ведь и наши успехи.

Николаю Ивановичу предложение понравилось. Он сходил в бухгалтерию, написал премиальные, получил их в кассе, вернулся в отдел и, глядя на меня, сказал:

– Тимур, ты у нас сегодня штрафник. Прямо сейчас пойдешь в хокимиат, передашь им одну справку. А потом займись вечеринкой, а мы после работы сразу в чайхану подойдем, – потом, почему-то внимательно глядя на меня, спросил: – В чем дело? Сегодня ты что-то за сердце держишься...

Я, сам того не осознавая, левой рукой держался за внутренний карман костюма:

– Нет, все в порядке.

Мы составили список необходимых покупок, сделали подсчет расходов. В чайхане я приготовил казан-кабоб. Вскоре прибыли наши во главе с Николаем Ивановичем. Вместе мы быстро накрыли дастархан.

– Эдик, а чего мы ждем? Не замерзли? Лично я замерз. Наливайте. Перед едой надо немного согреться, – распорядился Николай Иванович. – Выпьем, понемногу.

На таких мероприятиях постоянным тамадой был Немат. Сколько кому налить, как заставить выпить непьющего – все это он знал и умел.

– Не будете мне возражать буду тамадой, а нет – ваше дело, ищите себе другого.

– Тамада – это капитан судна. Его слово – закон для всех, – поддержал Николай Иванович.

Первый тост говорил Николай Иванович: об успехах и достижениях отдела, о сохранении и преумножении, о благополучии наших семей, о здоровье детей. Выпив до дна, все приступили к еде.

– Кто готовил? Сам или были помощники? – спросили меня.

– Зачем спрашиваете? Или не вкусно?

– Нет, напротив, очень вкусно, – сказал Николай Иванович. – За замечательные руки, которые приготовили это блюдо, грех не выпить!

Немат достал из бумажного пакета вторую бутылку. То ли еда оказалось вкусной, то ли холод был причиной – водка шла как по маслу. Мы и не заметили, как опорожнили третью бутылку.

Я то и дело поглаживал карман костюма. Побыстрее бы закончилась наша пирушка... Не потерять бы волосок...

Слово за слово, решили выпить еще...

Как мы выпили последние две бутылки – помню, как я добрался домой – не помню. Дверь открыла жена, грозная, брови сдвинуты. О чем говорили – не могу вспомнить. В полностью проснулся – лежу на диване. Внутри все горит.

– Воды, воды! – кричу я. – Дайте попить!

Дверь открылась, вошла жена. Принесла из кухни пиалу холодного чая.

– Холодной воды, холодной воды дайте.

Жена принесла чашку холодной воды, которую я мгновенно осушил.

– Ну что, утолили жажду? – сквозь слезы гневно спросила она. Значит, вы в бруд ударились? Гулять с распутными женщинами? Осквернять семью! Где вы были? С кем были? С кем пьянствовали? – возмущалась она, всхлипывая.

Я виновато пытался оправдаться:

– Госпожа, простите меня, я был со своими коллегами по работе. Обмывали премию Николая Ивановича.

– А женщину с рыжими волосами тоже Николай Иванович нашел вам? – задыхнувшись от возмущения жена.

Я не понимал, о чем она говорит, о каких женщинах... Поэтому, не соображая, бормотал:

– Да, сегодня так случилось. Больше не повторится. Последний раз... Простите.

Причитания и рыдания жены стали еще отчаяннее и громче:

– На какой черт мне, «больше не повторится». Знайте! Вы теперь для меня

поганный, нечистый. Идите теперь к своей рыжей. Не оскверняйте мою постель.

Голова раскалывалась, меня тошнило, внутри бушевал пожар, и ни одно ее слово толком не доходило до меня. Я никогда еще не видел свою жену в такой ярости. Все, на что я был способен – просить прощения. Но чем больше я каялся, тем сильнее она распалялась:

– Хоть не признавались бы. Ведь сами признаете что было! «В последний раз», видите ли, «простите», видите ли! Значит, это не в первый раз было? Не прошу! Никогда! Вставайте! Уходите! А нет, я сама уйду с ребенком! – кричала она.

Я хорошо знал нрав своей жены. Если я сейчас не уйду, уйдет она. И куда пойдет с ребенком в такой холод? Еле поднявшись, я снял со спинки стула костюм, надел его и вышел из дома. Было холодно, дул пронизывающий ветер. Я остановился у дома, думая, куда пойти?! Открылось окно нашей квартиры. Жена что-то выбросила:

– Чтб вам пусто было с вашей записной книжкой и вашим волосом!

О! Это моя записная книжка! Волосок! Он не должен упасть на землю. Я рванул из всех сил, чтобы поймать падающую книжку. Однако... земля, покрытая коркой льда, ушла из-под ног!

*Вновь очарован прядью твоих волос.
(З. Бабур)*

Понедельник. Мне нельзя опаздывать. Нужно прийти на полчаса раньше чтобы подготовиться к планерке, сделать анализ проделанной за неделю работы. Однако...

Уже подходя к автобусной остановке, сунул руку в карман и обнаружил дочкино лекарство, которое купил вчера в аптеке. Вернулся и отдал лекарство, но мой автобус ушел. Следующий пришлось ждать довольно долго. Наконец, кое-как втиснулся, встал у окна и накарябал на замерзшем автобусном стекле имя своей жены.

Лицо невольно расплывалось в улыбке от воспоминаний о жене и дочке. Рука, которой я держался за поручень, затекла. Вдруг увидел тонкий длинный волос на своем рукаве. «Откуда он, – подумал я, – где мог прицепиться?» Волос показался мне знакомым. Понял. Это ее волосок. Внимательно пригляделся, принюхался, да, это знакомый родной запах. Я не ошибся, ее волосок.

Вдруг автобус тряхнуло. Чтобы сохранить равновесие, я крепко ухватился за поручень. В этот момент волосок слетел с моего рукава. Я свирепо огляделся. Теперь его затопчут! Этого нельзя допустить!

Хотел было нагнуться, чтобы поискать волос, но толпа крепко держала меня в вертикальном положении. Наконец, я изловчился, наклонился. Стоявшая рядом женщина, возмутилась:

– Вы что там делаете, сбрендили совсем? Ерзаете, двигаетесь! И так едва стоим!

Я решил нагнуться в другую сторону. Раздался голос стоявшего рядом крепкого парня:

– Ну чего ты трепыхаешься, братан? Ехал бы спокойно.

А у меня одна мысль – спасти упавший волосок. Не хочу, чтобы его затоптали. Снова наклоняюсь. Сзади кто-то поддал мне коленкой.

А вот и он! Слава богу, на него никто не наступил. Хотел подобрать, но не смог. Пассажиры кричали и возмущались. Я, как глухонемой, стоял не двигаясь. Автобус подбехал к конечной остановке. Пассажиры, толкаясь, вышли, я наклонился и подобрал с пола волосок. Не затоптали! Теперь куда бы мне его положить? Может в карман? Думал-думал, и намотал его на указательный палец левой руки, считая, что отлично справился с важным делом. Я все могу!

Опоздал на работу – ну и что. Бывает! Ничто не сравнится с этим волоском!

*Весь мир отдам за миг с тобой.
(Слова странствующего дервиша)*

Открыл глаза. Незнакомое место. Где я? Наша квартира? Нет! Напротив моей кровати нет окна и занавески другие. Белые. И люстра на потолке другая. Не могу понять, где я. Хотел поднять руку. Не могу. Что со мной? Может, это сон? Сегодня вторник. Мне же надо на работу. Солнце уже высоко. Комната ярко освещена его лучами. Тепло. Наверное, уже полдень. А как же работа? Неужели я и сегодня

опоздаю? Почему жена не разбудила? Что происходит? Почему не слышно голоса нашей дочки? Где жена? Может, она пошла куда-то? Но такого быть не может. Не предупредив меня, она никогда не уходит. Хотел встать. Тело каменное, тяжелое, неподвижное. Хочу позвать жену и не могу издать ни звука. Закрываю глаза: автобус, работа, волосок...

Куда же я положил его? А, вот, нашел. Он внутри конверта пригласительного билета на свадьбу. Длинный, нежный, золотистый... Он колышется, как знамя, отливая золотистыми лучами. Смотрю на него, и в глазах рябит, ничего не вижу, что-то мешает.

– Пришли в себя, – слышу мягкий голос жены.

Открываю глаза, у моего изголовья сидит супруга, на ней белый халат, на голове белая косынка. В чем дело? Почему она в белом? Наверное, это сон. Закрываю глаза.

– Откройте глаза! Откройте глаза! – умоляюще, испуганно звучит голос жены.

В чем дело? Не понимаю. Открываю глаза. Рядом жена.

Глаза красные. Веки опухшие. Гладит мои руки. Кроме нас никого. На окне все та же белая занавеска, белая комната с гладким потолком. Это не сон.

– Как вы себя чувствуете? Как ваша голова, не болит? – нежно спрашивает жена.

Я таю, словно снежинка под весенним солнцем. Мне теперь все равно, где я. Ощушаю только ее прикосновения, все мое существо охватывает неизъяснимый покой и тепло.

– Папочка, милый папочка, как вы? Вам лучше? Почему вы молчите? Вы нас сильно напугали, – слышу я голос дочки, возвращающий меня в реальность.

– Где мы? – хотел сказать это громко, но голос прозвучал тихо и слабо. – Где я? Наверное, уже опоздал на работу...

– О работе не беспокойтесь. Главное, чтобы вы поправились. Голова не болит?

Она положила свои теплые руки на мою голову. Осторожно погладила волосы. Наклонилась и поцеловала. От счастья я был близок к обмороку. Мне не хотелось открывать глаза, чтобы все это не исчезло.

– Что случилось? Неужели снова потеряли сознание? – испуганно произнесла жена. Гладившие мою голову руки задрожали.

Я быстро открыл глаза.

– Со мной все хорошо. Только не понимаю, где я. Почему вы плачете?

– Вы нас очень напугали.

– А чего вы испугались?

– До сих пор не можете вспомнить? Вам теперь намного лучше, только не волнуйтесь! Хотите пить? Выпейте воды. Похоже, у вас пересохло в горле. Голос совсем тихий.

Я кивнул. Осторожно приподняв мою голову, она поднесла пиалу ко рту. От этой заботы и нежности у меня на глазах выступили слезы.

– Что случилось? Болит где-нибудь? – волнуясь, спросила она.

– Нет, – покачал я головой. – Как я оказался тут?

– Хотели поймать записную книжку, и вот – оказались в таком положении.

– Где моя книжка? – напрягая голос, спросил я.

– Ваша записная книжка здесь. У меня. Когда вы были без сознания, в бреду несколько раз спрашивали о ней. Требовали найти волосок, ругались с кем-то. Она взяла с тумбочки книжечку и передала ее мне.

– Волос там? Внутри?

– Да там ваш волос! Там, внутри! – дрожащим от обиды голосом ответила жена.

– Слава Богу! Не выпал!

– Неужели вам так дорог этот волос? – с болью спросила жена.

– Да, конечно! Для меня дорог каждый ваш волосок!

Ее лицо озарилось радостью.

– Разве это мой волос?!

– Да, – качнул я головой.

– Почему же вы не сказали мне об этом?

Я лишь улыбнулся. Она зарыдала, положив голову мне на грудь и причитая: «Простите меня. Простите меня, глупую».

За эти минуты, за эти прекрасные мгновения я отдал бы весь мир...

ПОЭЗИЯ

**Людмила
БАКИРОВА**

Родилась в Кировской области РФ. Окончила ТашГУ (ныне НУУз). Ее стихи публиковались в коллективных сборниках «Поэзия-88», «Под знаком осени», журналах «Новая юность», «Молодая смена», «Книголюб», «Звезда Востока», альманахах «Молодость», «Арк», «Анор». Участница Ташкентских открытых фестивалей поэзии (2003, 2005, 2006, 2008).

Погружаюсь на миг в созерцанье...

Редакция журнала «Звезда Востока» поздравляет Людмилу Бакирову со вступлением в Союз писателей Узбекистана! Доброго Вам здоровья, свежих идей, творческого вдохновения!

Мне даль, как книгу хочется прочесть,
где мокрых крыш мерцающая жечь
еще в пространстве светится,
костер
чадит в осенний сумрак,
под топор
лохматый дворник отправляет сучья,
кусты топорщат коготки паучы,
и странно как-то вдруг находит блажь,
с крылатой в небе каркающей стаей,
к себе плотную подтянуть пейзаж,
а он в туман пугливо отступает,

дрожит, клубится, комкается, тает.

Розы цветут на морщинистых грядках,
в рюшках, оборках, воланах и складках,
капельки – брошки от яркой зари.
Так, погружаюсь на миг в созерцанье,
где предпочтительней все же молчанье,
но ты – говоришь, говоришь, говори...

О комарах, о дождях, о погоде,
жаркое лето уже на исходе.

Знаю, ты мастер по части – на уши вешать слова.
Что это?

Может, к ненастью
сильно болит голова.

В ушко иглы вечерний свет продет,
дочь пишет маслом на холсте павлинов,
ей говорю – писать во тьме картину
для зренья вредно –
во дворе сосед
заводит долго старую машину.
Поет в эфире песенку Билан,
потом вешают новости с экрана,
я набираю воду из-под крана
в баллон,
деревья, уходя в туман,
на полотно выходят из тумана,

где средь ветвей под голубым мазком,
павлин следит за мной одним глазком.

Не знаю, как тут быть,
и жить не знаю как,
забыть на все,
забыть,
нет,
сделав первый шаг,
молю у высших сфер,
о, дай мне в этот час
преодолеть барьер,
что разделяет нас.
Стою столбом теперь,
ты, выйдя налегке,
прикрыл неплотно дверь,
оставив ключ в замке.

Мостик какой-то. Какая-то будка.
с длинным-предлинным забором вблизи,
ветер растет и крепчает как будто,
мимо проходит, мигая такси,
с выхлопом едкого серого газа,
в дом свой зайдешь – тишина,
красную розу в хрустальную вазу,
поставив напротив окна,
в множестве солнечных пятен и бликов,
чуть отойдешь от жары,
тикает время из таков и тиков,
ветер песком замечает дворы.

Лед на лужах ломается, тая,
нежит ветер деревьев кору,
посмотри-ка зима-то седая,
озираясь, стоит на ветру.

Дождь крадется тихонько, по-лисы,
раскрывая свой зонт на ходу,
вороша прошлогодние листья,
по последнему снегу бреду.

Узор роняет дерево Востока,
за домом листья жгут на пустыре,
то дождь, то снег, то слякоти морока,
что часто так бывает в ноябре.

И кверху – решкой – падают монеты,
покая нет от чьих-то пересуд,
учесть бы надо – не давать советы,
там, где их вовсе от тебя не ждут.

На песках, оставляя штрихи,
волны мечутся влево и вправо,
свежий ветер, врываясь в стихи,
в них качает высокие травы.

Утка, крикая, ищет утят,
под дождем – в этих травах средь кочек,
капли крупные в строки стучат,
и вода вытекает из строчек.

Печь, затопив в половине шестого,
чайник поставив – с водой – на плиту,
рифмы в тиши для стихов я найду –
к рани – герань –
убегает дорога
от фонарей на столбах в темноту.
И за блуждающей – в комнате – тенью,
свет не включая, невольно слежу.
жизнь моя тает,
сгорают поленья.
Угли потом ворошу, ворошу.

Попробуй уйти от ошибок, если – признаться – не очень-то гибок,
не гибок,
а гибким быть вроде бы надо,
дремотная осень,
пора листопада,
в шуршащих одеждах взлохмаченный сад,
в нем крупные яблоки сверху глядят,
у яблок румяные лица,
на ветках скрипит голосистая птица,
голосом катится в небе телега.
Сколько же дней остается до снега?
Когда-то отсюда уйду я туда,
а там – холода, холода, холода...

Ну, а опыт на что. То вдруг вправо пойду, то левой,
наступая внезапно на те же зубастые грабли,
я себе говорю – подружись с головою своей,
пока ноша посильна и руки еще не ослабли.
А пока, что с собою порой не в ладу,
я себя на различные мелочи трачу,
вот и время чужое возьму, заберу, украду,
о своем загрушу, среди ночи крошечной заплачу.
И пока я иду по овражкам крутым,
где неверный мой шаг откликается вздохом,
вспомнив сладкий, из детства, отчества дым,
собираю всю жизнь по штрихам, по частичкам, по крохам.

Время летит быстрее, чем бы тебе хотелось,
давно ли скрипел под подошвами мартовский снег,
и вот он сентябрь.
Ощущается спелость
яблока, груши, ореха, граната, айвы.
А осенью позже качаются ветром сухие метелки травы,
над мелким заросшим арыком. Кусты
линяют и листья в полет отправляют,
а ты
смотришь – картинка – на землю с балкона из окон.
Там в плащ завернувшись плотнее, чем куколка в конок,
прохожий под желтый идет листопад,
а перед ним – и под ноги, и сверху и сбоку,
три майны заводят раздоры, разборки и склоки,
кричат, верещат, голосят,
махая руками, их хочет идущий разнять человек,
они разлетаются с гневным упреком
и вновь друг на дружку с подскоком, с наскоком, с прискоком,
и кажется, к вечеру выпадет снег.

ОСЕНЬ.

Рассвет морозцем на прохожих дышит,
нежнее улиц бледных фонари,
от заведенных за сады и крыши,
локтей холодных розовой зари.
В листе опавшей, брошенной дворам,
крупницы снега,
под моей ладонью
бегут в пространство строки,
по утрам
все чаще слышно карканье воронье.

* * *

Желтый лист отлетел от куста,
над водою – блестящей, как масло,
засветилась на небе звезда,
засветилась и снова погасла.
И подула дождливая хмарь.
Серый сумрак.
Хандра.
Неизвестность.
Под унылою шляпой фонарь
озирает угрюмую местность.

* * *

Ветер, запахом снега наполнив жилье,
палый лист со двора выметая,
на веревке трясет за балконом белье,
словно птиц перепуганных стаю.

Да и ночь колобродит погоде подстать,
и в туманных слезах из-под века,
все глядит за фонарь, где почти не видеть,
уходящего вдаль человека.

* * *

Важно ли кто из трубы вылетает, а кто там сидит и сидит на трубе,
мучает нечто иное – что можешь ты сделать и кто ты, и где ты?
Сам заплутался, в себе заблудился – любимом – в себе,
крикнешь – ау – ниоткуда не слышно ответа.
Все-то тебе бы бродить, колесить, копошиться, не видеть в упор,
розы, гвоздики на грядках,
цветет под окном маргаритка,
в даль меж домами, шатая скрипучий, дошатый забор,
лезть через шель,
не заметив, что рядом открытая настезь калитка.

философия искусства

**Владимир
КАРАСЕВ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУЗ). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГРАНАТОВЫЙ РАЙ

Эссе

Этюд первый

...Здесь, в суете ташкентских улиц, найти место обители Вдохновения непросто. Неброский с виду дом, где приютились мастерские некоторых ташкентских художников, являл в свое время яркий образчик «сталинской заботы о мастерах кисти». Стоящий уже много-много десятилетий на одной из неприметных улочек города, прямо напротив обшарпанного здания посольства какой-то восточной державы, он – этот дом – вообрал в себя такую уйму Вдохновения и каких-то там Муз, что стал похож на прибежище ушедших в туманную Лету удивительных образов. Он стал хранителем Памяти. Не просто памяти, а боли сомнений, терзаний, несбывшихся и случайно претворенных надежд, кладезем озарений, и необойденных воплощений замыслов, которые достойны вселенского почитания.

Сегодня я случайный гость у знакомой художницы. И привели меня сюда не глобальные вопросы художественного творчества, не актуальные проблемы современного искусства, а желание выбрать несколько художественных иллюстраций для книги: пейзажей и видов ташкентских улиц.

Первое, что бросается в глаза при входе в маленькую мастерскую художницы Татьяны Ли, вертикальный живописный портрет сияющего на ступеньках пожилого красноармейца с ружьем, написанный когда-то отцом художницы Александром Ли. Типичное соцреалистическое полотно. Мужик, пришедший с фронтов мировой живодедни, сидит, задумавшись, читая письмо и сжав кулаки. Вероятно, «круглоголовые» искусствоведы советского братства утверждали, что в его позе видна пролетарская решимость самоотверженно биться за освобождение всех народов от буржуазии, но на самом-то деле полотно, как зеркало, а отрешенный мужичок – это откровенное зазеркалье душевных и нравственных аксиом. Перед ним зияет пропасть, и он сам привел себя и других к ее краю. И трудно отделаться от соблазна расшифровать аллегорию о том, что сам художник, написавший это полотно, в предчувствии надвигающегося крушения прекрасного академического классицизма видит, как искусство превращается в археологию.

Сегодняшнюю «страну художественных помыслов» охватил и безжалостно поработил синдром снобизма, базирующийся на мракобесном нигилизме. При этом, переиначив классика, могу с полным основанием заявить: «Кризис бродит по Европе – кризис интеллекта!». Да и не только в Европе!

Мир вокруг сейчас жаждет потребительского гимна, на фоне оскудевшего разума. Ему – миру – невдомек, что есть другие и галактические, и вселенские пространства, а не только ошхона¹ и «супермаркет». И тут почему-то мне приходят на память полотна Кандинского. Не какая-то картина конкретно, а весь образ его творчества последних лет. Ах, какая же он умища! Пророк! Он увидел этот рассыпающийся на тысячи бесформенных обломков мир людей, мир идей, мир чувств. Вот этот интеллектуально-художественный мир, который я называю «излом Кандинского», реально ошутим и в отдельных работах Татьяны. И это не компиляция идей и манер. Нет, это тот же «духовный излом» окружающего художницу мира. Она ему противостоит по-своему. Но что там вынесут эти хрупкие плечи? Она может воплотить лишь сложное кодирование смыслов. Так уже случалось – жили люди под знаками кодов, непознаваемых окружающим миром, но вполне понятных для многих и многих тысяч «сограждан».

Татьяна Александровна – прекрасный мастер живописной фактуры, чудесный классический виртуоз живописной техники, которым она стала, пройдя, вероятнее всего, школу своего отца – талантливого самоизолянта, погруженного сегодня в свою внутреннюю миграцию. Живописный соцреализм стал для нее такой громадной и незаменимой школой мастерства, нравственного выбора, духовного и эстетического постижения, какой не могла быть ни одна модернистская идея!

Сегодня, думаю мне, Татьяна Ли пытается смотреть на мир широко раскрытыми глазами, чувствовать через сочувствие к другим и пытается подкрепить свои эстетические концепции обращением к наследию культур древности, средневековья и совсем вчера прошедшего дня. Но вот как внимать этому нестройному, многоголосому хору времен, несущему свои коды? Как выбрать из симфонии звучащих эстетик свои ноты для своей партии, для своего голоса? Главная причина в самой природе поэтического видения этой художницы, перешагнувшей черту неомодернизма.

Татьяна слишком дорожит первым моментом восприятия мира, чтобы заботиться о единстве изображения и изображаемого. Как когда-то говорил П. Пикассо: *«Я изображаю мир не таким, каким я его вижу, а таким, каким я его мыслю»*.

Это и ее изобразительная манера, ее кредо. Она жаждет гармонии, а гармония, возможно, ускользает от нее. Вот, пожалуй, самая прекрасная работа Татьяны Ли, которую я отметил для себя – «Гранатовый рай» (2005 г.), потрясающая и философией содержания, и цветовым решением уникальной композиционной ауры, которую ей удалось так непринужденно и свободно передать. Эта картина, пожалуй, и поможет постичь творческое кредо этого опытного мастера.

При сегодняшней неимоверной одинокости интеллектуала в семимиллиардном контексте населения Земли только уход в какие-то внутренние пространства духовной свободы способствует реализации визуального овещствления собственных вымыслов, где в туманном рассеянном полумраке, среди каких-то полуфантастических кустов или деревьев, за которыми проглядываются лики домов, несомненно, обжитых добротой и всесветным уютом, превращающихся в лики таинственных людей или забытых рыцарей, над которыми витают среди спелых красно-коричневых, наполненных сладчайшим нектаром и источающих освежающий и одновременно дурманящий соблазнительный аромат, сфероизломанных плодов граната, неясные расплывающиеся облики или личины загадочных охранителей живительного сока этого райского плода; сока, который, изливаясь из спелых красно-прозрачных зерен, заполняет постепенно все обитаемое человеком пространство, создавая какую-то новую Вселенную, где мы с вами и будем пребывать все оставшееся до Судного дня время. Но стоит только пригладеться к этому Саду, как в нем мгновенно отыскивается место для тебя зрителя-соучастника этого вечного движения Бытия, из которого и рождаются Вселенные, к которым мы все устремлены в своих мечтах, в своих терзаниях и сомнениях. Это то самое место, где душа обретает покой, где самоудовлетворение гармонично с жизнью, с Бытием... Это и есть гранатовый рай.

Удивительно, что в работах художницы не чувствуется женское начало. Разве что в серии «Цветы» проявляется некая аура, присущая только женственному императиву, но это отдельная и весьма любопытная тема в ее творчестве.

¹ Ошхона (узб.) – столовая.

Чтобы было ясно, с самого начала следует уяснить одну непреложную истину – кагорта альтруистов вызывает, эгоистов – гибнет. И «черные силы» – это не игра воспаленного воображения, а конкретная реальность, с которой обычно сталкивается большинство одаренных личностей. Мы хотим процветания общества через его развитие, а значит необходима стимулирующая атмосфера для развития творчества, которое невозможно без незаурядной личности.

Гармония между помыслами и жизнью во все времена была проблемой проблем. Довольный жизнью во всех ее проявлениях человек не есть гармонично развитый индивидум. А где же сомнения? Где же неудовлетворенность творческого созидания? Куда девать просчеты и провалы идей и действий, которые сопровождают творящего всю его действительную жизнь? А как же физические, данные Богом, и нравственные, проявленные издержками воспитания, недостатки, которые неотъемлемы для любого разумного человека? Путь поиска, постижения и достижения – перспектива движения через новаторство к идеалу и гармонии. Уроки Истории неоднократно показывали: пророки не ходят толпами.

Мышление – дело личное, индивидуальное.

Если в художественном училище имени Павла Бенькова, в котором до 1984 года обучалась Татьяна, преподносились первичные постулаты и законы живописного искусства, то уже в 1991 году, по окончании Ташкентского Института искусств, у Т. Ли сложилась полная концепция нового видения путей творчества. Но какой из них выбрать – это был еще нерешенный вопрос. А может ли в принципе он быть когда-нибудь решенным для творческого человека?

Татьяна Ли предпочла сначала палитру солнечного света. Работы, которым художница придавала стержневое значение, пульсируют многоголосьем цветовых сочетаний. Так творил в свое время Аристарх Лентулов. В них используется все богатство форм, встречающихся в природе, создающих очень широкий спектр ассоциаций. Вот, например, полотна Татьяны – «Золотая Бричмулла» (2000 г.), «Горный мотив» (2000 г.), «Осень» (2000 г.), где резкими, уверенными мазками в сочетании с как будто упавшим с солнечного небосвода букетом расцветок она воплощает реальный мир. Поэтому, всматриваясь в мотивы реального мира и субъективное пространство своей художественной системы, она обнажает их структуру в прямом и переносном смысле, придавая изображению символический знаковый характер, тонко прочувствованный в работе «По улице Никитина» (2002 г.). Можно было бы сказать, что лентуловская манера проявилась именно в работе над ней. Впервые ее Татьяна опробовала за год до этой картины, когда впервые написала «На улице Никитина», где она «озвучила» тему улицы как пространства воспоминаний не столько о домах, сколько о людях близких по духу, чьи образы переданы через пространственные композиции с архитектурой. Она – архитектура – как будто бы и условна, но в то же время абсолютно узнаваема. Именно на этом принципе и складывался рассказ о временах детства, когда высокая духовная философия переплеталась с заурядностью жизни. Но в этой повседневности она – художница – увидела какую-то скрытую, трогающую до слез красоту. Нахлынувшая волнами улица притягивала к себе. В ней домики прячутся за щедрыми яблонями, а крыши цвета спелых яблок резко отличаются от ирреального тумана, надвигающегося на художницу или, в конце концов, на зрителя перед картиной. В этом тумане растворяются стволы и ветви высоких деревьев, но стены двухэтажных домов резко обелены, как крик утопающего, перед тем, как волны скроют его от нас. Еще одно-два мгновения и туман зыбкого, казалось бы, непроницаемого прошлого поглотит и домики с кирпичными строениями входов в дворiki, и расхлябанные доски забора, и самого зрителя, испытующе глядящего в прошлое.

Рисунок хоть и примитивизируется, но в стремлении к простоте и искренности художница достигает раскрытия его архетипа, приближаясь к детскому рисунку, но без «заигрывания». Еще две серии – жизнерадостных, насыщенных светом и цветом – открывают непосредственное восприятие художницей мира. Во-первых, серия «Во сне и наяву» и серия «Сны наяву» (2004 г.). Она как будто на ощупь пробует глубину, высоту, насыщенность цвета. Однако это были только поиски тех тропок, которые впоследствии должны были вывести Т. Ли на свою, ни на чью не похожую, дорогу.

В ее мастерской стали появляться на божий свет такие произведения как «Кишлак» (2003 г.) и, может быть, поначалу кому-то могло показаться, что ее работы тогда представлялись забавой, игрой в странность, вызванной желанием «выделиться». Тогда ее картины отечественными искусствоведами принимались неоднозначно. А ценители искусства из Франции, Германии, Венгрии, США, Azerbaijan, России, Казахстана, Южной Кореи приобретали ее работы и украшали ими свои собрания и галереи. Она упорно и дерзновенно искала в себе возможности и способности особенным образом передавать чародейство и драму бытия. Это было беззаветное самосозидание стихии собственной натуры. При этом ее картины особенным образом оживали и вовлекали зрителя в пределы своей энергетической непроницаемости.

Как будто бы отталкиваясь от утверждения П. Пикассо: «Я пишу не с натуры, а при помощи натуры», Татьяна Ли создает такие полотна, как «Сезон дождей-1» в 2002 году и в том же году «Сезон дождей-2», «Сезон дождей-3» (2003 г.), «Эхо весны» (2003 г.), «Осенний мотив» (2004 г.). Я не знаю, с чем была связана эмоциональная подоплека ее творчества, но вижу, что именно в это время краски ложатся на холст отрывисто-грубо, до кажущейся небрежности. В этих работах не было и намека на пошество! Именно эти полотна вобрали в себя такой поток энергетической трансформации, которая, вероятно, происходила в душе художницы, что диву даешься – как только сердце обыкновенного человека выдерживает этот выброс адреналина? Но если дожди ассоциируются со слезами, а отрывистость и, подчас, суровость мазка выдает нервное непостоянство (ну, почти по Фрейду!), то колорит красок убеждает в том, что личность художницы все равно жизнерадостна и душевно стойка.

Разумеется, это не более чем мои субъективные впечатления, но вот тональность красочного языка говорит о мощных переживаниях того, кто творил эти полотна: «Домик у обрыва» (2003 г.). Одинокий маленький белый дом, стоящий у самого края берега реки, которая темно-синим клубящимся потоком бездонной воды охватывает его уже практически со всех сторон. Только изломанные временем многолетние виноградные лозы словно прикрывают строение и пытаются оградить от надвигающейся опасности. Но где-то вдалеке белеет группа домиков с ярко-красными крышами как символ того, что этот сиротливый домик над обрывом не в безнадежном одиночестве.

Нет в моих размышлениях и намека на психоанализ. Если бы это было так, то я подсчитывал количество оранжевого, синего, белого и черного цветов в палитре художницы. А вот разобраться с той удивительной и непревзойденной эмоциональной окраской, которая подспудно присутствует в каждой картине, очень интересно. Однако, указанные мной картины невероятно реалистичны и, не побоюсь сказать, авангардны, наполнены внутренней философией художницы.

Сегодня на все лады говорят о Ренессансе Узбекистанской живописи, о возрождении традиционных постулатов изобразительного искусства.

«Ренессанс» или «Возрождение» – термин, который стал применяться в XVI веке и подразумевал возвращение к истокам искусства классической Греции, но проекция его – Возрождения – на среднеазиатскую почву в таком случае должна бы, вроде, подразумевать воскрешение из, казалось бы, ушедшего навсегда небытия социалистического реализма или классического европейского искусства позднего средневековья. На самом же деле никакой гибели классической европейской школы живописи, которая уютно приспособилась к атмосфере Евразии, не было. Даже тот, казалось бы, загнанный в глубокое подполье азиатский авангард, никогда не умирал, не сходил на нет. Он жил, пусть даже без официозов и выставочком, своей внутренней, глубоко интенсивной жизнью. И фактически та культура русского Серебряного века Восточной Европы, в немалой степени обязанная художественной атмосфере Средней Азии, продолжала существовать в творчестве практически всех настоящих художников именно в среднеазиатской среде второй половины XX в. Ибо само время показало, что индивидуальное – это в огромной мере есть истинно народное, и потому каждому должно быть понятно, что, стоя в толпе и крича хором, вы не становитесь частицей коллективного разума.

Для того, чтобы понять горек плод или сладок, его нужно попробовать. Татьяна Ли пробует себя на разных поприщах, в частности, «неоклассического кича». Ее картинка

«Райский уголок» (2007 г.), могла бы войти в анналы мешанской живописи, если бы не была настолько кичливой! Правда, это уже больше напоминает игру в «классику», когда представляешь: а, вдруг, и из кича можно что-то создать новое? А вдруг...

Эпюд второй

Молчаливость – мудрость глупца.
(Публилий Сир)

О Татьяне Ли пишут иногда трафаретно-газетным стилем, помяная маму, папу, сестру или Бог весть кого из соседнего подъезда, лишь бы не трогать чувственных струн творческого вдохновения, ибо для этого надо увидеть ее холсты «раскрытыми глазами». Действительно, вся семья художницы состоит из уже сложившихся и признанных в Центральной Азии художников, но это первоначальная школа живописи, это та творческая атмосфера, в которой пребывает сейчас талант. И нет в этой единой «художественной семье» стереотипов понимания своего места – у каждого своя стезя, свои идеалы и творческая манера.

Татьяна Ли уверенно перешагивает через все «измы». Без труда и спокойно, не заботясь о том, что кто-то (из «доброжелательных» коллег) будет сетовать на «избитую классику» в ее работах. Надо раз и навсегда уяснить себе, что творческая «классика» – это духовный иммунитет нации. Татьяна так же, как и все другие художники (подчеркиваю – художники), неоднократно задавала себе вопрос – в чем все же сила и красота искусства? И в поисках ответа приходила к мысли, что эта сила заключена в том, что создавая ту или иную работу, какую мы именуем произведением для человека, надо помнить, что он – человек – должен находить в этих работах ответы на свои поиски смыслов, которые возникают у каждого в жизни.

К сожалению, принижение общечеловеческих ценностей длится долгие десятилетия. Но лучшие художники сопротивлялись этому. Потому-то они и оказались лучшими. Поворот от общечеловеческих ценностей к «классовым» был, как известно, крайне тяжелым. Он оплачен миллионами жизней. Татьяна показала эту бдительность ничтожеством в цикле «Лик».

Как-то я писал о том, что не каждому выпадает в жизни счастье родиться под веткой цветущего персика, но и родиться в семье студентов-первокурсников Ташкентского театрально-художественного института имени А. Н. Островского, а значит с первым вздохом почувствовать «преlestь запахов» красок, растворителей, художественных масел – это тоже своеобразный и неповторимо изысканный «шарм»! Однако самое важное в жизни Татьяны Ли было то, что она родилась под небом Востока, а это совершенно феноменальное, если не сказать больше – экзотическое (!), событие в жизни настоящего художника. Должен вас уверить, что Восток с первым вдохом рожденного под этим небом входит в его кровь и жизненную суть, и не изменить этого никакими «прогрессивными западными веяниями».

Кое-кто, вероятно, знает, что коммуникативное поведение в живописи весьма показательно. Мы рефлекторно действуем по своей модели, заложенной в нас воспитанием или, более глубоко рассуждая, генами. Громкость в разговорном общении, например, для китайцев компенсируется сдержанностью живописных тонов в изобразительном искусстве. Подчас это исключительная приглушенная монохромность. Речь заискивающая тонкая у японок и нарочито грубо-приглушенная у истинных потомков самураев рождает интенсивную (иногда гротесково-яркую) палитру в графических работах, подчеркнутую (практически всегда) черной, фиксирующей цвет линией. Отрывисто-рубленный говор уйгур резко контрастирует с развязно-кричащей звуковой какофонией речи тюрков. Это и объясняет разницу ярко расцветившихся фресок Дунь-Хуана и вызывающе монотонных орнаментов на кошмах древних скотоводов и грабителей караванов...

Восток, как и иные части света, многолик, и в этом его прелесть и своеобразие. Художник просто на уровне интуитивности обязан пройти социализацию в той действительности, в которой он родился и живет. И вот тут-то и проявляется синусоида среднеазиатского менталитета. Эта синусоида может принимать форму самой замысловатой фигуры. Представление о красоте связывается в мусульманском мире с совершенством формы, с трепетом живых ярких красок, но более всего со светом. Не случайно отсюда

тысяч к вещам сверкающим, прозрачным, блестящим, переливающимся, преломляющим и отражающим свет. Именно этот феномен мы наблюдаем сегодня в наших галереях. Но Татьяна Ли, действуя практически на интуитивном уровне, искала свои (да, да именно свои!) цвета, в которые был окрашен ее мир. Ее динамичная натура не дает успокоенности ее таланту, из которого она черпает не только образы, но и смыслы Бытия.

Пробуя цвет на его мистическое воздействие на зрителя, Татьяна экспериментирует с декоративными сюжетами, наполняя их сдержанной музыкальностью и женской недосказанностью! Она творит в 2009 году целую серию почти из десятка полотен «Декоративные мотивы», где воплотила не столько национальные, может быть, и не древние тюркские мотивы, сколько эмоции и впечатления очарованного странника по дорогам Азии. Птицы, узнаваемые каждым (символы семейного благоденствия) и совершенно условные (проводники душ), плоды граната и жгучего красного перца на фоне фрагментов орнаментов из старинных вышивок должны были бы звучать как лейтмотив к прославлению национальных традиций прикладного искусства, но здесь прослушивается совершенно иная мелодия. Она еще явственнее звучит в другой работе Татьяны – «Место покоя-4» того же года. Хотя эта картина входит в цикл из четырех одноименных полотен, она как бы продолжает (точнее – завершает) серию «Декоративные мотивы». Именно в этой работе прозвучала мелодия памяти, уважения к духовным основам, когда зерна граната становятся оживляющей влагой. Полотно «Место покоя» как чувственная отдушина для беспокойного сердца, как заболтавшая прохладная ладонь на разгоряченном лбу воспаленного сознания времени.

В творчестве Ли Татьяны тема «декоративной» узнаваемости появилась еще в 1999 году вместе с работой «Орнамент чувств». Но это полотно было игрой «чистого» воображения, исполненное в «ахмаровской» сине-зеленой цветовой гамме с большой, перевернутой каплей красного, изображающей одевание девушки, пришедшей на свидание в условный сад, где условная луна и замечательные птицы, олицетворяющие совсем не условные три чувственных грани любви. А может быть, это была только проба манерной живописи? Ведь потом Татьяна никогда не возвращалась не только к этому сочетанию цветовой гаммы (и слава Богу!), но и к самой теме – условно-декоративная любовь в нереальном мире. Хотя «западникам» очень нравится эта шизоидная псевдо восточная манера живописи, появившаяся в середине пятидесятих годов прошедшего века, которая была сразу же взята на вооружение преподавателями в качестве наглядных пособий для студентов по специальности «Психиатрия» в медицинских вузах страны.

Разумеется, что не все так просто. Если в специализированной медицине этикие цветосочетания служат уточнению диагноза, то в отечественном искусствоведении это является показателем талантливости художника, которого уже при жизни провозглашают «классиком национальной живописи».

В то же время «западный мир», на который так ретиво направляют свои взоры отечественные искусствоведы, уже давно оказался в ступоре бескультурия. Там адепты поп-арта, скрывая свою полную художественную беспомощность, внезапно, в первую очередь для самих себя, открыли сущность «нового мира» – мира потребительского, всепожирающего бескультурия. Произведения этих «творцов новой реальности» имеют среди пустоголовых нуворишей очень высокую продажную стоимость и абсолютно никакой художественной ценности! Это Истина.

Но все же Татьяна Ли сделала выбор, который характерен только для тех, кто был очарован веткой цветущего персика или райскими цветами граната. Он – выбор – был больше посвящен той просто мистически своеобразной театральности, которая неотъемлема от творчества на Востоке.

В настоящее время в евразийском живописном мире созидание искусства часто подменяется использованием искусства, от чего в смятении старается уйти Татьяна Ли.

Особый интерес представляет серия портретов Т. Ли, чем-то напоминающих мне работы раннего Сутина, выполненные им еще до оккупации немцами Парижа. Эти портреты не были даром сокрытого еврейства у Сутина, но результатом чисто российской авангардной школы. Правда, Татьяна Александровна не стала глубоко прорабатывать эту тему и не пошла по тропе, проложенной Малевичем.

Чем более объективно-бесстрастным выглядит образ, который она воплощает в своем полотне, тем он интимнее. Каждое поколение должно само воплотить себя.

Это означает, что авангардная живопись XX столетия, какой мы ее знаем сегодня, есть нечто надуманное нами, поскольку мы не в состоянии проникнуться тем внутренним духом, который обуревал «творцов-основателей» прогрессивных движений. Мы можем быть только сторонними наблюдателями происходивших тогда катаклизмов, озарений, переводов на новые языки понятий. Художники, пытающиеся сейчас повторить идеи тогдашних оригиналов, будут только беспомощно агонизировать, как выброшенные на берег жизнерадостные окуньки.

Всматриваясь в полотна Татьяны Ли, видишь не столько конкретные объекты, сколько всеобщие качества вещей, мир абсолютного пространства и времени, вечного странствия. Именно поэтому эти образы оставляют ощущение нереальности. Художницу интересуют не внешние обстоятельства действия, а субъективная точка отсчета – отсюда лежит ее путь. Европейские языки живописи практически не допускают подобной равномерной изоляции образов, смещения буквального и метафорического, подобного эффекта единовременности. Это удивительное состояние иллюстрируют работы Татьяны «Гранатовый сад – II», «Хумсан», «Тропа к Су-Коку». Художница сохраняет изолированность образов, но, располагая их по невидимой смысловой оси, добивается эффекта единства.

Пробуждаемый своеобразным резонансом пейзажных образов, этот эффект нарастает crescendo вместе с плоскостью расцвеченного холста. Именно этого добились в свое время Илья Машков, Александр Куприн – основатели всем известного «Бубнового вала». Возможно, именно в работах Куприна и приметил Татьяна смелую трактовку цветосочетаний. А может быть, и нет? А может быть, это и есть ее врожденное чувство гармоничного цвета?

Мазки яркие, динамичные, точно такие же, как у Тулуз-Лотрека раннего периода. Работа «Зимний мотив» (2003 г.), вдруг, натолкнула на мысль: «А не было ли это для Татьяны уроками Кандинского, как в свое, еще недавнее время, уроки Дега, захватившие ташкентского азербайджанца Юсифа Гусейнова? Захватившие так, что последние работы этого мастера были похожи на прямое цитирование «праотца импрессионизма». Но нет. И, слава Богу, Татьяна перешагнула через супрематизм геометрических абстракций и пошла другой тропой живописного творчества.

Эпюд третий

Всякий раз, когда мне приходится знакомиться с творчеством того или иного художника, меня не покидает ощущение, что я неофит. Пытаюсь своими размышлениями, построенными на своих же вопросах, разобраться в палитре творца. И при этом очень часто убеждаюсь, что подавляющее большинство художников не просто не понимают, но физиологически не в состоянии осмыслить один из психологических постулатов, который раскрывает суть воздействия живописного произведения на человека. Потому что большинство людей и знать не знают, что вкус (все равно к чему – к одежде, музыке, мебели, цвету, архитектуре, живописи, литературе и т. д.) каждого из нас есть не просто воздействие извне, но и генетическая составляющая жизни, что-то из подсознания, которому сознание не дает открыто вырваться. При этом следует знать, что умение манипулировать психологией созерцающего картину, буквально «запускает на космические высоты» популярности убогие посредственности, коих в литературе, например, именуют графоманами. Как их называют в живописи – не знаю. Но совершенно точно, что любовь к отдекорированному кичу – это один из самых ярких показателей внутреннего психологического состояния человека.

...Татьяна Ли за год до «ташкентского землетрясения» известила мир о своем пришествии и, думается, что все у нее складывалось как «по расписанию» – школа, училище, институт, а там и творческое объединение при Академии художеств, осталось лишь, как штампуют борзописцы, «шагнуть в бессмертие»! Ан, нет! Бессмертные у нас только те, что наделены титулами.

Татьяна отдала творчеству всю свою жизнь. При этом, заметьте, нет у нее желания изображать из себя непримиримую суфразистку.

Ну почему, когда более пристально всматриваешься в работы Татьяны Ли, охватывает ощущение затаенной тревоги, готовой в мгновение ока взорваться фонтанирующим

потоком краски, боли, прозрения? Красота ее смыслов, «выплеснутых» на полотна, гениальна! И вот тут-то становится мне понятна эта тревога.

Народ, нация глядя на гения как на испытательную жертву, предадут ее заклятию, чтобы спастись самим. А если он еще и пишет картины, значит – пророчествует. Так пророчествовали поэты России. Осип Мандельштам по этому поводу говорил: *«Нигде к поэзии не относятся так, как у нас. У нас за нее убивают»*. Зато у нас талантливых художников не убивают, но бросают на произвол Судьбы. Выживешь – прославим, а не удержишься на трапедии жизни, может быть, скорбно посочувствуем, если вспомним, как, например, о Татьяне Немцовой, Константине Богодухове, Садыре Турсунове, Максуде Тохтаеве и десятках других ярких и самобытных художников, тихо и незаметно сошедших... Гений в «русском» смысле слова – это всегда показатель общего неблагополучия. Социология гения – общественное несчастье, конфликт, раздор, разор. Сартр говорил: *«Гений это не дар, а путь, избираемый в отчаянных обстоятельствах»*.

Татьяна Александровна, внимая яркой знаковой аппликационности кагаровского стиля (Медат Кагаров талантливый представитель среднеазиатской живописи, шагнувший из XX в XXI век!), осторожно прокладывает в своей трассе монохромность солнечной живописи. Это не построение абсурда.

В последних работах Татьяны Ли возникает туманное марево несбывшихся мифологий. Мы ощущаем и умом, и духом тот эфемерный мир, который в нашем сознании ассоциируется с улочкой детства, с запахом дорожной пыли и свежее испеченной лепешки. Татьяна, которая хочет философствовать целостно, неизбежно запутывается в противоречиях. Это объяснил еще Кант. Сама установка живописной философии на Истину требует ее (Истины) реализации, ибо Истина «конкретна», она есть полнота бытия, а не только теоретический концепт, она есть «система». Когда философия сознает свой мифотворческий характер, она становится искусством (Ницше).

Эпюд четвертый

Когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным.
(Сенека)

Картины Татьяны Ли последних лет убедительно доказывают, что искусство живописи, основанное на постулатах разумности, это всегда творение нового смысла. Сегодняшняя гармония живописного языка состоит, на мой взгляд, в том, что ей подвластны как внешние обстоятельства человеческого существования, так и психология, мотивы поведения, поступков человека.

Татьяна Ли в своем творческом горении всегда злободневна, понятна и свежа в восприятии жизненных коллизий.

Иногда в ее творческих исканиях просматривается цветовая гамма, присущая Полю Сезанну. Но это не потому, что происходило какое-то заимствование идеи, нет! Это, безусловно, объясняется внутренним состоянием художницы. Именно в таком состоянии писались некоторые работы Сезанном. Но вот что это за состояние?

Это тоска. Тоска по уходящему милому сердцу исчезающему городу, покорно уступающему место новым улицам, высотным зданиям, скверам и паркам.

В туманном дрожащем мареве, среди дымки исчезающих домиков Татьяна ищет ушедшие и растворяющиеся образы жителей и оберегающих их ангелов. Кистью своей она пытается увековечить их, но все бессмысленно, жизнь не поддается реанимации пусть даже великопленной живописью, которая все время только и твердит о жизни. А ангелы уходят и не появляются уже никогда на новых обезличенных улицах моего города Ташкента.

Полотно Татьяны Ли «Самаркандарбаза вчера, сегодня и третьего дня» (2009 г.), просто очаровывает своей композиционной открытостью.

Шемящее чувство какой-то вселенской безнадеги и неистовая боль в груди охватывает меня. И мне хочется немедленно, очертя голову, броситься к этой улице, гладить шершавые стволы трехсотлетних деревьев, прикасаться к теплым и живым глиняным дувалам¹, в детской беззаботности окунуть босые ноги в прохладу

¹ Дувал – забор из сыровой глины.

хаузов¹, умыться журчанием арыков. И взгляд мой, и мысли мои растворяются в этих полотнах, наполненных моим детством, несбывшимися юношескими мечтами, и грусть моя становится светла:

– Боже ты, мой! Как эта художница, не родившаяся на этой улице, не топтавшая детскими ногами раскаленную пыль переулков и тупичков ее, не пережившая первых робких признаний в любви (как я к соседской Марии, у которой было гораздо больше, чем сорок черных-пречерных косичек, сводивших меня с ума), улицы, где жили самые мудрые на свете старики, собиравшиеся вечерами по пятницам у полуразрушенного средневекового мазара, а потом ушедшие в землю кладбища Зах-арык на этой же улице? Неужто она смогла разглядеть то виденье нашей улицы, которое сохранилось где-то в потаенных глубинах нашей памяти, которое уйдет в небытие вместе с нами? Не провиденье ли это высокого таланта, граничащего с пророчеством? Ничего не берусь утверждать, но поражаюсь и восхищаюсь изумительной красотой ее живописных полотен, граничащей с высочайшим impression, правда, восточного «разлива», уже перемолотого мировоззрением поэтессы кисти и зараженного некой пространственной философией. И невольно приходят на память строки поэта **А. Гвардина**, посвященные этой удивительной художнице:

**Если твой промысел избранных
искренен,**

**Если обрек ты Их
на поиски Истины,
Тобой поцелованных
в лоб Их**

**Самим –
брось серебро Твое
под ноги Им.**

**Златом
взойдет оно сказки заветной,
колосом светлым
над былью бесцветной.**

**В центр поставь Их,
не на краю –
Тех,
в ком искру высекаешь Твою.**

¹ Хауз – рукотворный небольшой водоём.

С праздником, милые женщины!

РАЗМЫШЛИЗМЫ

Литературные миниатюры

НЕДОСТАТКИ

Нет, ну мало того, что они свои достоинства сочиняют из собственных слабостей, так они еще и в наших находят слабые места и их эксплуатируют.

Это тебе кажется, что ты упрямый! А вот ей – не под настроение, и уже будешь упрямый. Настойчивый? Нет – навязчивый. Мужественный? – грубый. Тактичный... деликатный? Не угадал! Нерешительный! Это она уже в настроении была, а ты опять не угадал. Начинаешь сомневаться. Прорастает и колосится то самое «зерно сомнений», которое мужчина получил вместе с яблоком и отказом от рая именно из ее рук.

И не надо задумываться! Отвлекаться! Потому, что у нее масса вопросов. И напрасно ты пытаешься отвечать. Она все равно не слушает, она обдумывает новые.

И все же! Больше того: именно в связи с этим!

Это очень приятно, что в твоей жизни оказалось так много замечательных женщин, которые тебе благодарны непонятно за что. Которые благодарны тебе за то, что они вполне могли бы и без тебя обойтись. Ты там, собственно, вообще с боку бантик. Бестолковое, но любопытное украшение. Они это могут: ценить бесполезное, стремиться к нефункциональному, любить незатейливое. Это их женская природа – привносить смысл в бессмысленное.

ЦОК-ЦОК КАБЛУЧОК

Как идет мужчина? Крупным уверенным шагом: раз-два, раз-два, раз-два... Симпатичная девушка в обтягивающей коротенькой юбчонке скороговоркой цокает высоченными шпильками: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре...

Ее четыре мелких, все же несколько длиннее двух его крупных. Она его обгоняет, и он этим совершенно доволен. Великолепный вид открывается прямо по курсу!

Цок-цок-цок каблучок. Лодыжки, подколенные ямочки, выпуклости бедер, талия. Идем выше – я любознательный. Изгиб спины, лопаточки, здесь обгоняем, как бы ненароком оборачиваясь, грудь, шея, губки и... тут, конечно, некоторая загвоздка и озадаченность.

Вот что раньше можно было встретить у интересной женщины непосредственно в качестве обрамления овала лица? А? Ну, шляпка, клипсы там, серьги. В конце-концов бигуды, шестимесячная завивка, пергидроль какой-нибудь... А тут... провода!

Она ими вся обмотана, и они цинично так беззастенчиво лезут ей непосредственно под блузку. Больше скажу – в декольте!

Вообще-то я сам туда попасть рассчитывал. Опять же штекерами утыкана, и на мое несколько, прямо скажем, демонстративное внимание вообще ничего не обратила.

**Александр
МАХНЕВ**

Родился в 1964 г. Публиковался в литературных журналах и сборниках Узбекистана, Украины, Греции, России, Германии, Израиля. Автор более трехсот миниатюр, двадцати рассказов. Живет в Ташкенте.

Потому как была занята своим Ай-фоном, ожесточенно нажимая на его кнопки оригинально так наманикюренными пальчиками.

И я попятился, потому что в технике не силен. Еще застежка, крючок, молния, «липучка» – я справлюсь. А тут дернешь чего-нибудь не то и... ну а вдруг?

...Вдруг она распадется на элементы. Заискрыт и уйдет по этим проводам в обратном порядке: шея-бюст-талия-бедро-лодыжки-каблучки... и только пара наушников подле одинокого Ай-фона на асфальте...

ЧУДО

Крем, девчонки, купила – полный обвал! Просто чудо, а не крем. Моделирует фигуру, убирает жировые отложения, все, что не надо снимает, везде, где положено наращивает. Оздоровливает, снижает и поднимает, одновременно подтягивает и разглаживает на девяносто три процента.

Ученые где-то в Африке в джунглях выкопали какую-то кочерыжку и чего-то из нее извлекли. И теперь, девчонки, никаких лишних движений – лежи и три. Стройные бедра и упругие ягодицы как с куста. Все само собой в полном объеме. С таким кремом все мужики наши.левой рукой втираешь – худеешь, правой – формируешь. Обеими руками – автоматический режим. Сам выбирает: где, чего, куда и как. Эффективность, если по цене судить, трудно представить за такие деньги что-то идеальное. Тюбик малюсенький, невзраченький. Просто как они... Шесть в одном. Ох, и ушлый народ эти буржуи: тюбики экономят. Шесть в один влихнули.

Правда, полный результат обещают в течение года регулярного применения. А моих сбережений хватит только на три месяца и то, если от шпильек и еды отказаться. Вот как тут быть?

О ПРЕКРАСНОМ

Лифтинг, пилинг, ваксинг, пластическая коррекция, откачка жира... Все это – современные реалии ожесточенной и затейливой битвы за внешнее омоложение. Есть успехи! И хотя им трудно улыбаться, а нам их узнавать – все равно некоторые очень впечатляют.

Теперь надо на внутренние органы внимание обратить.

Зубы, конечно, можно врезать и титановые. С фарфоровым напылением от настоящих практически неотличимы. Таковыми зубами не только мясо с кровью или любой продукт без ограничений, орехи можно колоть! Одна беда: он же (продукт) потом в пищеварительную систему попадает! А та, собака, функционирует согласно паспортным данным. И переваривать очень многое отказывается. Потому сколько кожу на задку не подтягивай – стул уже все равно не тот! Ну, просто возраст!

Так что давайте, увлекаясь внешним, и на глубинное обратим внимание. И пока мировая медицинская мысль изобретает пластмассовые кишки и резиновые сердца, я бы на душу предложил навалиться. Потому ее-то как раз вполне возможно содержать вечно молодой! Даже без использования всяких дорогостоящих методик и трансплантатов.

ДОВЕРИЕ

Я-то себя все еще воспринимаю тем, восемнадцатилетним пареньком. Ну, в крайнем случае, молодым тридцатилетним мужчиной. А они-то меня – вот этим самым, что я и есть. Седой старый дядька... Спасибо хоть за дурака не держат. Спрашивают, советуются. И если я стою где-то в центре города десять и более минут без движения, вокруг образовывается небольшое завихрение из интересующихся: «как пройти», «который час», «брат, дай штуку, на дорогу не хватает»... Видимо, все же как-то располагаю. К хорошему, может, чему-то. У них рождается подозрение, что я что-то знаю. Очень досадно их разочаровывать.

АВТОПОРТРЕТ

Жизнь перевалила за половину, и хотя то, что осталось позади, частично затянуто туманом младенчества и дымкой юности, то, что впереди, представляется менее интересным. Сильные желания и потрясающие эмоции сменились острым восприятием болезненных ощущений. Вообще, в тридцать лет понимаешь, как хорошо, когда ничего не болит, в сорок – как чудесно, когда болит не все сразу. Нынче же болячек все больше, волос и зубов все меньше, и это собрание несовершенств бодро вывleкает

к финишу, до которого, судя по всему, доберется, сильно напоминая спортивный автомобиль «Багги», – ничего лишнего.

Мой возраст уже мало кому позволяет сказать: сынок, я вдвое старше тебя. Быть вдвое старше меня небезопасно для здоровья.

Я еще обладаю крепким лбом (если регулярно пробивать лбом стены, он становится крепким, как сталь, а его обладатель выносливым, будто верблюд, и спокойным, словно удав) и выдающейся слегка вперед талией. ХарАктерные черты... не то, чтобы исчезают, но несколько трансформируются. Смелость охватывает при просмотре боевиков, упорство обнаруживается требованием долива пива после отстоя пены. Старые идеи обрастают все новыми подробностями, теряя всякий смысл от дополнений. Не так давно догадался, что прямая не всегда кратчайшее расстояние между двумя точками и перестал срезать углы.

Имею вредные привычки в ограниченном количестве. На все здоровья не достаёт. Любовь к женщинам делается все более эстетической. Встречая взгляд симпатичной представительницы противоположного пола, непроизвольно меняю походку. Ничего другого изменить уже не в состоянии, так что бить приходится в основном на жалость.

Общителен после второго стакана, задумчив после четвертого. Воспитан, но плохо. Рассказываю, как надо, но не знаю, как сделать. Понимаю газеты и официальные сообщения. Опыт сказывается. Основную мысль понимаю, хотя и не улавливаю содержания в целом. По-прежнему не знаю ни одного иностранного языка, так и не научился водить автомобиль и разбираться в компьютере. Люблю коньяк, пиво и красное вино, но пью водку из экономии. Предпочитаю сигареты в мягкой упаковке. В такую удобно воткнуть шариковую ручку. Наконец смирился с собственной внешностью и тем, что мне не стать суперменом, бизнесменом и, соответственно, яхтсменом.

Нашел-таки свое место в жизни. Оно оказалось небольшим и довольно оживленным. Соседи все время скандалят и задевают, но, по-видимому, они со мной уже смирились, как, впрочем, и я с ними.

Поскольку на внешнюю реакцию сил не всегда хватает, больше копаю внутрь, пытаюсь найти в поворотах и изгибах анатомии ответы на вопросы поступающие извне, хотя осмысление происходящего и описание ощущений даются легче. Что и доставляет некоторое удовлетворение.

Я

Встать я могу в любое время, а вот просыпаюсь не раньше одиннадцати. Физиономия разглаживается к половине первого (под душем лучше). Удобоприемлемые очертания приобретаю к двум. С трех до пяти оживлен и деятелен. После шести общителен и отзывчив. Это только предположи. Потом становлюсь по порядку: задумчивым, печальным, философичным, мрачным. Вплоть до полного отключения.

НЕ НАДО СРАВНИВАТЬ

Нет, эти блокбастеры невозможно смотреть. Посмотришь – расстроишься, хоть к зеркалу не подходи. Не дай бог глянешь, а там отсвечивает какой-то мрачный субъект хлипкой наружности, без малейшего намека на бицепсы, трицепсы и двуглавые мышцы. Даже на белозубую улыбку, как у того киногероя, не хватает зубов. Штук восемь. Опять же в огне горю, в воде тону и кунг-фу, джиу-джитсу или карате, на худой конец, знаю исключительно понаслышке, в общих чертах. Стреляю только в парке культуры, в тире по мишеням. И хорошо, если без жертв. Из полетов только те, которые полеты мысли. При попытке напрячь мускулы почему-то надувается живот. Голова слабая, не в пример тому парню, об которого ломается мебель и плиты перекрытия.

Впрочем... если не смотреть все эти боевики, весьма приятный тип. Даже вызывающий симпатию. У тех, кто не слишком увлекается кинематографом.

АНКЕТА

Фамилия, имя, отчество – Есть.

Возраст – В смысле количества лет, больше, чем хотелось бы. А так, спасибо, чувствую себя хорошо.

Национальность – Обычно неподходящая.

Социальное происхождение – В зависимости от предъявляемых требований. От потомственных крестьян до столбовых дворян.

Образование – Беспорядочное.

Владение языками – Родной, он же единственный, на котором говорю свободно, изыскаюсь с ошибками и читаю со словарем. Иностранные языки... безусловно знаю... что они есть.

Отношение к военной службе – Не годен в мирное время. Очень рассчитываю не понадобится в военное.

Пребывание за границей – Оказывается был. Даже больше – я там родился. Жалею, что сообщили об этом с опозданием.

Научные труды и изобретения – Противопохмельный коктейль и несколько способов увернуться от налогов.

Семейное положение – В общем, конечно, может быть... Если бы не врожденная порочность.

Рост – А так же зарплата и умственные способности средние.

Вес – Переменный. Плюс ноль пять, если пиво. Минус ноль пять, если водка. Спиртовые пары видимо. После ноль семь делаюсь почти невесомым, как ангел.

Зрение – В гонке на выживание дальнорук и вынослив. В погоне за обогащением близорук и нерешителен.

Занимаемая жилаплощадь – А так же собственный внешний вид, все время нуждаются в косметическом ремонте. Хотя меня, в принципе, устраивают, в связи с отсутствием серьезной альтернативы.

Личные качества – С скромные запасы оригинальности, красноречия и остроумия экономлю для дозаправки шариковых ручек. Пишу, знаете ли. Поэтому в быту произвожу впечатление человека мрачного и нелюдимого.

Число, подпись. Верю, люблю, надеюсь.

Искренне ваш.

СОРОК

(маленький подарок к собственному юбилею)

Организм сказал кырк¹ и с лязгом и скрежетом двинулся дальше. Подобьем балансик.

Мало: двигаюсь и зарабатываю денег.

Много: курю, пью, ем, болею.

Чрезмерные усилия в любом направлении обычно приводят почему-то в одно и то же место: медицинское учреждение. И еще хорошо, если это только аптека. Болезни прошивают организм насквозь, как пули со смещенным центром тяжести, натирая по пути все подрыя и лишая возможности установить конкретный диагноз. В связи с чем врачи тратят на меня все больше времени. В отличие от парикмахеров, которые управляютя, наоборот, быстрее.

Желания, стремления, планы сократились до размеров изображений мелких стран на крупномасштабных картах сомнений, сожалений и воспоминаний о нереализованном.

В двадцать жизнь представлялась бесконечной, в тридцать – бесцельной, теперь кажется бестактной...

Все труднее схожусь с людьми. Леню обременять себя новыми знакомствами и со старыми-то до сих пор не разобрался. Обнаружил у себя удивительную способность – убивать. Вежливостью. Но это только если внезапно, когда с той стороны не ожидают.

Не то, что бы я не знал об этом раньше, но в последнее время как-то особенно отчетливо проявилось: большей части людей, просто надо больше. У них количественные устремления. Для них жизнь всего лишь арифметика, им нравятся цифры. Надо признать – это разумно. Я им завидую. Но сам предпочитаю слова и надеюсь понять, почему и на кой черт собственно. Глупо конечно. И, главное, недостижимо. Успокаивает только то, что это ясно даже мне. Поэтому не спешу. Такая позиция позволяет.

Из накоплений: масса поступков, которыми я не горжусь, обещания, которые я не выполнил и слова, слова... Те, что сказаны – к сожалению, те, что не сказаны – увы. Те, что написаны – к счастью и те, что опубликованы – зачем-то.

По-прежнему выпиваю. Но чаще не для того, чтобы приблизиться к радости, а с целью удалиться от печали.

¹ Игра слов: скрип и по-узбекски кырк – сорок

О приятно: есть какое-то ощущение незавершенности... вот вроде как в этой миниатюре... Так что почему бы и нет?

ДВОЕ

Первый относился ко Второму с известной долей опасения. Все-таки человек, орудующий целносработанными ударными инструментами из черного металла, тем паче инструментами режущими – типа «болгарка» и «циркулярка», согласитесь – внушает.

Второй относился к Первому с тщательно скрываемым, несколько, я бы даже сказал, заискивающим любопытством. Сидит, чего-то там чирикает, бумагу мнет, по клавиатуре молотит, читает всякую дребедень!

Зато Первый Второму завидовал. Ему, Первому, сроду не снились заработки, которые легко поднимал Второй. К тому же этого Второго никогда не мучили депрессии, а Первому от них буквально спасу не было! И очень хотелось Первому этого железобетонного спокойствия Второго. Твердой определенности в целях. Монументальной ясности устремлений.

– А ты попробуй кувалдой помахать, да кайлом подолбить, а на закуску мешки с цементом на горбу потаскай! Не до депрессий станет, – усугублял Второй.

– Ну и что после тебя останется, дурак?! Восемьдесят кубометров вынутого грунта и сто тонн перемешанных тяжестей? – язвительно огрызнулся Первый.

Сам он предпочитал копать по направлению «внутрь», натываясь преимущественно на разочарования. Второй с тем же остервенением нажимал в противоположную сторону. Тоже, не добираясь, как правило, до искомого.

Вот что их несомненно объединяло, так это недовольство женщинами. Здесь Первый со Вторым уверенно приходили к общему знаменателю.

А в целом они конечно друг друга уважали. Первому без Второго было голодно, Второму без Первого скучно.

Так и существовали.

ЭХ, МА! ЖИЗНЬ МОЯ...

Очень бы хотел я иметь серый классический костюм. «Тройку». В продольную полосочку. Мне вообще идут костюмы. Во всяком случае, тот, что у меня есть, точно идет.

Мечтаю завести в доме бар. Ну, то есть, сперва завести дом, а уже в нем бар. Виски, джин, коньяки и вина. Хотя нет, вина лучше хранить в подвале. В дубовых бочках. А для изготовления этих самых бочек недурственно бы было держать маленькую бондарную мастерскую. Мастерские суетятся, фуганки, рубанки, кадушки там всякие... Запах стружки. А иной раз и самому, лично, с изделием повозиться!

Хорошо б рестораник организовать. Небольшой – типа харчевня. Для своих. Готовить, потчевать. Люблю я это дело.

Весьма желалось бы слетать в Париж. Увидеть Париж и... нет, не умереть, а напротив, проездом в Нью-Йорк, Токио, Куалу-Лумпур. Или даже еще круче – в Гваделупу. У меня в детстве марка была оттуда. Очень бы было славно глянуть, что это за страна с таким загадочно-неприличным названием.

Девчонки эти в коротеньких юбчонках или штанишках похожие на пизанскую, такую же вечно-падающую башню, массу желаний вызывают... Только вот юбки у них все короче, ноги все длиннее, и я их интересую все меньше. А хотелось бы, чтобы как-то заводил...

В лотерею выиграть бы недурно. Просто из любопытства. С проигравшими я со многими лично знаком, а вот о победителях узнаю только из СМИ. Так что ежели не самому, так хоть кто-то, кого я знаю, выиграл бы что-то стоящее.

Книжку мечтаю написать. Одну. Но хорошую. Чтобы не стыдно было перед потомками, ну и сейчас, да и подарить кому тоже. Пустяк, а приятно.

Нет, все-таки жизнь не так уж и не удалась. Еще так много есть чего хотеть...

**Сааламин
БАКИЕВ**

Окончил МГУ. Доктор технических наук. Специалист в области прикладной ядерной физики и ядерной аналитики. Имеет более 100 научных публикаций, автор 2 книг по мерфологии (изд. в Москве). Представлен в международных биографических изданиях «Кто есть кто в мире», «Кто есть кто в Азии» и «2000 выдающихся интеллектуалов XXI столетия»

ФЕМИНОЛОГИЯ

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

БРАК

Принцип М. Жуанло

Все люди рождаются свободными и равными в правах, но некоторые потом женятся.

Закон Менандра

Женитьба – зло, но зло необходимое.

Постулат Шопенгауэра

Жениться – это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности.

Аксиома М. Унамуно

Жениться совсем нетрудно, трудно быть женатым.

Аксиома Жорж Сана

Супружество приятно до брака.

Замечание Лопе де Вега

Нет для любящих сердец уместней кары, чем венец.

Принцип несоответствия части и целого С. Ликока

Многие мужчины, влюбившись в ямочку на щеке, по ошибке женятся на всей девушке.

О способе создания счастливого брака

Есть только один способ сделать брак счастливым, и мы все хотели бы его узнать.

Аксиома В. Бартошевского

Для счастья женщине нужен мужчина; для несчастья – вполне достаточно мужа.

Креда мудрой женщины (Э. М. Линдберг)

Тот, кого я люблю, должен быть свободен. Даже от меня.

Метаморфоза отношений по Х. Роуленд

Брак – это чудо превращения поцелуя из удовольствия в обязанность.

Метаморфоза покупок мужчины

Брак – это событие, после которого мужчина перестает покупать цветы, а начинает покупать овощи.

Определение Р. Шуман-Фикус

Брак – пожизненная кара за любовь.

Наблюдение В. Пашкова

Брак – самый дорогой способ узнать, какой же ты, в сущности, дурак.

Закон Наполеона I

Природой брак не предусмотрен.

Закон Шамфора о браке и безбрачии.

Что из двух не выберешь, все равно пожалеешь.

Афоризм Л. Ландау.

Не женитесь. Никогда хорошее дело браком не назовут.

Аксиома С. Джонсона

Супружество таит в себе немало мучений, но celibat не таит в себе никаких удовольствий.

Закон Сократа

Жениться надо в любом случае. Если тебе повезет и попадется хорошая жена – будешь исключением. В противном случае – станешь философом.

Идеальный брак по Ф. Ницше

Если бы супруги не жили вместе, идеальные браки встречались

бы чаще.

Условие идеального брака

Брак можно считать идеальным, если жена – сокровище, а муж – сокровищница.

Логика неизвестной блондинки

Дорогой! Если бы не ты, мы были бы идеальной парой.

Условие удачности брака по расчету Е. Сазонова

Брак по расчету может быть счастливым, если расчет правильный.

Закон С. Гитри

Нет плохих браков, есть лишь плохие супруги.

Мерфологический закон Фей Даневей

Идеальный муж всегда женат на другой женщине.

Постулат Ф. Саган

Все браки удачны. Трудности начинаются, когда начинается совместная жизнь.

Постулат Х. Роулена

Женитьба – самый большой комплимент, который мужчина может сделать женщине, обычно он оказывается и последним.

Афоризм А. Муртазаева

Все женщины хотят одного. Потом другого.

Постулат супружеского выбора П. Жирарди

Женщина сама выбирает мужчину, который ее выбирает.

Замечание Шер

Беда многих женщин в том, что они восхищаются буквально ничем – и потом выходят за него замуж.

Принцип женской мести по Ф. де Реми Бомануар

Женщина, обманутая мужчиной, стремится выйти за него замуж. Отмщение не хуже любого другого.

Аксиома С. Белоусова

Мужчины никогда бы не наломали столько дров, если бы женщины их не пилили.

Закон сна и будильника

Любовь – это сладкий сон, брак – будильник.

Аксиома Симоны Синьоре

Любовь слепа, но брак – гениальный окулист.

Парадокс досрочного освобождения

Брак – длительное наказание, срок которого можно сократить плохим поведением.

Логика выбора (Абу-аль-Фарадж)

Один философ женился на малорослой и тощей женщине и объяснил это тем, что выбрал меньшее зло.

Наблюдение Ж. Клемансо

Женщины живут дольше мужчин, особенно вдовы.

Основной фактор долголетия женщин

Женщины живут дольше мужчин, потому что у них нет жен.

Парадокс вдовы

Вдова – женщина, которая уже не находит в своем муже ни единого недостатка.

Классификация журнала «Пшекруй»

Есть два типа мужчин: одни молодые, симпатичные, с будущим; другие подумывают о женитьбе.

Разумный вопрос Д. Руаго

Если все будут жениться на умных, то что же делать с красивыми?

Ответный вопрос Бакиева

А кто собирается жениться на умных?

Сизифов закон

Сколько ни называй жену душой, умнее от этого она не станет.

Классификация Г. Менкена

Единственные по-настоящему счастливые люди – это замужние женщины и неженатые мужчины.

Закон Мелихана

Глупые женятся, а умные выходят замуж.

Парадокс Магдалены Самозванец

Обычное дело: объясняешься в любви ангелу, а женишься на кухарке.

Принцип Дизраэли

Я всегда полагал, что каждая женщина должна быть замужем, но ни один мужчина не должен жениться.

Закон неравноценного обмена Х. Роулена

Выходя замуж, девушка меняет внимание многих на невнимание одного.

Принцип добродетельной мышеловки Ю. Тувима

Добродетельная девица не гонится за женихами. Где это видано, чтобы мышеловка гналась за мышами?

Английская мудрость

Девушке подавай только мужа, а замужней подавай уже все.

Правило проверки Натали К. Барни

Он любит ее больше, чем других, но ему нужны другие, чтобы в этом удостовериться.

Аксиома о воспитании мужей

Если жена начала воспитывать мужа, значит, она готовит его для новой жены.

Наблюдение Бакиева

Самый эффективный, но и самый садистский способ воспитания мужа — это пиить его наутро после хорошей выпивки.

Закон свадебных затрат Тома

Продолжительность брака обратно пропорциональна расходам на свадьбу.

Замечание Х. Роулена

Медовый месяц — начало мудрости, а начало мудрости — конец романа.

Аксиома альтернативного счастья

Лучше медового месяца может быть только первый месяц после развода.

Аксиома П. Устинова

Медовый месяц был бы еще слаше, если бы не надо было жениться.

Д. Байрон о преимуществе супружества

Единственная хорошая сторона в супружестве — это то, что оно освобождает вас от друзей.

Обобщенный брачный закон Бакиева

Брак, конечно, ужасная вещь, но более лучшей формы семейных отношений люди еще не придумали.

ИЗМЕНА**Закон причинности измен Е. Виттлин**

Чтобы склонить мужа к измене, достаточно выйти за него замуж.

Второй закон причинности измен

Отчаявшись изменить мужа, изменяют мужу.

Принцип причинности измен Магдалена Самозванец

Любопытство — первая ступень к измене.

Закон многократности измен

Не трудно найти жену, которая не изменяла мужу, но трудно найти ту, которая изменила один раз.

Аксиома К. Люса об измене, как способе укрепления семьи

Нет ничего лучше, чем хорошая доза другой женщины, чтобы заставить мужчину оценить достоинства своей жены.

Закон безальтернативности измен Ю. Булатовича

Многие жены не изменяли бы мужьям, если бы знали более тонкий способ отомстить.

Утешительная арифметика Дерваля

Рогатых мужей меньше, чем разочарованных жен.

Возмущение неизвестной блондинки

Этот подлец мне изменяет! А я столько раз была ему верна...

Наблюдение Макушинского

Женщина такое тонкое существо, что начинает жалеть тебя уже за несколько дней до своей измены.

Утешительный принцип А. Чехова

Если жена тебе изменила, то радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству.

Закон Е. Карешко о части и целом

Бабники редко думают сразу о целой бабе.

Верные женщины по А. Камю

Есть женщины, которые не любят мучить нескольких мужчин сразу и сосредотачиваются на одном: это верные женщины.

Определение соблазнителя по С. Барбагу

Соблазнителем называют мужчину, которому женщина не может и не хочет сопротивляться.

Заповедь Ю. Тувима

Не пожелай жены ближнего твоего всеу.

Объяснение М. Матростяни

Если жены изменяют мужьям с их друзьями, то лишь потому, что мужья редко приводят в дом своих врагов.

Принцип Адиссона о соблюдении меры в почтении

Мужчины, которые относятся к женщинам с наибольшим почтением, редко пользуются у них наибольшим успехом.

Девиз Кэролайн Уэллс

Из двух зол выбирай более смазливое.

МУЖЧИНЫ

Правило Марка Твена

Если мужчина утверждает, что он в доме хозяин, значит, он и в других случаях лжет.

Закон Аршевского

Все мужчины одинаковые, только зарплата у них разная.

Хитрый совет Ширли Маклейн

Лучший способ заставить мужчину что-либо сделать – намекнуть ему, что он уже староват для таких дел.

Принцип Мэй Уэст

Лучший способ не упустить мужчину – не выпускать его из объятий.

Секрет Катрин Денев

Лучший способ сохранить любовь мужчины – не выходить за него замуж.

Составляющие мужчины по Козьме Пруткову

Каждый мужчина состоит из мужа и чина.

Скромность и мужчины по Я. Гашеку

Скромность украшает мужчину, но настоящий мужчина украшений не носит.

Откровения Ж. П. Туле

Женщины знают, что мужчины не так глупы, как принято думать, – они глупее.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Мужик тугим узлом совется,
но, если пламя в нем клокочет,
всегда от женщины добьется
того, что женщина захочет.

И. Губерман

Аксиома С. Бовуар

Ни один мужчина не согласился бы стать женщиной, но все они хотят, чтобы женщины были.

Исключительность женских глаз по К. Веберу

Бывают мужчины, превосходящие говорливостью женщин, но ни один мужчина не обладает красноречием женских глаз.

Замечание Пьера Бошена о различиях понятия чести

Честь мужчины до того отлична от чести женщины, что последняя смотрит на первую, как на врага.

Определение Шарля Бодлера

Любимая – это бутылка вина, а жена – это бутылка от вина.

Принцип дополнительности Анри Ренье

Женщины способны на все, мужчины на все остальное.

Закон журнала «Пшекруй»

Слабый пол силен ввиду слабости сильного пола к слабому полу.

Закон различия Ф. Гибера

Мужчины создают законы, женщины – нравы.

Баланс Давидовича

Если у тебя нет женщины, значит, у кого-то их две.

Максима Г. Менкена

Мужчинам живется гораздо лучше, чем женщинам. Во-первых, они женятся позже; во-вторых, умирают раньше.

Постулат С. Сегю

Мужчины говорят о женщинах, что им вздумается, а женщины делают с мужчинами, что им вздумается.

Замечание Дж. Эллиота

Я вовсе не говорю, что женщины не глупы, ведь они сотворены по образу и подобию мужчины.

Девиз Сари Габора

Для умной женщины мужчины – не проблема; для умной женщины мужчины – решение.

Наблюдение Бакиева

Люди странные существа: самые замечательные свои места и самое замечательное действие между ними они называли такими некрасивыми словами, что сами стесняются их произносить.

Закон Бакиева о недостатках и достоинствах

Мужчины имеют схожие недостатки, но различные достоинства. Женщины – наоборот.

Принцип Мэй Уэст о количестве и качестве

Неважно, сколько мужчин было в моей жизни, – важно, сколько жизни было в моих мужчинах.

Совет Ипохорской

Если женщине нечего сказать мужчине, она должна сказать это коротко.

Наблюдение Ипохорской

Мужчины только делают вид, что не понимают женщин. Это им дешевле обходится.

Утопический баланс Ю. Тувима

Как умны были бы женщины, если обладали всем тем разумом, который мужчины из-за них потеряли!

Замечание М. Дугласа о сходстве предпочтений мужчин и женщин

Мужчин и женщин объединяет одно: и те, и другие предпочитают общество мужчин.

Еще один закон Бакиева

Любовь и разум в количественном отношении находятся в обратной зависимости друг к другу.

МУЖЬЯ И ЖЕНЫ

Подумав, я бываю поражен,
какие фраера мы и пижоны:
ведь как бы мы любили наших жен,
когда б они чужие были жены!

И. Губерман

Мужчина хам, зануда, деспот,
Мучитель, скряга и тупица.
Чтоб это стало нам известно,
Нам просто следует жениться.

И. Губерман

Откровение Э. Тейлор

Женщины в своем большинстве считают мужчин негодяями и мерзавцами, но пока не нашли им подходящей замены.

Условие семейного счастья по Альтенбергу

Счастливая пара: он делает то, чего она хочет, и она делает то, чего она хочет.

Правило расплаты за ошибки

Если первый брак мужчины оказался ошибкой, за нее расплачивается вторая жена.

Парадокс брака по Роберу де Флеру

Обворожительную женщину и великолепного мужчину часто разделяет суший пустяк: то, что они состоят в браке друг с другом.

Определение Ю. Булатовича

Муж – тоже человек. Для чужой жены.

Постулат Ипохорской

Мужчина должен быть хозяином в доме, если, конечно, он не женат.

Предостережение Чехова

Если боитесь одиночества, то не женитесь.

Аксиома Бакиева

Мужчины доживают до пожилого возраста в двух случаях: если они не женаты, или если у них хорошая жена.

Причинность и последствия женской болтливости

Если женщина постоянно перебивает мужчину, значит, она уже замужем, – либо никогда не выйдет замуж.

Замечание Булатовича

Мужья столько бы не ввали, если бы жены столько не спрашивали.

Тривиальное средство Жарко Петана

Слово «нет» по-прежнему остается лучшим противозачаточным средством.

Мечта блондинки по Жану Лакану

Некоторые мечтают о господине и повелителе, которыми они могли бы повелевать.

Уточнение Ж. Голоноговой

Если ты отыскал у жены недостатки, вероятно, это те самые недостатки, которые помешали ей найти мужа получше.

Замечание Д. Карнеги

Безусловно, ваш муж имеет недостатки! Если бы он был святым, то никогда бы не женился на вас.

Замечание А. Сент-Джонс

Разница между мужьями настолько мала, что можно оставить себе первого.

Аксиома К. Норрис

Менять мужей – только менять неприятности.

Аксиома В. Вишневского

Старый муж лучше новых двух.

Комментарий Бакиева

Возможно, и лучше... Если новые тоже старые. А если новый – молодой, то он наверняка лучше двух старых.

Адекватная месть по С. Гитри

Если у вас увели жену – отомстите: оставьте жену сопернику.

Наблюдение А Перлюка

Если женщина называет мужа самым умным, значит, она понимает, что второго такого дурака ей не найти.

СВАДЬБА

Был не на шутку потрясен,
Когда узнал я, став постарше,
Что после свадьбы Мендельсон
Писал лишь траурные марши!...

Губерманиада

Аксиома В. Блоньска

Решение мужчины жениться – последнее, которое он принимает сам.

Закон У. Роджерса о сходстве и отличиях

Все свадьбы похожи друг на друга, но все разводы интересны по-своему.

Свадебные ассоциации Г. Гейне

Музыка свадебного шествия всегда напоминает мне военный марш перед битвой.

Закон Ф. Феллини

Женитьба – не хеппи-энд, а начало драмы.

Из воспоминаний Г. Гейне

Затем Лист сыграл «Шествие на казнь» Берлиоза, великолепный опус, который, если не ошибаюсь, был сочинен молодым музыкантом в утро своей свадьбы.

Истина Януша Росья

Снова чья-то капитуляция – играют свадебный марш.

Свадебное пожелание Бакиева

Снова двое совершают свою самую большую ошибку в жизни. Пусть эта ошибка будет самой счастливой ошибкой.

Свадебный вопрос Бакиева

Несут ли свидетели ответственность за брак в браке?

Предостережение Гете

Ни одной деятельности не следует начинать с празднования. Празднуй лишь то, что благополучно закончено. Из всех празднеств брачное наименее уместно, ибо оно более всякого другого должно бы проходить в обстановке тишины, смирения и надежды.

Замечание В. Белинского

По моему кровному убеждению, союз брачный должен быть чужд всякой публичности, это дело касается только двоих – больше никого.

ФЛИРТ**Определение Л. Левинсона**

Флирт – когда девушка не знает, чего она хочет, но всячески добивается этого.

Закон женских чар

Привлекательная женщина привлекает.

Поправка К. Кушнера

Привлекательные женщины отвлекают.

Одесская пословица

Кто девушку ужинает, тот ее и танцует.

Трудность оптимального выбора

Главная трудность – найти девушку, достаточно привлекательную, чтобы она понравилась тебе, и достаточно глупую, чтобы ты понравился ей.

Закон Мелихана о возрастном отборе

Чем старше женщина, тем больше мужчин ей подходит, но меньше мужчин подходит к ней.

Закон безопасной границы Жака Девье

Бегать за женщинами вполне безопасно. Опасно только поймать женщину.

Замечание Ипихорской

Молодую женщину подстерегают тысячи опасностей, но только несколько из них доставляют настоящее удовольствие.

Аксиома предопределенности О. Уайльда

Женщины обычно держат в руках все козыри, но всегда проигрывают последнюю ставку.

Постулат женского выбора М. Кундеры

Женщины обращают внимание не на красивых мужчин, а на мужчин с красивыми женщинами.

Наблюдение Булатовича

Иногда они уступают так быстро, что отступление невозможно.

Закон Виктор Гюго

Мужчины охотятся, женщины хватают добычу.

Закон Малкина

Женщина нуждается в защите и нападении.

Замечание Дж. В. Кратча

Нет опасных женщин, но есть опасливые мужчины.

Разъяснение Луи Масиньона

Молчание мужчины – знак отказа, молчание женщины – знак согласия.

Наблюдение А. Мюссе

Если женщина хочет отказать, она говорит «нет». Если женщина пускается в объяснения, она хочет, чтобы ее убедили.

ХОЛОСТЯКИ

Если мужчина – глава семьи, значит, он почти наверняка холостяк.

Одни получают, что заслужили, другие остаются холостяками.

Саша Гитри

Холостяк – мужчина, которому удалось не найти жену.

Антуан Прево

Холостяк – это человек, у которого есть все для семейного счастья, и поэтому он не женится.

Борис Крутиер

Рецепт счастья по Дейзи Эрз

Каждый мужчина способен сделать счастливой одну женщину, оставаясь холостяком.

Издержки любви по А. Ратнеру

Как сильно надо любить женщин, чтобы остаться холостяком.

...И ДРУГИЕ ЗАКОНЫ

Душой и телом охладев

я погасил мою жаровню:

еще смотрю на нежных дев,

а для чего – уже не помню.

И. Губерман

Больше всего прав на женщину имеет ее муж.

Больше всего прав на мужчину имеет его мать.

Халис

Закон фатальной встречи

На свете есть лишь одна женщина, предназначенная тебе судьбой, и если ты не встретишь ее, ты спасен.

Косметическая аксиома А. Ратнера

Косметика – это средство дезинформации мужчин.

Аксиома об идеальной косметике

Самая эффективная женская косметика – пудра для мужских мозгов.

Принцип несовместимости И. В. Гете

Любовь – вещь идеальная, супружество – реальная; смешение реального с идеальным никогда не проходит безнаказанно.

Правило барьера для счастья

Мужчина может быть счастлив с любой женщиной. До тех пор, пока не полюбит ее.

Правило лассо

Отпустите мужчину с короткого поводка, и он будет пойман другой женщиной.

Принцип Дона-Аминадо

Раскаяться никогда не поздно, а согрешить можно и опоздать.

Закон укрепления нравственности Мольера

Нравственность крепнет, когда дряхлеет плоть.

Окончательный диагноз Акрама Муртазаева

Если вы не помните, когда у вас последний раз была женщина, то это уже не склероз.

Закон В. Владина

Что с возрастом упало, то пропало.

Наступила в душе моей фаза

упрощения жизненной драмы:

я у дамы боюсь не отказа,

а боюсь я согласия дамы.

И. Губерман

проза

НАВЕРХ!

Рассказ

Утро в девятиэтажке.

Обычное утро в самой обычной девятиэтажке. На первом этаже пахнет жареным луком, открывается дверь, дети уходят в школу. Прошояются, топают вниз, дверь закрывается, запах лука остается.

На пятом этаже оживает железная дверь, выходит Сухроб-акя. Белая рубашка, черный галстук, запах дезодоранта. Очень похож на начальника, для полного сходства только чего-то не хватает. «Та-а-ак!», — говорит Сухроб-акя. Вот теперь, после этого «та-а-ак!», он уже совершенно начальник, даже муха, ползущая по дверце лифта, останавливается и поглядывает на него с почтением. А, может, просто его белой рубашкой заинтересовалась, кто ее знает?

«Кисочки! Кисочки! Мои кисочки!», открывается дверь на восьмом, и две кошки, вернувшиеся со своих ночных гастролей, ракетами залетают внутрь. Выглядывает седая голова в очках, присматривается, втягивается обратно, тарыхтит замком, звякает цепочка.

На втором этаже начинается уборка. Машхура-хон, двадцать два года, ведро, тряпка, ручки по ступенькам. «А, убираемся? Субботник делаем?», спускается с третьего Рыхсыбой-акя, он же «Шпион-Иваныч». «Правильно, — останавливается над Машхурой. — Молодец. А воды зачем столько? Как какой? Да вот, которая в ведре плавает. Воду экономить надо. Вода — наше богатство. Аш-два-о! Всею вас, так сказать, учить приходится!» Машхура-хон смотрит ему вслеп, отжимает тряпку, вздыхает.

В этот момент на седьмом этаже происходит борьба: пухлый мужской палец борется с кнопкой вызова лифта. Давит на нее, тербит, постукивает, скребет ногтем. Кнопка горит нежным рубиновым светом, лифт не шелохнется. Палец наносит еще несколько ударов и исчезает. Появляется кулак и бьет по красному огоньку. «Мама! Мама, лифт опять не работает! — Олим-акя дует на отбитый кулак. — Позвоните вашему лифтеру!» «Почему это он мой? — появляется Бриллиант Садыковна в махровом халате. — Весь подъезд на лифте катается — а как звонить лифтеру... Сам вот возьми один раз и набири номер как мужчина... Э, это что такое? Опять синюю рубашку надел? Влюбился в нее, что ли? Целую неделю одну рубашку таскает, видел бы это твой покойный отец! Тридцать пять лет, а до сих пор — ни кандидат наук, ни внуков мне на старость лет не обеспечил, и все — в одной и той же рубашке!» «Мама, — Олим-акя складывает ладони и поднимает брови. — Я вас прошу... Нас сейчас весь подъезд слушает...»

**Сухбат
АФЛАТУНИ**

Евгений Абдуллаев родился в 1971 г. в Ташкенте. Окончил философский факультет ТашГУ (ныне НУУз) в 1993 г. Поэт, переводчик, драматург, прозаик, главный редактор журнала «Восток свыше».

«А, Олим-акя! – спускается сверху Сухроб-акя, – добрый день, добрый день! Бриллиант-опа, как здоровье, как успехи?» «Какие успехи... – отмахивается Бриллиант Садыковна. – Давление, радикулит, сын никак не защитится, а тут еще лифт не работает». «Да, – кивает Сухроб-акя, – лифт – это проблема. Помните, как Марлен-акя застрял?» «Какой Марлен-акя? Из двадцать седьмой, что ли?» «Как раз под Новый год. Лифтеров нет, гуляют, так весь праздник, бедный, и просидел. Только первого января на свободу вышел». «А, ничего, ему полезно было, – говорит Бриллиант Садыковна. – Хотя один праздник не напился. Теперь, говорят, вообще пить бросил... (Олиму, вполголоса: «Вернись, говорю, домой, перемени рубашку»). А помните, как Кадыржон с Машхурой, Малики-опы внучкой, в лифте вдвоем застряли? Два часа там провели, пришлось потом их поженить, чтобы в махалле разговоров не было...» «Они, кажется, и до этого встречались». «Встречаться – одно, а тут два часа в совершенно изолированном помещении. А вы знаете, какая сейчас молодежь! То-о-олько отвернешься – уже черт знает чем занимаются!.. Эх, ладно, пойду лифтеру звонить...»

Сухроб-акя прощается и спускается вниз, унося облако дезодоранта. «Заходите в гости! – кричит вслед Бриллиант Садыковна и тут же поворачивается к сыну. – Видел, как у него рубашка заправлена? Кто так заправляет рубашку, тот в жизни всего добьется. Вот, человек в милиции работает, машину купил, жену взял с двумя иностранными языками. А ты что? Десять лет одну кандидатскую пишешь-пишешь, да еще эту рубашку надел, в могилу меня вогнать мечтаешь, наверное!»

Сухроб-акя останавливается пролетом ниже. «Мама, – звучит сверху хрипловатый тенор, – мама, я опаздываю на работу!» «Лучше опоздать, чем появляться в таком позорном одеянии!»

Сухроб-акя спускается. На следующей лестничной площадке перед лифтом стоит нечеткая личность в шлепанцах и майке с надписью «Memento mori. Одежда для Вас и Вашей семьи».

«Не работает», – говорит Сухроб-акя, проходя мимо.

«Что? А... Спасибо».

Сухроб-акя спускается еще ниже, мужчина в майке остается, проводит пальцем по дверце лифта:

– Так, горячим майским утром началась эта история. Подъезд просыпался, подтягивался, чистил зубы, хлопал дверцами холодильников, брился, ругался, собирал детей в школу и сам собирался на работу и просто по делам. Ничего, как говорят в таких случаях, не предвешало испытаний, которые вскоре придется пережить нашему подъезду. Хотя нет, кое-то предвешало – лифт уже не работал...

Нажимает рубиновую кнопку.

Тишина.

– Вот, сами видите. Да, все началось с этой очередной поломки. Бриллиант Садыковна вызвала лифтера... Слышите?

Сверху доносится приятный женский бас: «Алло! Алло! Вы там все что – уснули, ли, а? Как это – «кто говорит»? Я говорю!»

– Пришел лифтер... Потом, когда уже все случилось, одни утверждали, что лифтер еле держался на ногах. Другие возражали, что он был трезв, а качался оттого что вдруг подул сильный ветер, небо потемнело и загредел гром. Третьи рассказывали, что никакого грома не было, да и лифтера не было, а вместо него пришел какой-то человек в кепке, надвинутой на глаза, постоял у лифта, пошевелил усами. И ушел, напевая с кавказским акцентом начало известной темы Людвиг ван Бетховена «Так судьба стучится в дверь».

Та-та-та там... Та-та-та та-а-ам!..

– И лифт заработал. И остаток дня жители и гости нашего подъезда ездили, радуясь, вверх-вниз... А может, и не радуясь – честно сказать, радоваться внутри лифта особенно нечему. Лампочка слабая, вот-вот погаснет. Кабинка качается, будто вот-вот упадет. Запах... своеобразный. Как тридцать лет назад нашу девятиэтажку сдали, так та же сама кабинка вверх-вниз и бегаёт. Правда, надписи внутри интересные – по ним всю историю нашего подъезда изучать можно. Например, «Рустам + Нигора = Л»: как в воду тот, кто писал, глядел, такая «Л» у них была, Ромео с Джульеттой

от зависти бы умерли. Хотели пожениться, как только Рустам из армии вернется. А его в Афган отправили, ну и... не вернулся. Вот так. Уравнение в кабинке после этого, конечно, исправить бы надо было. «Нигора – Рустам = А». Потому что Рустама у Нигоры отняли, а «А» осталась. Сколько мы ее успокаивали, сколько объясняли, что жизнь продолжается, она еще молодая...

Отворачивается, скребет ногтем дверцу, пытаюсь что-то счистить.

– Или другая историческая надпись. «Даша дура!» На видном месте. Вот эту надпись точно надо было исправить. В детстве она, конечно, не вундеркинд была. Мама ее, тетя Вера из шестнадцатой, еще кричала: «Дашка-а! Опять в дневнике «Лебединая победа, вторая. По телевизору показывают... Недавно в гости сюда приходила, она теперь в другом районе живет, мы с ней как раз вместе в лифте оказались. Я – и Даша. Или, как ее теперь официально – Дарья... И вот, значит, едем, разговариваем, о погоде, о детях. И тут она, как назло, эту надпись видит. Неудобно как – уважаемая женщина, спортсмен, фотографии везде, а тут про нее крупными буквами такие вещи. Я думал – все, обидится... А она, наоборот, так обрадовалась. Как будто, говорит, в детство вернулась! Сфотографировала эту надпись на свой мобильный, я еще дверь лифта держал, пока фотографировала...

Снова нажимает на кнопку. Красноватый свет от кнопки просвечивает через палец.

– Но я как, лирическое отступление... Короче, снова заработал лифт. Потом, конечно, говорили, что стал он как будто немножко по-другому ездить. Маршрут, конечно, тот же. Но вот как будто немного быстрее. А Шпион-Иваныч, Рыхсыбой-а-я, то есть, говорил, что во время движения как будто шепот стал чей-то слышен. А он у нас все слышит и все про всех знает. Всю жизнь в отделе кадров проработал, давно уже на заслуженном отдыхе, но, в виде хобби, на каждого из соседей ведет личное дело... Со Шпион-Иваныча все на следующее утро и началось.

Утро в девятиэтажке.

На первом этаже пахнет жареным луком, открывается дверь, дети уходят в школу, прощаются, топают вниз, дверь закрывается, запах лука остается.

На пятом этаже выходит Сухроб-а-я, рубашка, галстук, дезодорант. «Та-а-ак!». Муха, ползущая по дверце лифта, почтительно замирает.

«Кисочки! Кисочки! Мои кисочки!» Две кошки, Мария и Антуанетта, залетают в приоткрытую дверь.

Машхура-хон уже домыла до первого этажа, отжимает тряпку. Звук открывающегося лифта. Выходит Шпион-Иваныч: «А, убираемся? Субботник делаем? Молодец, заразительный пример подаешь. А тряпка почему такая дырявая, а? Да, вот эта самая! Следующий раз хорошую тряпку возьми, а не бракованную. Понятно? Эх, всему вас учить надо!» Выходит из подъезда. Машхура смотрит вслед, вздыхает, отжимает тряпку.

Звук открывающегося лифта. Машхура яростно трет плитку.

Из лифта выходит Шпион-Иваныч: «А, убираемся? Субботник делаем? Так держать! А море зачем такое разлила, а? На лодке прямо переплывать надо! Эх, всему вас учить надо! Из какой квартиры?... Ладно, мне сейчас некогда» Выходит из подъезда.

Машхура медленно садится на мокрую ступеньку.

Машинально отжимает тряпку и прикладывает ко лбу.

На шум сбегался почти весь наш подъезд, и даже из соседних.

В середине толпы стоят два Шпион-Иваныча и размахивают паспортами. Каждый обвиняет другого в том, что тот, другой – двойник, заброшенный вражескими спецслужбами для того, чтобы похитить у него, настоящего Шпион-Иваныча, то есть, Рыхсыбой-а-я, секретные бумаги, секретные книги и секретные газеты.

– Та-ак, – говорит Сухроб-а-я, срывая оба паспорта. – Шпи... Рыхсыбой-а-я!

Оба Шпион-Иваныча поворачиваются.

– Вы, когда новый паспорт получали, прежний государству отдали?

– Отдал!.. Отдал!.. – синхронно кивают Шпион-Иванычи.

– А может, теряли его когда? – Сухроб-а-я старается говорить спокойно.

– Как можно! Я его постоянно ношу у сердца! – отвечают двойники, нежно поглаживая левый бок.

– Непорядок получается, – качает головой Сухроб-акя. – Один паспорт на имя гражданина Рыхсыбоя Кулокова, 1937 года рождения, выдан в 1997 году. А вот этот, на имя того же самого гражданина – всего три года назад... Чей из них чей?

– Вот мой.

– Вот мой.

Тут все, наконец, замечают, что тот, который указал на паспорт, выданный в девяносто седьмом, выглядит как-то моложе. Конечно, Шпион-Иваныч лет уже двадцать как не менялся: все такой же маленький, лысенький и энергичный. Но, видимо, процессы старения незаметно шли даже в нашем законсервированном Шпион-Иваныче.

– А брата-близнеца, системы «Хасан-Хусан», у вас случайно, не имелось? – спрашивает Сухроб-акя того Шпион-Иваныча, который постарше. – Или младшего брата?

– У меня наличия брата вообще не имелось! Сплошные сестры.

Народ задумчиво молчит. Слышно, как у Олим-акя, не успевшего позавтракать, бурчит в животе.

– А какой сейчас год, амакя? – неожиданно спрашивает Олим-акя.

– Как какой? Девяносто седьмой, – отвечает Шпион-Иваныч, который помоложе. – Одна тысяча девятьсот девяносто седьмой. А ты сам кто такой? Что-то тебя не помню.

– Я Олим, Бриллиант-опы сын...

– Э, шутишь? Что я, Олима-студента не знаю, что ли! Худенький, как веточка. А у тебя вон живот и седина уже.

– Я не хочу вас обидеть, амакя, – Олим-акя слегка подбирает живот, – но сейчас две тысячи одиннадцатый...

– Какой-какой?

– Кажется, – обращается ко всем Олим-акя, – в нашем подъезде завелась машина времени.

– Вой, товба... – всплескивает руками Бриллиант Садыковна. – Только машины времени на нашу голову не хватало!

Слышно, как в подъезде раскрываются дверцы лифта.

Из подъезда выходит незнакомая девочка лет пяти.

Удивленно смотрит на собрание. Здоровается, тихо, с неуверенным поклоном.

– Ну вот! – показывает на нее Шпион-Иваныч-младший, – а вы говорите – две тысячи одиннадцатый... Это же Машхурочка, Малики-опы внучка!

К девочке медленно подходит наша Машхура-хон. Ставит ведро на асфальт и внимательно смотрит на нее.

– Да, – кивает головой, – это я... это я... это я...

Так в то утро в нашем подъезде стало два Шпион-Иваныча и две Машхуры-хон. Честно сказать, насчет Шпион-Иваныча никто особенно не радовался, нам и одного вполне хватало. С маленькой Машхурой тоже было непросто: все время плакала и звала маму, а как ей объяснить, что мама ее уже два года – вот как выдала ее замуж, так вскоре благополучно в другой мир переселилась, пусть земля ей будет пухом, хорошая была женщина... Попробовали расспросить Машхуру, как она в наше время попала: оказалось, ездила на седьмой этаж, касу с пловом отвозить, мама послала, потом обратно села в лифт, и в 2011 год приехала. «Мама меня там, наверное, сейчас ждет!» «Не плачь, – говорим, – наверное, ты все-таки тогда к маме вернулась, раз потом выросла, школу кончила и замуж вышла и в соседней комнате сейчас лежишь, в себя прийти никак не можешь». Там, в спальне, действительно, Машхура-хон, взрослая, плакала, тоже понять состояние можно. Вышла утром подъезд помыть, и вот помыла, называется.

Только поговорили, успокоились – ассалому алейкум! – открывается лифт и...

Вечер. Пахнет политым асфальтом. Возле подъезда Сухроб-акя и Кадыр, муж Машхуры, стучат нардами.

– Что-то надо делать, акя, – бросает кубики Кадыр. – Пять-шесть... Сегодня еще

три человека на лифте приехали. К Фарруху из пятнадцатой, к тетя Зое, которая с кошками...

– Да, слышал. Три-два... Зоя-опа вообще ее конкретно пускать не хотела. Я ей говорю: «Посмотрите, это же вы, вы, только двадцать лет назад». А она: «Оставьте меня в покое, я одинокий пожилой человек!» Я говорю: «Ну вот, и не будете одинокой... Будете теперь в лице себя за собой ухаживать!»

– А она?

– Которая?

– Ну, настоящая Зоя-опа...

– Обе – настоящие, я документы проверил. Так ее и не пустила. Пусть, говорит, уезжает, откуда приехала... Три-три!

– Да, теперь та, молодая тетя Зоя, там на ступеньках сидит и ждет. Машхура ей лепешку отнесла...

– Какая из двух?

– Маленькая Машхура... Шесть-один. А может, правильно сделала Зоя-опа, что не пустила. Шпион-Иваныч пустил – вчера уже «скоряя» приезжала, сердце.

– Подожди...

– Что?

– Слышишь? Лифт остановился.

Из подъезда выходит Марлен-ака с четвертого этажа.

Игроки вздыхают с облегчением.

Здоровается, садится рядом. Закуривает, роняет сигарету, ищет ее под скамейкой.

– А мы думали, это еще кто-то оттуда приехал, – говорит Олим-ака.

– Ну вот, в лужу упала! Не могу больше! – вылезает из-под скамейки Марлен-ака. – Послушайте только! Мало ему, что я ему выделил свой диван, отдал свой мобильный, сам, как ишак, старым пользуюсь...

– Вы это о своем госте? Три-пять...

– Так он еще на старуху мою начал заглядываться!

– Это психология, – замечает Сухроб-ака. – Вы же на нее тоже когда-то, наверное, заглядывались. А он – это вы.

– Я ему говорю: посмотри, сколько вокруг молодых есть! Некоторые – даже с квартирами... Моя Фарида тебе в матери годится! Еще водку откуда-то приташил...

– Это все, все – психология. Вы же сами, пока не завязали... А он – это вы.

– Сидит, понимаете, на моем диване и любезничает с моей законной супругой. А та уши развесила, супом его кормит. Я понимаю, что он – это я... Но я же его старше!

– Пять-пять...

– Сухроб-ака, – Кадыр берет кубики и нервно вертит в пальцах. – Вы же в спортивном столе работаете, сейчас начнется: прописка, мрописка, с этими людьми из лифта же надо что-то делать...

– Да, надо что-то делать! – присоединяется Марлен-ака.

– Ладно, – Сухроб-ака поправляет спортивные штаны и собирается уходить. – Что-то сегодня играть не хочется. И голова, как казан, гудит... Дома привет передавай.

– Сухроб-ака, завтра и к вам на лифте приехать могут! Уже к половине подъезда приехали. Думаете, раз вы в нашем подъезде недавно, не приедут? И к вам приедут.

– Когда приедут, тогда поговорим, – не оборачиваясь, отвечает Сухроб-ака.

Останавливается, замирает.

Скрежет открывающегося лифта...

Из лифта выходит человек в шлепанцах, майка, надпись «Memento mori, одежда для вас и вашей семьи».

– Красивая майка, правда? Брат подарил, его магазин. Могу дать телефон, если что.

Мимо, торопливо оглядываясь, проходит Сухроб-ака:

– Оперативная обстановка без изменений? Еще гости не приезжали?

– Пока тихо.

Сухроб-ака поднимается вверх, шаги стихают.

– На чем я остановился? Да, вот так к нам за какие-то три-четыре дня столько народу приехало. Кто-то из девяностых, но, в основном, из начала восьмидесятых.

С ними пришлось, конечно, политинформацию провести. В ближайший супермаркет сводить. Что в очередь около каждого продукта вставать не надо, объяснить. В начале, когда гостей было еще мало и некоторые даже им радовались, Сухроб-акя предложил им экскурсию по городу организовать, чтобы они посмотрели новостройки, как у нас тут все поменялось. А потом они как из лифта полезли...

Спускается, выходит из подъезда, здоровается с Кадыром, идет дальше:

– Один раз лифт останавливается, а из него – восемь гостей! «Надо же, – кто-то смеется (конечно, тот, к кому еще не приезжали), – лифт – резиновый, что ли?» «Лифт, может, и резиновый, – кричит Бриллиант Садыковна, – а квартира у меня не резиновая! Мне одного сына-балбеса хватало, а теперь их у меня – четверо». «Ничего, – говорим, – Бриллиант-опа, скоро, может, матерью-героиней станете». А она: «Я вам сейчас такую... мать-героиню покажу!» И давай на нас, что она одна и в хоки-миат звонит, по поводу этого безобразия, и подписи собирает, а мы только «ла-ла»...

Идет молча. Пробегают дети.

Женский голос: «Ра-а-но! Рано-о-у! Твой Сарвар из лифта опять моих детей в пионеры принимает! Спустись, скажи, чтобы глупостями не заниматься!»

– Мы, конечно, тоже обращались. Первым делом, лифтера вызвали, чтобы все устранил. Без толку! Один лифтер пришел – посмотрел, другой... «Что вас не устраивает? Лифт работает! Можем только отключить». Мы даже собрание подъезда провели по этому вопросу – тайное, чтобы гости не узнали. Одни говорят – отключить, и точка! Другие: «Подождите, может, эти люди, как на лифте приехали, так на нем обратно в прошлое и укатят; не надо им путь к отступлению отрезать!» Да, у многих такая гипотеза была, даже эксперимент устроили: посадили маленькую Машхуру на первом этаже в лифт, нажали на седьмой этаж, дверцы закрылись... На седьмом этаже другая часть наблюдателей расположилась. Ждем, что будет. Доедет – не доедет? Доехала... После этого уже большинство было за то, чтобы лифт отключить. Даже те, которые на верхних этажах – тоже согласились, так их эти двойники достали. Но пока лифтера дождались, еще человек шесть приехало, кто из восьмидесяти третьего, один даже из семьдесят восьмого, хотя наша девятиэтажка тогда только строилась. Ладно, пришел, наконец, лифтер, поковырялся; сказал – отключил. А на следующее утро...

Раннее утро, комната. Стрекот сверчка. Под пологом из марли лежат Кадыр и Машхура. Кадыр мрачно разглядывает марлю.

– Я так не могу больше. Давай уедем. Поедем в горы, как люди. Пусть эти себе живут, как хотят.

– А родителей – тоже в горы возьмем?

– И родителей. Они тоже – еле держатся. Слышала, как мать вчера ночью плакала?

– А этих – здесь оставить?

– Да, пусть тут сидят.

– А если они потом нас обратно не пустят?

– Как не пустят?

– Ну, вот когда вернемся, и не пустят. Места мало, им тоже тесно. Потом ходи, доказывай.

Кадыр уткнулся небритым подбородком в подушку:

– Сколько раз я думал о детстве... Так хотел туда вернуться! А теперь оно само ко мне... Поедьте, все-таки, в горы, а? Чимган, Бельдерсай, воздух, тишина...

– А вы знаете, сколько проживание обойдется?

– Мы в детстве всей семьей туда ездили, и ничего.

– Так это когда было!.. А наших гостей кормить, одевать на какие деньги, вы об этом подумали? Рано-опе с первого этажа повезло, к ней уже взрослая Рано-опа приехала, она ее сразу в кафе пристроила...

– Что все «деньги, деньги»... Засыпаю: «деньги». Просыпаюсь: «деньги». Давай сами, просто уедем. – Придвигается к Машхуре. – В горы, куда хочешь... Только чтобы без этих, вдвоем.

– Ну что вы делаете... Жарко... И эти сейчас услышат, уже проснулись.

– Нет, спят еще. Всю ночь музыку слушали.

– Ну, не надо. Говорю вам, не спят.

– Все этот проклятый лифт... – Резко садится. – Слышите?
– Ну что?
– Опять зашумел!
– Вам показалось. Его вчера лифтер отключил...
– Значит, снова включили! – соскакивает, на ходу впрыгивает в одну штанину. – Или сам, собака, заработал! Слышите? Опять – к нам!

– Почему вы так думаете? Может, не к нам...

Кадыр выскакивает в коридор.

Из соседней комнате на него смотрят три Кадыра. Двое, подростки, играют на курпаче в карты. Один сидит на горшке. Маленькая Машхура просыпается и зевает.

Провозившись с замком, Кадыр выбегает в подъезд.

– Кадыр-а-я! – слышен из квартиры голос Машхуры.

Звук остановившегося лифта.

Кадыр бросается к дверям и сжимает их, не давая открыться. Дверцы дергаются. Сжимает сильнее, прижимается лицом к дверцам:

– Все! Не выйдете!

Из кабинки голоса: «Откройте! Откройте, что за хулиганство!»

– Кадыр! – выбегает в подъезд Машхура, застегивая халат.

«Откройте, здесь люди, здесь дети, вам говорят!» – колотят изнутри.

– Не выйдете... Их нельзя выпускать!..

Машхура, два Кадыра и маленькая Машхура пытаются оттащить его.

Крики.

«Жизнь невозможно повернуть назад-а-ад... И время ни на миг не остано-овишь!»

Вечер. На площадке в пыли играют дети. Со второго этажа поливают из шланга.

«Пусть необъятна ночь, и одиноко мой дом...»

Человек в футболке стоит возле подъезда.

Что-то говорит, но его не слышно – с лоджии первого этажа гремит музыка.

«Еще идут старинные часы!»

– Ра-ано! – кричит человек в футболке. – Рано-хон! Музыка тише сделайте!

Выглядывает Рано в питательной маске:

– А, здравствуйте, сосед, как здоровье? Что ваш брат, как у него дела, когда опять скидки делать будет?

– Ну, пока сезонной распродажи нет... Рано-хон, музыку, пожалуйста, тише сделайте. Людям ничего не слышно, что я рассказываю.

– А, хорошо... Не любите музыку, да?

– Люблю, только другую.

– А у меня другая тоже есть. Могу включить...

– Я вам человеческим языком говорю – я тут рассказываю, а вы со своей музыкой! Не нравится, сама выходите, рассказываю.

– Э, куда я сейчас выйду? Только маску Мертвого моря на лицо наложила!

Прячется. Музыка становится тише.

– Ладно, быстро расскажу, пока еще где-нибудь не включили. У нас люди не умеют просто тишиной наслаждаться... В общем, в то утро лифт снова заработал, снова гости прибыли, а Кадыржона положили в больницу... Нет, спасибо, ничего серьезного – просто нервы. Снова – собрание, участковый пришел, председатель махалинского комитета речь произнес. Главное – нам, наконец, поверили. А то сколько писем и заявлений писали – в одних местах их вообще отказывались принимать, в других: «Ждите пятнадцать дней»... Да через пятнадцать дней мы вообще в подъезде друг на дружке сидеть будем! А в одном месте прямо в лицо сказали: «Нам, конечно, иногда отдельные ненормальные люди пишут, но чтобы психи коллективное письмо писали, это первый раз». Короче, на том собрании нас, наконец, услышали, пообещали, что комиссию пришлют. Но комиссия все не приезжала, а гости, наоборот, все приезжали. Два-три человека в день – как по плану. Дошло до того, что один жилец, не буду называть имени, родного отца на порог не пустил. «Все, – кричит, – у меня уже четыре родных отца разного возраста в квартире сидят, хватит, комплект!» Соседи ему: «Ну, возьмите пятого родного отца, у нас тоже

дома у каждого по несколько дубликатов, каждое утро в туалет очередь, ничего, терпим...»

Из подъезда выходит Шпион-Иваныч. Он постарел, стал ходить с палочкой и разговаривать сам с собой. Остановился.

– Это форменное безобразие. Каждый день – новые люди. Кто их проверял? Кто просматривал их личные дела? Кругом халатность. Надо было посадить на каждом этаже возле лифта человека. Чтобы проводил собеседование, как положено, с каждым – индивидуально. Досматривал вещи. Спрашивал, имеются ли родственники... в прошлом.

Уходит, разговаривая и постукивая в такт палочкой.

– Так что дальше было, расскажите! Про экскурсию! – выглядывает Рано.

– Вы что, подслушивали, что ли?

– А что еще делать? Музыку не даете слушать...

– Хоп. В общем, чтобы гости поняли, наконец, в каком времени они находятся, и не задавали разных вопросов... Короче, решили все-таки устроить для них экскурсию по городу. Центр города посмотрят, увидят, сколько всего нового построено. Что улицы сейчас совсем не такие, и дома другие, и машин сколько. Короче, жарким майским утром...

Площадка перед подъездом. Под орешинной стоит экскурсионный автобус.

Четверо Кадыров по очереди заходят, поднимают младшего. «А мороженное там будет?» – спрашивает уже в салоне маленький Кадыр, пробегая мимо сидений.

Машхура-хон поправляет платье на маленькой Машхуре: «Слушайся Кадыр-акя!» «Какого из них?» «Любого... Какой-нибудь из них в будущем женится на тебе». «Я хочу выйти за прекрасного принца!» «Я тоже в твоём возрасте хотела. А вышла – за Кадыр-акя. Он сказал, что когда выйдет из больницы, мы все поедем в горы». «Я хочу сейчас в горы!» «Сейчас – на экскурсию...»

Шпион-Иваныч-1 даёт последние инструкции Шпион-Иванычу-2: «Бдительность, и только бдительность! Автобус не настоящий; водитель, сразу видно, никогда за руль не садился; экскурсовод – переодетая женщина». «Это я и сам заметил. Но вы еще не обратили внимания, что все, кто садится в автобус, находятся в заговоре!» «Ты еще будешь меня учить! То, что они все в заговоре, это настолько понятно, что я даже не считаю нужным о таких пустяках говорить!»

Две Бриллиант Садыковны периодически отсылают одного из четырех Олимов домой, чтобы быстро переоделся. Наконец, одна Садыковна залезает в автобус; женщины еще долго переговариваются через стекло.

Но вот все гости расселись, Сухроб-акя желает всем интересной экскурсии и выезжает. Автобус отъезжает. Сквозь затененные стекла виден экскурсовод с микрофоном, внимательные лица сидящих. «Вы увидите, как изменился наш город в последнее время...» Оставшиеся машут, расходятся. «Хоть полдня от этого алкаша отдохну!» – Марлен-акя пытается закурить и роняет сигарету. Автобус выезжает на улицу и исчезает из вида.

Утро в девятиэтажке.

На первом этаже пахнет жареным луком, открывается дверь, дети уходят в школу, топают вниз, дверь закрывается, запах лука остается. На пятом этаже выходит Сухроб-акя, рубашка, галстук, дезодорант: «Та-а-ак!». Муха замирает на дверце лифта. «А может, и не так», – поправляет себя Сухроб-акя и жмет на кнопку вызова.

«Кисочки! Кисочки! Мои кисочки!» Мария и Антуанетта залетают в приоткрытую дверь. В проем высовывается седая голова в очках: «Зоя... Зоя, ты здесь? Зоя, это я, Зоя. Заходи». Тишина. Голова исчезает обратно. Дверь закрывается. Замок, цепочка.

Машхура-хон на первом этаже отжимает тряпку. Звук открывающегося лифта. Опираясь на палочку, спускается Шпион-Иваныч: «А, убираемся? Субботник делаем? Молодец! Есть идея провести конкурс на звание лучшей невестки нашей девятиэтажки...». Недовольно глядит на налитые на ступени лужи, хочет что-то сказать. Но вместо этого спрашивает: «Не устаешь ты так, каждое утро?» Машхура поднимает голову. «Нет. Привыкла». «А Кадыр как? На нервы не жалуется? Пусть таблетки пьет. Ну, приветы всем передавай». Спускается, выходит из подъезда. Машхура-хон удивленно смотрит вслед, вздыхает, отжимает тряпку.

Двумя этажами выше открывается дверь. Выходит человек в шлепанцах, на нем новая майка.

– Да, вот так оно и кончилось. Вначале связь с экскурсионным автобусом была нормальной. Те, кто старше, звонили, делились впечатлениями. Говорили, город так изменился, все так изменилось, узнать нельзя. Что все очень красиво, но непривычно. Последней позвонила, кажется, Бриллиант Садыковна-2 и сказала, чтобы не волновались, их отвезут после экскурсии обратно. Ну, «обратно» – значит к подъезду, что уж тут волноваться! А потом связь исчезла. «Абонент находится вне зоны доступа». Ждали автобус до вечера, так и не вернулся. Сухроб-акя звонил в бюро, с которым договаривался – там ответили, что такого автобуса у них вообще не было, и такой заявки они не принимали. Короче, не вернулись. А, может, вернулись – но не к нам, а...

Нажимает на кнопку лифта.

– Подъезд два дня не в себе был. Одни радовались, другие горевали, третьи – то радовались, то горевали. Приехала, наконец, комиссия. Посмотрела на нас, головой покачала. Поговорила с людьми. К Кадыру в неврологическое отделение съездили. Выслушали Бриллиант Садыковну, которая все плакала и просила отыскать ей трех исчезнувших Олимов, которые ее слушались и уважали, не то что этот оболтус, который кандидатскую все не защищает... А потом, как в сказке, всем нам путевку на пять дней в горы выдали, в санаторий. Мы ушам своим не поверили, когда нам это на собрании подъезда объявили. Вот, завтра сядем всем подъездом на автобус, и поедем!

С силой жмет на кнопку.

– Что такое? Опять не работает!

– Не работает, акя! – спускается Сухроб-акя. – Надо опять лифтера вызывать!

Сверху раздается голос Бриллиант Садыковны:

– Сколько можно! Всю кровь из меня уже этот лифт выпил... Олим, опять ты в этой рубашке? Я тебе какую приготовила, а ты что на себя нацепил?

– Взорвать этот лифт надо! Вы мою сигарету здесь на ступеньках не видели?

– Кисочки мои, кисочки...

– Почему это «моему лифтеру»? Весь подъезд на лифте туда-сюда, туда-сюда, а как поломка – сразу: «Бриллиант Садыковна! Бриллиант Садыковна!»

– Э, зачем цирк в подъезде устраиваете? Завтра в санаторий едем, потом лифтом будем заниматься!

– Мария! Антуанетта! Домой!

– Я вам сейчас «взорву»! Вы лифт не строили, не вам...

– А у вас, как ни пройдешь, луком несет...

– Была бы я сейчас на двадцать лет моложе, я бы вам сейчас такое...

Постепенно все стихает. Слышен стрекот сверчка, треск сорок, звуки проезжающих вдалеке машин, хлопанье дверей. Белые бетонные плиты, лоджии. Распахнутые, пока еще не так жарко, окна. Утро в девятиэтажке. Обычное утро в обычной девятиэтажке.

литературоведение. литературная критика

**Александра
ДАВШАН**

Доктор филологических наук, видный литературовед, общественный деятель, активно исследующий актуальные проблемы русского литературоведения и взаимодействия культур и литератур в Узбекистане.

ЕСЛИ ПРАВДЫ ЖИЗНИ НЕ НАРУШИТЬ...

В НУУз прошла традиционная ежегодная научно-практическая конференция «Восток – Запад: аспекты взаимодействия», организованная кафедрой мировой литературы, на которой были плодотворно обсуждены актуальные вопросы мировой цивилизации.

Жизнь в «голубой и веселой стране», условной Персии, созданная С. Есениным и С. А. Толстой на даче под Баку, была нарушена телеграммой из Москвы. Автора просили срочно представить в Госиздат рукопись собрания сочинений – первого на его родине. Поэт ждал этого: *«Принимаю, что было и не было, Только жаль на тридцатом году – Слишком мало я в юности требовал, Забываясь в кабаком чаду»*. Еще ранее и откровеннее в письме к Галине Бениславской: *«Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрешь – сделают все не так»*.

В начале сентября 1925 года он был в Москве. Жить поэту оставалось полгода, а если вспомнить, что 26 ноября он ляжет в клинику профессора П. Ф. Ганнушкина, то на работу над собранием – и того меньше. Как распределить написанное, Есенин продумал давно, решив в первый том включить лирику, во второй маленькие поэмы и в третий – поэмы. Именно так печатается в популярных изданиях Есенин и сегодня.

Первый том составлялся в хронологической последовательности. Требуемость в отборе стихов оказалась у Есенина высочайшей. Все ранее опубликованное как самостоятельные издания («Москва кабацкая», «Любовь хулигана») лишается названий. В оглавлении сохранено лишь одно заглавие «Персидские мотивы». Созданные после других, эти стихи завершали том. Получалось, что есенинская лирика заканчивалась стихами о стране, где *«Честь моя за песню продана... вся жизнь моя за песню продана»*. О какой стране идет речь? Чей итоговый образ в словах *«Улыбнемся вместе. Ты и я. За такие милые края»*. Конечно, это образ прекрасной родины поэзии, но далекий от своих истоков.

И тогда Есенин начинает новые стихи. Четыре стихотворения, написанные в один день – 13 сентября – обращены к сестре Шуре: *«В этом мире я только прохожий... Потому и на веки не скрою, Что любить не отдельно, не врозь – Нам одною любовью с тобою Эту родину привлекось»*.

Изо дня в день следуют стихи давно задуманного зимнего цикла. Примет русской зимы действительно немало: *«снеговое раздолье»*, *«снежная замаять»*, т. е. ненастье, оно давит, сбивает с ног. Так у В. И. Давля. «Метельные всхлипы», «метельный чад», «озыбшая луна», «свишет ветер», ветер расклевывает одинокие в поле деревья. Это ближе к пушкинской зиме в «Капитанской дочке», чем к искрящимся строкам «Мороз и солнце. День чудесный».

Однако попасть в лирический том собрания сочинений успели лишь двенадцать поэтических миниатюр. Они никак не отделены от предшествующих стихотворений. Двадцать семь стихов под заглавием «Персидские мотивы» для Есенина единое произведение. Но только пятнадцать и тематически, и стилистически соответствуют заглавию.

Попытаемся понять замысел поэта. Он связан с иным направлением творческих поисков и отчасти представлен поэтом в ответах на пушкинскую анкету, распространенную среди писателей в 1924 году: «Пушкин – самый любимый мною поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу... Постичь Пушкина – это уже нужно иметь талант». Это признание осталось недоступным для его современников, а вот предисловие к собранию сочинений сможет прочитать любой. Здесь под заголовком «О себе» говорилось: «В смысле формального развития теперь тянет все больше к Пушкину».

В русской литературе Пушкин первым создал романтическую поэму на восточной почве. Соотношение элементов сюжета, группировка образов в этом сюжете после Пушкина повторяются неоднократно и в романтизме, и в реализме. Герой оказывается на чужбине, при этом повод – различный. Будучи пленником (Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, вплоть до наших дней) или свободным, встречает героиню. Любовь может быть разделенной или отвергнутой. Для автора главное – судьба героя. Заданные вопросы решаются в соответствии с приоритетами русского сознания и ценностями национальной культуры, обретая выражение в понятийно-образной системе. У Есенина, в частности, концептами русского героя окажутся поле и слово, чужеземной героини – роза, русская героиня индивидуального концепта не получила.

Русская часть «Персидских мотивов» начинается с возвращения героя на родину, о чем он предупреждал: **«Мне пора обратно ехать в Русь»** («В Хороссане есть такие двери»). Акцентируется образ, характерный для русского быта, т. е. специфическая форма передвижения по бесконечным пространствам, запечатленная классиками – от иронического («Зачем знать географию, извозчик доведет») до патетического образа тройки («И какой же русский не любит быстрой езды?! Его ли душе, стремящейся закружиться, завертеться, сказать иногда: черт побери все! Его ли душе не любить ее!») Гоголевская проза преобразуется у Есенина: **«Эх вы, сани! А кони, кони! Виано, черт их на землю принес. В захватском степном разгоне Колокольчик хохочет до слез. Ни луны, ни соbachьего лая в далеке, в стороне, в пустыре»**.

Если присутствие героя на чужбине связано с местом для бесед, обмена новостями, то есть чайханой, и встречает гостя чайханщик, то на родине первым спутником, совершенно обязательным, будет ямщик: **«Пой, ямщик, в перекор этой ночи»**.

Строфы 3-я, 4-я, 5-я и 6-я в первых стихотворениях обеих частей – явная перекличка, ибо воспоминания и похвальба о молодости, лихости, влюбленности различается только бытовыми национальными деталями. В одном случае это **«лукавые девичьи очи»**, в другом **«мигнули очи, приоткнув черную чадру»**. Если в деревенской жизни **«разговорчивая тальянка уговаривала не одну»**, то в Тегеране **«все равно калитка есть в саду»** и т. п.

Ситуация разговора, необходимого герою, на чужбине с переводчиком (менялой), на родине – с матерью. А сказать лирический герой хочет самые главные слова о преданности, любви, ожидании и надежде. **«Люблю», «поцелую», «моя»** из «Персидских мотивов» в их русской части получают следующее выражение: **«лучше тебя никого не видал», «снова я ожил и снова надеюсь», «то, что далось мне, про то и пою»**. Искренность поэта в отношениях безусловна.

Встреча с героиней развивается в связке из двух стихотворений. В восточном цикле («Шаганэ ты моя, Шаганэ») лирический герой рассказывает о себе, объясняет персиянке свою непохожесть, отсюда образ золотого ржаного поля, ей неизвестный. В русском цикле («Слышишь – мчатся сани...», «Голубая кофта. Синие глаза»), т. е. на родине, возможность сближения и откровенного разговора обеспечивается отсутствием вблизи посторонних на зимних забавках. Сколько об этом написано в русской литературе – от встречи Кити и Левина на катке у А. Толстого до «Шуточки» А. Чехова!

Второе стихотворение в этой связке содержит любовное признание. На родине Саади русскому герою придется чему-то научиться и что-то отвергнуть. Он остается в любви русским поэтом, и красавица для него прекраснее розы. В русском цикле со стихотворением о первой встрече с героиней все сложнее. Встреча иначе оформлена: **«затеряться в поле»** – это встреча наедине. Она сразу **«любимая»**. Это слово в «Персидских мотивах» встречается лишь однажды. Там она **«милая», «прекрасная», «дорогая», «не ревнивая», «персиянка»** и **«пэри»**. Только в стихотворении о поэте – в одинаковой ситуации измены – мы находим полное совпадение: **«И когда поэт идет к любимой, а любимая с другим лежит на ложе» – так в персидском цикле. В русском – И песне внемля в тишине, любимая с другим любимым»**.

Развитие любовного сюжета по существу одинаково – герои по разным причинам расходятся. В восточных стихах большая часть лирических строк воссоздает мир красоты, прекрасных звуков, ароматов, желаний. В русском цикле это короткие двуступицы, где исчезает условность и приукрашенность. Они написаны в один присест 4-го и 5-го октября 1925 года.

Здесь можно узнать упоминаемые героини, хотя не стоит забывать, что строго портретными эти стихи не являются. Так, если известно, что синие глаза у Анны Берзинь, то это вовсе не значит, что все дальнейшее про нее. Так же и строки **«Не кривы улыбку, руки теребя. Я люблю другую, только не тебя»** могут относиться не только к Софье Толстой – последней жене.

Параллельно с сюжетом любовным развивается, а затем и подавляет его, сюжет о судьбе поэта как творца песни, или проще, в традициях русского реализма, история «бедного сочинителя». Бесплодны попытки поэта стать счастливым в чужой стране, используя свое особое положение: *«В далеком имени Россия – Я известный, признанный поэт», «Коль родился я поэтом, То целуюсь, как поэт»,* а надо бы – как Саади! *«Ни к чему в любви моей отгадка. И зачем? Кому мне песни петь?»* И т. д. Так в далекой Персии. На родине наступает прозрение: *«Напевать мне на известность И на то, что я поэт»*.

Финал истории поэта отражен в каждой части своим стихотворением. В персидском – «Быть поэтом...» и в русском – «Сочинитель бедный». Необычными могут показаться в последнем стихотворении завершающие строчки: *«Ставил я на пиковую даму, А сыграл бубнового туза»*. Здесь поможет расшифровке Пушкин, в повести которого «Пиковая дама» заветные карты для Германа – тройка, семерка, туз. Но в последней игре, как известно, вместо туза выпадает пиковая дама. «Ваша дама бита», – говорит Чекалинский. И Германн теряет рассудок. Вспомним эпиграф к пушкинской повести: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность». Бубновый туз будто бы лучше, он должен выиграть. Но положение Есенина в октябре 1925 года катастрофично: обостряется болезнь и нависает угроза судебного наказания. Для него «сыграть бубнового туза» из лексикона картежников переходит в символику уголовников, на спину робы которых нашивают этого самого бубнового туза.

Место стихов о поэте в обеих частях цикла строго определенное, одинаковое по отношению к другим стихотворениям, расположенным до и после. По порядку – одиннадцатое. Это обстоятельство убеждает в назначении русского цикла как зеркального отражения цикла восточного. По-видимому, обе части должны были содержать одинаковое число стихотворений. Если чужеземный уже был в работе почти два года, имел продуманную композицию, то русский цикл пишется в напряженном ритме одновременно с составлением собрания сочинений. Три его стихотворения написаны в сентябре. Работа идет весь октябрь. Но стихов все-таки меньше, чем в персидской части.

Рукопись первого тома сдана в типографию. Есенин ложится в клинику, где продолжает напряженно писать. Можно предположить, что каждую часть он задумал из пятнадцати стихотворений, суммарно их должно быть тридцать – по числу прожитых лет. Тридцатилетие Есенин, как и Пушкин, считал датой рубежной.

В русской части не хватает трех стихов. Возможно, для нее предназначалось написанное уже в больнице 28 ноября стихотворение «Клен ты мой опавший», где развивается образ танцующего клена из написанного ранее в русском цикле: *«Где-то на поляне клен танцует пьяный. Мы к нему подыдем, спросим – что такое? И станцуем вместе под тальняком трое»*. После 13 декабря создано стихотворение «Кто я, что я? Только лишь мечтатель...», безусловно, связанное с образом поэта.

Принципиально различается в русском и восточном циклах изображение флоры. Гвоздики, олеандры, левкои, кипарис превращали чужбину в цветущий сад. В девяти стихах персидского цикла царил роза. В зимнем цикле могли быть лишь воспоминания о цветах. За два года до «Персидских мотивов» Есенин написал маленькую философскую поэму «Цветы»: *«Я не люблю цветы с кустов, Не называю их цветами. Хоть прикасаюсь к ним устами, Но не найду к ним нежных слов. Я только тот люблю цветок, Который врос корнями в землю, Его люблю я и приемлю, Как северный наш василек»*. Русская природа представлена обыкновенными деревьями – клен, береза, сосна, верба, липа – и фольклорной трын-травой.

Образ цветка раннего, недолговечного, завершает и восточную, и русскую части. В первой упоминается только роза, и из многих роз нужна только одна. Во второй – с поэтом прощаются все цветы, ибо сам поэт – *«цветок неповторимый»*. Так происходит утверждение образа поэта в финале лирического тома.

Есенин определил свое место в восточной теме русской литературы, что подтверждается выбором названия. В мировой литературе уже были «Западно-восточный диван» Гете, «Подражание Корану» Пушкина, несколько кавказских пленников. Дав пространства: чужое и свое. В названии Есенина соединяются Персия (Восток) и с запада пришедшее в русский язык французское слово «мотив», т. е. побудительная причина. Она есть в есенинском сюжете: *«былая рана»* и *«пьяный бред»* лечатся в чайхане. Такова причина оказаться в Персии. Возвращение на родину также обусловлено: *«Мне пора обратно ехать в Русь... Из любви к родимому мне краю»*.

«Мотив» употребляется в значении «напева», «голоса», «погудки», «поголоска». Все – как у В. Дала. Однако напевы – еще не песня! Напев готов сложить поэт в Персии («Ты сказала, что Саади...»). Песня же появляется в стихотворении «Свет вечерний шафранного края»: *«Спой мне песню... ту, которую пел Хайям»*. Но ее нет в этих стихах, а есть песня лирического героя *«Тихо розы бегут по полям...», «То, что споду не пел Хайям»*.

Единство «Персидских мотивов» обусловлено стилистической близостью, сюжетным развитием лирической линии, противопоставлением природных образов и поэтической концепцией всего цикла, которым Есенин утверждает свою русскую сущность.

литературоведение. литературная критика

О КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИФА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

В литературоведческих работах последних лет неоднократно предпринимались попытки классифицировать различные формы использования мифа в литературном произведении. Не полемизируя с авторами уже существующих классификаций, но опираясь на их концепции, мы попытаемся обосновать в дальнейшем собственную классификацию типов мифологизма в литературе и проиллюстрировать ее достижениями в западно-европейской и русской литературе.

Первой распространенной формой мифологизации литературы в XX веке становится **использование традиционных мифологических сюжетов и образов**. Традиционный мифологический сюжет либо определенным образом **интерпретируется** автором, либо **трансформируется** им. Следовательно, в рамках первой формы использования мифа в художественном произведении прослеживаются 2 пути мифологизации:

1) **интерпретация** традиционных мифологических образов и сюжетов (устранение мифологических параллелей, актуализация отдельных архетипов и мифологем, введение традиционного мифологического сюжета в нетрадиционный контекст);

2) **трансформация** традиционных мифологических сюжетов и образов («осовременивание», пародирование и травестирование, создание антимифа).

Оба пути во всем многообразии своих проявлений широко представлены в литературе XX века. Так, ярким примером обогащения конкретно-исторических персонажей универсальными смыслами посредством установки аналогий и мифологических параллелей является известнейший роман Т. Манна «Доктор Фаустус». Нередки случаи мифологических параллелей в поэзии М. Цветаевой (организация циклов «Георгий», «Подруга», где строка из молитвы, обращенная к реальному конкретному герою, становится главным и единственным средством аналогии). Наряду с этим широкое распространение приобретает в нашем столетии процесс актуализации отдельных мотивов изначально присущего произведению мифологического содержания, возведение его в статус мифологемы. Так интерпретируется мотив пути в «Презрении» А. Моравиа, лирике Ш. Бодлера, «Киммерийской весне» М. Волошина и многих других произведениях, где на мифологический мотив наслаиваются реминисценции из мифов об Одиссее, аргоннтах, Агасфере, новозаветной притчи о блудном сыне. Контаминируясь, они обнажают праимифологическое содержание мотива. Представляется целесообразным рассмотреть как одно из проявлений интерпретации мифа включение традиционных мифологических сюжетов в современный или любой другой нехарактерный для них контекст. Так, в «совершенно

**Диар
НИЗАМИДДИНОВ**

Родился в 1952 г. в Самаркандской области. Окончил Самаркандский государственный педагогический институт.

В 1994 г. защитил докторскую диссертацию в Москве. Работает в Джизакском государственном областном институте повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

неподобающей» контрастной обстановке рассказываются эсхатологические мифы в рассказах и повестях А. Платонова, тотемистические и родовые мифы у Ч. Айтматова, Т. Пулатова, В. Астафьева, В. Распутина и др. Одной из форм включения мифа в нетрадиционный контекст становится совмещение реалистического повествования и мифологической цитаты, эпиграфа.

Основной функцией мифологизма в наши дни становится преодоление бездуховности, национального «манкуртизма», сохранение и возрождение национальных форм культуры, оправдание героя – современного человека, зачастую духовно неуравновешенного, отверженного, преступившего сиюминутные социальные нормы поведения (от матери внебрачного ребенка у М. Цветаевой – до «странненьких» героев деревенской прозы) – посредством включения его индивидуальной жизни в мифологический контекст, в глобальную систему координат, приобщения к высшим ценностям.

Путь **трансформации** традиционного мифологического сюжета открывает не меньше перспективы для решения бытийных, экзистенциальных проблем. Степень трансформации может быть различной: от пародирования и травестирования мифологии – до создания антимифа. Введение мифологического героя в контекст современной или даже отдаленной от наших дней несколькими столетиями, но лишенной сакральности действительности, как правило, пародийно «снижает» его образ. (Так, в романах Т. Пулатова мифологический Прометей превращается в вора, а рай – в пристанище одновременно проституток, философов и киноактеров). Функции такого нарочитого пародирования традиционных образов и сюжетов чрезвычайно разнообразны: если травестирование христианских мотивов в «Лимонаре» и «Паралиполиноне» А. М. Ремизова, уравнивающее во многом святых и демонов, наглядно иллюстрирует его знаменитое «Обвинивать никого нельзя», то тот же прием обытовления и осовременивания Корана у Т. Пулатова становится средством выражения суфийской мудрости о преображении человека на земле, достижениирая в земной жизни.

Уникальным проявлением трансформации мифа в литературе становится **антимиф** – использование традиционных мифологем «с обратным эффектом». Е. М. Мелетинский и Д. Н. Затонский наглядно демонстрируют в своих исследованиях творчества Франца Кафки, как мифологема оборотничества, используемая многими современными писателями-мифологами с целью включения героя в естественный поток жизни, избавления от страданий, вызванных разобщением с миром, становится в «Превращении» Ф. Кафки символом рокового воздействия на героя темных хаотических сил бытия. В то же время Т. Пулатов в «Черепахе Тарази» совмещает чисто кафкианскую интерпретацию данной мифологемы с традиционной, чем и определяется в итоге мифологическая природа полифонизма его романа, во всем многообразии реальных противоречий поднимающего проблемы статуса личности в окружающей ее неустойчивой действительности.

Другой формой мифотворчества, характерной для современной литературы, становится **создание авторского мифа**. Опираясь на известные теории мифа, писатель структурирует повествование по аналогии с древними ритуально-мифологическими текстами, создает свою оригинальную систему мифологем, организует конкретно-историческое пространство и время в соответствии с законами организации мифологического времени и пространства. Несмотря на единство законов мифомышления, воспроизводимые авторами пути создания авторского мифа многочисленны; в высшей степени разнообразны и выполняемые ими в общем замысле произведения функции. Мифологическое структурирование и семантизация пространства становятся неотъемлемым качеством лирических циклов революционных лет. (Лирика М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Белого. М. Волошина, отражая соловьевско-штейнерианскую философию пространства, реконструирует в революционных вихрях Хаоса пространственный центр – «мировое древо», сплавляя воедино представления различных мифологических традиций). Таким образом, в недискретном мифологическом пространстве поэты видят источник и средство преодоления границ и барьеров между противостоящими силами. Это помогает национальному писателю расставить ценностные приоритеты и акцентировать на них внимание читателя. (Так, у Т. Пулатова космологизированный город противопоставит хаосу пустыни, хотя позитивно окрашенным полюсом является именно пустыня, олицетворяющая собой вождельный покой и гармонию, но заставляющая героев расстаться с человеческой сущностью). Собрание авторских мифов представляют собой произведения Дж. Толкиена и Урсулы Легуин, К. С. Льюиса, систему новых авторских мифологем создают в своих

драмах С. Беккет, Г. Пинтер и другие авторы «пьес абсурда». Характерно, что в роли мифологем в некоторых современных текстах выступают отдельные мотивы классической литературы, в т. ч. русской.

Традиция эта (а именно ее З. Г. Минц называет в собственном смысле слова неомифологической) уходит своими корнями в творчество русских символистов. Мифологические принципы организации текстовой целостности с наибольшей полнотой позволяют воплотить панэстетическую концепцию синтеза искусств. Они способствуют организации исконно мифологических мотивов в произведениях В. Брюсова, Вяч. Иванова, а впоследствии эти устоявшиеся структуры становятся способом гениального отражения действительности через систему текстов-посредников. (Так в роли мифологем выступают в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» мотивы отдельных произведений Лермонтова, Гоголя, Чехова, Салтыкова-Шедрина, А. Толстого; в «Петербурге» А. Белого в общий метатекст вливается «петербургская мифологема», формирующаяся первоначально в русской классике и актуализированная А. Белым; мифологемой становится и образ «маленького человека» в повести «Крестовые сестры» и некоторых рассказах А. М. Ремизова). В современных же национальных литературах в роли посредника может выступать не только литературный текст, но и реальный миф. (Так, мифологемы, возрождающиеся в реальном мифе тоталитарного государства, становятся необходимыми элементами для создания авторского мифа в произведениях Ф. Искандера, О. Хаксли, Дж. Оруэлла и др.).

Третьей особой формой использования мифа в литературе становится **мифологическая стилизация**. О ее существовании впервые упоминает Я. Э. Голосовкер¹. Стилизуя повествование под миф, автор использует нарочито мифологические метафоры, но не актуализирует их, и они остаются лишь «стертыми» метафорами. (Так, Н. Думбадзе в «Белых флагах» не объективизирует метафору, демонстрируя контраст между двумя сознаниями персонажей, который перерастает в глобальную антинomio «мира» и «мифа»). Миф в таком случае сохраняет свой семантический ореол, но на текстовом уровне остается лишь декоративным элементом.

В последнее время писатели-мифологи стремятся к сочетанию различных форм мифологизма в масштабах одного произведения («Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Сто лет одиночества» Г. Маркеса).

Восточные национальные литературы не остаются в стороне от общего процесса ремифологизации. Мифологическое направление в художественных мирах национальных литератур – этап развития художественного сознания, оно приобретает новое качество, которое ярко и плодотворно раскрывается в поэтических средствах интерпретации реального мифа и новом мифотворчестве (авторском мифе).

За счет игры противоречий и дистанции между исконным мифомышлением и его современным вариантом художественный мир Ч. Айтматова, Вл. Орлова, А. Кима, О. Чиладзе, Ф. Искандера, Т. Пулатова, доминантой повествования которых является миф, оказывается необыкновенно сложным, в нем нет безмятежной гармонии, в нем кипят внутренняя страсть, потребность открытий заново мифического мира и его переживаний: общечеловеческого, вечного, боли, страданий, радости. Миф в художественных мирах этих писателей продолжает особую жизнь, в нем – отражение жизни земной, реальной и жизни ирреальной. Невидимыми узлами миф связывает прошлое, настоящее и будущее. Изначальная установка в мифе – научить быть человеком – «резонирует» как основная идея в современной литературе. Альтернатива выбора сохранения памяти веков и поколений и бездуховности, беспамятства, превращения человека в античеловека, проблемы перерождения и рождение нового человека, способного бесстрашно смотреть судьбе в глаза, идти навстречу любой опасности, побеждать стихию, человека с достоинством, волей, одухотворенного, имеющего высокие цели, в художественных мирах современных прозаиков решается с опорой на миф. Мифотворчество обогащает национальные литературы новыми средствами создания образов, способствует развитию полифонизма в национальной прозе. Это приводит к стереоскопичности видения мира, к освоению действительности во всех присущих ей экзистенциальных противоречиях.

Мифологизм современной национальной прозы позволяет синтезировать в художественных произведениях современных национальных литератур поэзию и образность древней культуры с интереснейшими философскими концепциями нашего столетия и композиционно-стилевыми находками писателей.

¹ Голосовкер Я. Э. Логика мифа – М., 1987.

НОВЫЕ ИМЕНА

ВЕНЕРА ЗАКИРОВА

Родилась в 1987 г. в Ташкенте. В 2011 г. окончила магистратуру при Государственной консерватории Узбекистана. Участник международных и республиканских научно-практических конференций, автор свыше 60 научных статей и публикаций в периодической печати. Автор книги «Молодые певцы Узбекистана» (2010 г.)

ЗАГАДКА ЖАНРА

Вот уже несколько веков исследователи музыки задаются вопросом: в чем причина столь большой популярности жанра концерта¹ и, главное, его непреходящего воздействия на эмоциональное состояние слушателей? Каждая эпоха по-своему отвечала на этот вопрос, исходя из социальных, культурных, эстетических, философских и других убеждений своего времени. Наше внимание и живой интерес к данному жанру обусловлены пониманием его уникальной созвучности нынешнему дню. Попробуем разобраться, в чем же заключается загадка жанра концерта и его особое значение для музыкантов-профессионалов, ценителей и просто любителей классической музыки.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо совершить некоторый экскурс в историю музыки и посмотреть, как складывалась судьба концерта – жанра композиторского и исполнительского искусства. Обратимся к творчеству наиболее ярких представителей разных эпох, создавших уникальные по своим художественным качествам концерты, к вопросу: почему именно жанр концерта привлек внимание того или иного композитора?

В XVII-XVIII веках, в эпоху Ренессанса в Италии, где жили и творили великие мастера различных искусств, в частности, музыки, повсеместно возникали и становились популярными новые формы музицирования, связанные с привлечением широкой аудитории. Это было нововведение, являющееся результатом мощных демократических преобразований, которые затронули все творческие сферы. Обозначился ряд тенденций, влияющих на ход развития исполнительской культуры. В частности, характерной особенностью исполнительской культуры в Италии того времени была все возрастающая **виртуозность** игры музыкантов: в опере, концерте, камерной вокальной и инструментальной музыке. «Виртуозничество» на сцене не всегда давало положительный эффект, однако сам факт появления возможности продемонстрировать свое мастерство владения инструментом или голосом позволял раздвинуть рамки устоявшихся канонов и по-новому взглянуть на музыкальное искусство, в котором есть, как выясняется, место индивидуальному прочтению, интерпретации сочинения, свободе в выражении собственных мыслей и чувств.

Одним из значимых факторов развития жанра концерта и роста его популярности в музыкальной среде стало создание условий для выступления музыкантов, появление специально обустроенных или спонтанно организованных сценических площадок. Имея теперь широкие возможности для концертной деятельности, исполнители подбирали соответствующий репертуар, который «удовлетворял вкусам и художественным потребностям различных кругов общества, воплощая значительный круг музыкальных образов – от несложных жанрово-бытовых до системы контрастирующих лирических, патетических, скорбных, динамических»².

¹ Концерт: 1) Жанр. Музыкальное произведение одного или нескольких солирующих инструментов и оркестра; 2) Публичное исполнение музыкальных произведений.

² Ливанова Т. История западноевропейской музыки до 1789 года. Т. 1. М.: Музыка. 1983, с. 489.

Характерной особенностью в манере игры исполнителей того периода было выдвигание на первый план концертирующего начала. Virtuozы демонстрировали свое мастерство, соревновались (в открытую или скрыто) между собой, чем вызывали еще больший интерес публики. Сначала это были, как правило, сольные выступления, которые с течением времени переросли в масштабные многочастные сочинения с выделением сольной партии ведущего инструмента, пытающегося доказать свое превосходство теперь не только в индивидуальной игре, но и в музыкальном состязании с целым ансамблем или оркестром.

Таковы предпосылки формирования жанра концерта, в первую очередь инструментального, где ведущим инструментом были скрипка, флейта, а впоследствии – фортепиано, виолончель, альт, гобой, орган. Итак, концерт – это жанр композиторского творчества и одновременно форма публичного исполнения музыки, это состязание, соревнование исполнителей. Многоплановость жанра обусловила возникновение целого ряда его разновидностей: для одного солирующего инструмента и нескольких (так называемый «двойной», «тройной», «четверной» концерт), для оркестра, для голоса (голосов) с оркестром, для хора а capella, concerto grosso. Состоит концерт, как правило, из трех частей: быстрой – медленной – быстрой. Однако его структура подвижна, и сегодня существуют как одночастные концерты, так и многочастные.

Авторами первых трехчастных концертов были Арканджелло Корелли и Антонио Вивальди, уникальные скрипичные концерты создал виртуоз Никколо Паганини, а классический образец жанра сложился в творчестве «венских классиков»: Йозефа Гайдна, Вольфганга Амадея Моцарта и Людвига ван Бетховена. Обращению этих великих композиторов к жанру концерта способствовало то, что они сами являлись блестящими музыкантами-исполнителями. Понимая специфику и природу инструмента, они создавали настоящие шедевры, в которых воплощалось как техническое мастерство, так и высокохудожественное содержание. Все это демонстрировалось на сольных концертах.

Интересно и полно характеризовал отношение к концертному жанру Моцарт. В одном из писем отцу (28 декабря 1782 года) композитор так писал о своих фортепианных концертах: *«Именно концерты являются чем-то средним между слишком трудным и слишком легким, в них много блеска, они приятны для слуха, но, конечно, не впадают в пустоту»*¹. Концерты Моцарта стали средством передачи личных переживаний художника, отсюда их невероятная свобода как в выборе тем и образов, так и в трактовке самой формы сочинений.

Иной характер носили концерты Бетховена – человека философского склада, глубокого, с непростой судьбой. Для него концерт – это открытие, средство яркими музыкальными красками расцветить серые будни. Концерты Бетховена – это не только блеск и виртуозность, но и прославление силы и мужества человека, его победное преодоление всех тягот и неудач.

Необыкновенной душевностью, лиричностью, поэтичностью наделены инструментальные концерты П. Чайковского, С. Рахманинова. Знаменитый Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского – поистине шедевр классической музыки, в котором сочетаются танцевальные и песенные мелодии, бесконечная красота мелодического начала. Яркая эмоциональность музыки Чайковского характерна и для творчества Рахманинова, создавшего четыре фортепианных концерта – своего рода «музыкальных романа», где дана страстная исповедь русской души, глубокая, обаятельная, созвучная страницам Толстого и Чехова, полотнам Левитана, стихам Бунина и Тютчева.

Эту линию воссоздания песенных интонаций своего народа продолжали композиторы Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии, подчеркивая не только свою принадлежность к определенному культурному наследию и национальным традициям, но показывая связь композиторского творчества с музыкальным фольклором. Колоритно и свежо звучат народно-песенные интонации в Скрипичном концерте польского композитора рубежа XIX–XX веков М. Карловича. Наполненное восторженно светлым, по-юношески романтическим настроением, это произведение стало одним из самых жизнеутверждающих в творчестве польского автора. Таков же Концерт для скрипки с оркестром польского композитора К. Шимановского, где «преобладают условно-ориентальные интонации, а оркестровая фактура соткана композитором из тонких тембровых сочетаний».

По мере того, как менялось время, вкусы, ценности, приоритеты, менялось и содержание концертов. Интересен Второй фортепианный концерт французского композитора XX века Мориса Равеля, написанный для австрийского пианиста Пауля Витгенштейна, потерявшего руку на войне. Произведение получило широкую известность как концерт для левой руки, по глубине переживаний и силе мрачных драматических коллизий оно приближается к симфонии. В полной мере передать трагический замысел сочинения позволил композитору тот факт, что он сам видел войну и ощутил весь ее ужас. По справедливому

¹ АБЕРТ Г. А. МОЦАРТ. Ч. II кн. I – М.: Музыка, 1989, с. 187

замечанию Э. Журдан-Моранж, автора книги о Равеле, «ни одна страница в его произведениях не знает таких душевных терзаний, такой трагической выразительности»¹.

Для данного жанра неизменно и характерно оптимистичное и жизнеутверждающее настроение, в той или иной степени прославляющее радость бытия.

Именно таким, солнечным, полным радости и света, инструментальный концерт проник в музыкальную культуру Узбекистана, быстро завоевав любовь и признание слушателей. Органичное сочетание европейского жанра с музыкальными традициями восточной страны не случайно. Для этого имелось множество предпосылок: концертное музицирование, основанное на импровизационной манере игры с демонстрацией личных виртуозных и музыкальных способностей исполнителя; состоятельность, присущая многим жанрам как народного, так и профессионального творчества; свобода в трактовке материала и в то же время неременная опора на каноны, сложившиеся в национальном искусстве в течение нескольких столетий; отражение духовной жизни и традиций узбекского народа, нашедшие воплощение в целом ряде музыкальных жанров и сохранившие свою актуальность по настоящее время.

Накопленное веками музыкальное наследие современные композиторы Узбекистана постепенно и осторожно включали в свои сочинения, в том числе, и в инструментальные концерты с целью передачи национального колорита. Народно-песенные интонации постепенно становились основой ведущих тем в произведении, а принцип развития музыкального материала был таким же, как в макоме – ведущем жанре профессиональной музыки Востока. Показательным примером, в этом отношении, может служить Второй концерт для скрипки с камерным оркестром (1985) Икрама Акбарова, четырехчастный, первая и третья части – медленные, а вторая и четвертая – быстрые. Подобная драматургия связана с ориентиром композитора «на жанрово-стилевые формы современного музыкального быта республики, в котором фольклорная традиция соседствует с традициями уже новой, «композиторской», многоголосной музыки»².

Таким образом, композиторы Узбекистана почувствовали в концерте широкие возможности для воплощения самых разных идей и образов и используют этот жанр на национальных праздниках, массовых, веселых, проходящих на открытом воздухе, от чего музыка становится еще более полнозвучной, яркой. Неотъемлемым явился принцип включения в классический состав оркестра национальных инструментов – карная, сурная, нагоры, дойры, являющихся неизменными «сопроводителями» самых важных мероприятий в жизни узбекского народа.

По словам самих композиторов, узбекский инструментальный концерт – это такой жанр, где в полной мере можно передать праздничное оптимистическое настроение. При этом не остается в стороне и важнейший принцип концерта – соревнование солиста и оркестра, что испокон веков существовало в исполнительской практике на Востоке (из бесед с Р. Абдуллаевым, М. Бафроевым и другими). Ряд композиторов Узбекистана средствами концертного жанра воплощают образы современные, связанные с актуальными событиями дня, раскрывают идеи космического уровня, пытаясь охватить вселенские масштабы. Все это говорит о том, что жанр инструментального концерта обладает уникальными возможностями для передачи широчайшего диапазона тем и образов.

Обобщая характерные черты жанра концерта, можно выявить некоторые его закономерности и приблизиться к разгадке этого музыкального феномена. Во-первых, жанр концерта обладает богатыми выразительными возможностями за счет использования разнообразных музыкальных инструментов и инструментальных составов. Их тембровая красочность, техническое совершенство позволяют композиторам осуществлять невероятные образно-эмоциональные эксперименты, наполнять сочинения глубоким смыслом или, наоборот, легким, непритязательным содержанием. Становятся доступными оригинальные решения и в отношении оркестровки, средствами которой также достигаются своеобразные звуковые эффекты.

Конечно, и другие жанры композиторского творчества способны убедительно воплотить в себе разнообразные идеи и образы, но с таким блеском и совершенством это достигается лишь в жанре концерта.

Во-вторых, концерт – это разговор со слушателем. Таким он зародился, таким же и продолжает существовать поныне. Во время исполнения солист ведет беседу, в которую вовлекает слушающую его аудиторию, он ведет ее за собой, погружает в мир разнообразных чувств и образов. В этом вновь проявляется важнейший демократический посыл, заложенный в данном жанре.

Наконец, в концерте заложено мощное игровое начало, что придает ему эффект театральной зрелищности – одного из важнейших и показательных качеств рассматриваемого музыкального жанра.

¹ Мартынов И. Очерки о зарубежной музыке 1-ой пол. XX в. М.: Музыка, 1970, с. 96.

² Янов-Яновская Н. Композитор Икрам Акбаров. Т. 2011, с. 60.

проза

ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ...Повесть¹

Часть вторая

I

Правдами-неправдами Пономарев достал билет на поезд до Самары и в первых числах нового года отбыл из Ташкента в Сочи. По территории Казахстана ехали хлопотно: постоянные проверки паспортов, багажа, допросы на наличие наркотиков, оружия. В Самаре, пересев на адлерский поезд и застолбив свое место в купе, Андрей, наконец, позволил себе расслабиться, отправившись скоротать часть пути в вагоне-ресторане.

Заказав графинчик с водочкой под неизменный бифштекс, он медленно входил в состояние умиротворенности, проблемы как-то сами собой переместились на задворки. Оптимизма прибавляли шумные столы кавказцев с вкраплениями повизгивающих от удовольствия девиц, компании «братвы», вечно спешашие разрешить какие-то, только им ведомые проблемы. Молодая парочка за соседним столиком, поглощенная друг другом, периодически позвякивала бокалами с шампанским и о чем-то восторженно лепетала. «Молодожены, – заключил Пономарев. – Видать, медовый месяц...»

Андрей затыкнулся сигаретой. Поддавшись исходящим от парочки чарам, он погрузился в омут собственных воспоминаний – мысленно стал перелистывать связанные с Дианой страницы...

II

Вернувшись как-то из очередного семейного отпуска, совершенно случайно Андрей с супругой попали на посиделки к своему другу. У того на холостяцкой квартире отмечалась в тот час очередная сдача сессии с девчонками – учащимися художественного училища. Переступив порог, он тут же почувствовал на себе внимание одной из красавиц, которая, игнорируя жену, вперилась в него своими аквариумными глазами, давая понять, что выбор ею сделан, а остальное ее не касается.

На следующий день, высвободившись из-под опеки супруги, Пономарев навел справки о своенравной и неробкой девице.

– Андрюха! – восклицал хозяин, широко улыбаясь, обнажив два ряда крепких зубов в багете густой черной бороды, потряхивая длинной шевелюрой. – Как только она тебя увидела, ни о ком другом не хотела даже слышать. Я-то с ней познакомился через свою подругу, они с Аленкой на живописном отделении в нашем училище, уже окончили третий курс. А ты, видать, старик, прогладел ее где-то со своими оформителями. Но я думаю, ты еще наверстаешь свое, у нее впереди целый учебный год.

Через пару дней состоялось открытие персональной выставки друга Пономарева. На выставке Андрей как бы случайно столкнулся с Дианой. Она вызывающе, с надменным кокетством взирала на него. Бесенята плясали в ее огромных голубых глазах, словно вопрошая: «Посмеешь ли?» Он, не церемонясь, на глазах у всех, обнял ее, привлек к себе и впился

**Николай
ПОПОВ**

Родился в Омской области в 1950 г. Окончил оформительское отделение Ташкентского республиканского художественного училища им. П. Бенькова; художественно-графический факультет ТГПУ им. Низами. Член творческого объединения при Академии художеств Узбекистана. Дипломант, участник международных выставок.

¹ Начало в «Звезде Востока» №4, 2014 г.

губами. Так начался их открыто заявленный роман.

Пользуясь квартирой друга или случайными, они были счастливы. Пономарев как несмышленный мальчишка, усыпленный уверениями Дианы, что его браку ничего не угрожает, черпал из колодца сладострастия и наслаждался.

– Все останется как есть, я не претендую на статус жены. Штамп в паспорте для меня не имеет никакого значения, – заявила как-то Диана, – я люблю тебя за то, что ты есть. Понимаешь, ты-ы! И никто другой. А разлюблю – меня не удержит никакая пометка в документе, я повернусь и уйду, но случится это тогда, когда ты уже будешь не ты! Запомни! – блеснула она глазами.

Андрей Николаевич попал в руки Дианы. Поначалу все воспринималось как очередная интрижка. «Ну, подумаешь, баба запала, а сколько их было, о-о-о... Пробьемся, Андрюха!» Но все оказалось не так-то просто. Диана своей безумной любовью буквально заполонила его. Андрею стоило немалых усилий, чтобы как рыбе, на миг глотнуть воздуха и снова скрыться в пучине ее страсти. Он не успевал ничего осознать, не было времени опомниться.

Вскоре по причине ее широко разлившейся, как река в половодье, любви начали возникать проблемы. Уж больно часто, по мнению жены, в последнее время его стали загружать внеурочной работой. Из училища пришлось уйти – аморалка.

Вскоре Пономарев устроился в рекламное агентство. Работа ему нравилась – он просто визжал от удовольствия: постоянно в движении, в поиске, частые командировки. Жаркий Термез сменяла радушная Алма-Ата, потом сутолочная Москва. Теперь внеурочная работа компенсировалась значительным материальным эквивалентом.

С Дианой отношения не прекращались, она часто приезжала в мастерскую, разумеется, исключались выходные и праздничные дни, которые принадлежали семье. В будни ходили в кино или просто бродили по городу, проводили время у Дианы дома. С ее матерью у Андрея сразу сложились хорошие отношения. Зная, что Андрей женат, она все равно относилась к нему как к потенциальному зятю. Отношения с Дианой были далеки от идеальных. Чем больше она поглощала его свободного времени, посягая на святая святых – посиделки с друзьями – тем яростнее он сопротивлялся, отстаивая независимость. Она не доверяла мужским сборищам (впрочем, не без оснований), зная не понаслышке, где карты и вино – там и женщины. Андрея это раздражало, поскольку женщины действительно нередко бывали в таких компаниях, а там, глядишь, и «приголубишь» какую-нибудь красотку. Пономарев устал от чрезмерного внимания Дианы и часто конфликтовал с ней. Диана тоже демонстрировала свою спесь, ссорились в пух и прах, расставались навсегда. Пономарев какое-то время наслаждался свободой, но паузы эти, как правило, были непродолжительными. Диана не переносила долгой разлуки – день-два, и она снова появлялась, и все начиналось сначала. Страсть, всхлипы, признания в любви и обещания никогда не ссориться и никогда не расставаться.

III

Вскоре родилась маленькая Лолита Андреевна. От отца унаследовала только отчество, имя выбрала Диана и фамилию дала свою, гуцульскую. Андрей признал в их полусупружеских отношениях диктаторское положение Дианы. После родов любовные утехы как-то сами собой отошли на задний план, мать целиком была поглощена дочерью.

Ребенок внес существенные коррективы в их взаимоотношения. Пономарев принял на себя роль дважды отца и дважды добытчика. Хотя, следует заметить, что большую часть обязанностей в материальном и моральном плане на себя взяла бабуля – мать Дианы. Андрей же, раздвигаясь, пытался быть полезным и в том, и в другом доме, но все получалось как-то неуклюже, по-медвежьи, толку особого не было. Работа – вот его стихия, а быт – по-толчку-поскольку. Тем не менее, чем мог, он помогал в воспитании девочки.

Став матерью, Диана перестала требовать развода: «Решай, как знаешь». Казалось, все вошло в русло. Чувства Дианы были похожи то на затихающий, то вдруг извергающийся вулкан: клочкотавшие эмоции достигали апогея или извергались, разя абсолютным безразличием. Андрей зачастую не знал, как быть. Чаше всего ее страсти разгорались в момент, когда Андрею необходимо было куда-нибудь идти. Разумеется, большей частью это было связано с семейными мероприятиями.

Однажды поводом для бури послужила годовщина бракосочетания Андрея с супругой. Мать и братишка Дианы в это время пребывали в гостях у родственников, в тех самых Мытищах. Диана оставалась с дочерью. К концу того дня Пономарев стал проявлять некоторую нервозность. Его озабоченность не ускользнула от внимания Дианы, и Андрею пришлось пояснить причину своего беспокойства, о чем он тут же пожалел: «Лучше бы соврал, придумав кучу других отговорок». Диана мегерой кинулась к нему.

– Нет, ты сегодня никуда не пойдешь...

– Что за причуды? Я обещал. Это простая учтивость, дань совместно прожитым годам. К чему лишний раз расстраивать человека.

– А я? – она состроила ехидно-ироничное лицо.

– Брось ты, я пойду, – стараясь быть непреклонным, Андрей вышел в прихожую, чтобы обуться.

– Ах, так, – Диана сорвалась с места. – Если ты боишься ее обидеть, тогда меня найдешь мертвой!

Мгновенно она вбежала в прихожую, на глазах открыла какой-то флакон, высыпала на ладонь горсть таблеток и принялась их глотать. Андрей опешил, ринулся к ней, выбил из рук флакон с таблетками и принялся вытрясать из нее то, что могло находиться у нее во рту. На сей раз все обошлось. Андрей, разумеется, на ночь остался у нее.

В штилях и эмоциональных бурях минуло несколько лет, пока, как гром среди ясного неба, Пономарев не ошарашил Диану сообщением, что у них с женой родился сын.

Она не стала закатывать истерик, просто запретила Пономареву прикасаться к себе. Пономарев страдал, перебирал массу вариантов, чтобы добиться ее расположения, и, наконец, решил пойти на крайние меры: несмотря на жуткую истерику жены и слезы дочери, собрал из дома кое-какие вещички и заявился к Диане. Уверенный, что такой поступок изменит отношение к нему.

– Все, буду жить у тебя. Что скажешь? – вопрос жалким мучеником повис в воздухе.

Диана немного помолчала и спокойно ответила:

– Я полагаю, что все твои жертвы напрасны. Возвращаясь-ка ты в семью, там у тебя теперь маленький ребенок и любящая женщина. Пришел ты слишком поздно, я тебя уже не люблю. Я не звала тебя, но и не гоню. Хочешь – живи, только у меня не осталось к тебе никаких чувств.

IV

...В Сочи поезд прибыл около одиннадцати утра. Ночная изморозь подтаивала, рыхлый снег сохранялся лишь в укромных уголках, куда не доставало солнце. Настроение у Андрея было бодрым и радостным. Он с нетерпением ждал встречи, сел в маршрутный автобус и вскоре оказался на бытхинских кручах.

Диану он встретил в вестибюле первого этажа, по-видимому, она направлялась в кухню. Андрей, широко улыбаясь, раскрыл объятия, со дня их разлуки, по ощущению Андрея, минула целая вечность. Диана приостановилась, не выражая особых эмоций, позволила себя обнять, подставила щеку для поцелуя. Вкратце осведомилась о положении дел дома, о маме и дочке, затем, вручив Андрею ключ от комнаты, отправилась по своим делам.

Андрей подозрительно и целенаправленно стал осматривать жилище, заглядывая в уголки, передвигая предметы, которые могли что-то скрывать. Его несколько корбила отдающая легавостью процедура брать след. Но любопытство, подогреваемое подозрениями, было сильнее морали, на карту поставлена его честь, а поругана она или нет, он пока не имел доказательств. Пономарев приподнял провокационно торчащий уголок линолеума, под которым что-то блеснуло. Поднятый с пола предмет оказался пробкой, откровенно свидетельствовавшей о спиртном. Андрей в сердцах закурил сигарету, вышел на балкон. Заметив на подоконнике банку из-под пива, он решил использовать ее в качестве пепельницы. Но оказалось, что кто-то опередил его. Банка из-под «Heineken» была до отказа наполнена окурками и еще какой-то чертовщиной. Пономарев вырезал ножом крышку и высыпал содержимое. Его взору предстали пробки от бутылок, масса окурков разного калибра и всевозможных марок.

Первым порывом Андрея было ринуться вниз, выложив Диане свидетельства ее разгульной жизни. Но потом, подумав, решил исподволь расспросить об устраиваемых в ее жилище шашабах.

– Ну, чем занимались? Как проводили время? Как Новый Год? Веселье, представляю... было – дым коромыслом!

– Все как обычно. Готовка, мойка посуды, походы за продуктами. Не развехавшиеся по домам строители накрыли стол в честь праздника, немного посидели. Ты же знаешь, какой из меня выпивоха. Рита, конечно, выпила изрядно. Пришлось оставить на ночь у себя, не переться же ей в Хосту среди ночи, – игнорируя ехидство Андрея и не понимая, к чему он клонит, Диана спокойно отвечала на вопросы, хотя в глубине души роились подозрения, что неспроста Андрей завел этот разговор.

– Что за Рита?

– Продавщица из магазина, – отрывисто зачастила Диана. – Мы у нее продукты покупаем. Она подруга Самвела, электрика. Да ты и сам, пожалуй, не раз водку у нее брал.

Пономарев застыл, погрузившись в сумрак своей памяти. «Водка... да уж не так часто он ее здесь приобретал, чтобы помнить всех, кто ему отпускал спиртное. «Вот стерва, –

мысленно восклицал Андрей. – Причем здесь водка? Петляет подруга, этими эпизодами с Ритой готовит себе плацдарм для защиты, намереваясь в любой момент перейти в наступление». Пономарев легко мог оказаться в смешном положении, тем не менее, он решил прояснить все до конца.

– А что там у тебя за пробки валяются в комнате? – оторвавшись от еды и глядя в упор на Диану, спросил он. – И почему твоя Рита не отправилась спать к Самвелу, раз он живет на одной с нами площадке?

– Чего ты добиваешься? – сверкнув глазами, резко бросила Диана. – Хочешь сразу по приезду поругаться?

– Нет, мне просто интересно, кто мог у тебя столько накурить и оставить такую уйму пробок?

«А-а, вот в чем дело!» – припомнила Диана забытую на подоконнике банку из-под пива.

– Я тебе еще раз говорю, Рита частенько забегает ко мне поболтать.

– Значит, это она столько пьет и курит? – не унимался Андрей. – И это ее пробки из-под армянского коньяка?..

– Хватит! Я не собираюсь перед тобой отчитываться.

Так ничего и не выяснив, Пономарев после разговора с Дианой поднялся в комнату, забился на свой топчан и уткнулся в попавшийся на глаза томик, пытаясь сосредоточиться на чтении, снова угадывая содержание недостающих страниц.

Вечером Диана, принарядившись, кокетливо махнула Андрю ручкой, пожелав особо не скучать и заверив, что уходит на минутку, отправилась на посиделки.

Наверху уже около получаса гремела музыка, слышались гортанные голоса мужчин и позивание женщин. Андрей представлял Диану, расточающую знаки внимания и нежности направо и налево. Так длилось какое-то время, пока раздавшийся стук в дверь не извел Андрея из логова самопожирания.

– Да! – гаркнул он, недоумевая, кого могло принести в такое время.

За дверью произошло замешательство. Затем раздался робкий, напевно тягучий голос:

– Джива-а-н?..

Дверь приоткрылась и в проем просунулась голова Мирона. Взгляды мужчин встретились, брови Мирона поползли вверх, а нижняя челюсть заметно отвисла.

– Дживан? Й-е-е! А где Дживан, Андрей-джан? – узнав Пономарева, сбивчиво пролепетал армянин, переступив порог.

– А какого хрена ему здесь быть? – возмутился Андрей в лицо Мирону, не успевшему вывести свои мимические мышцы из карикатурно-гротескового состояния.

– Я думал Дживан заше-о-а к Диане, – запел рассеянно, с легким акцентом, горещ.

Каскад мыслей вихрем пронесся в голове Пономарева: «Так вот в чем дело, значит Дживан все это время, пока я отсутствовал, жил здесь, кувыркался в постели с Дианой. Вот откуда эти окурки и пробки. И этот зашел к нему уже по протоптанной дорожке, не ведая того, что я вернулся», – Андрей с трудом подавил вспышку гнева. «Да и правда, причем здесь Мирон...» Тем не менее, он отрывисто бросил ему:

– Слышишь? Там наверху ваши «гудят», – Андрей махнул рукой в сторону окна. – Там твой Дживан! Дуи!

Мирон, смущаясь, невпопад улыбнулся.

– Прости Андрей-джан. Я не знал, что ты приехал, приятного отдыха, джан, – раскланиваясь, он шагнул за дверь.

Галт наверху не прекращался, Андрей бросил взгляд на часы – было без четверти десять. «Они что, решили балдеть всю ночь?» Он поднялся, оделся, решив все-таки прояснить, что там творится и заодно кое-кому напомнить об обещанной «минутке». Темным лестничным маршем Андрей поднялся на четвертый этаж. Сквозь непрочную дверь, всхлипывая, рвалась наружу армянская мелодия. Он толкнул дверь и оказался в залитой электричеством комнате, посреди которой стоял длинный стол с закусками и напитками. Застолье насчитывало человек шесть-семь мужчин и четыре девушки, в число которых входила и Диана. Зардевшись, она сидела рядом с Дживаном и улыбалась, о чем-то с ним перешептываясь. Во главе стола с бокалом в руке, провозглашал тост какой-то джигит лет тридцати семи с орлиным носом. Дживан поднялся из-за стола, радушно улыбаясь, захолопал ресницами:

– Андрей-джан, проходи, садись дорогой, гостем будешь.

Джигит замолк и недобро зыркнул своими круглыми глазами в сторону Андрея.

– Ну, что ты встал, проходи, люди же просят, – участливо зашептала Диана.

Дживан тоже что-то лепетал, приглашая Пономарева принять участие в пирушке, но Андрей утихо отказался и, сославшись на усталость, ушел. Спустился к подножию Бытхи, где приветливо сиял огнями ресторан. Внутри все клокотало, необходимо было успокоиться, а в таких случаях остается одно – прилечь к устам самой «верной подруги», которая

никогда – ни в радости, ни в горе – не бросит тебя и не предаст. В ресторане было немноголюдно, Андрей направился к свободному столику. Его внимание привлек неистово жестикулирующий человек. Приглядевшись, Андрей узнал Мирона и присел к нему за столик. Он не помнил, сколько водки выпил в тот вечер, смутно помнил лишь слова Мирона как заезженная пластинка повторяющего:

– Эх, Андрей, Андрей...

V

На следующее утро Пономарев проснулся поздно. Дианы уже не было. Скрипя своим деревянным ложом, он сел, вынул из пачки сигарету, прикурил и, глубоко затянувшись, стал припоминать конец предыдущего дня: «С Мироном, вроде, добрались нормально, вступив на стройку, дуэтом горланили какую-то арию... Помню, Диана отворила дверь и молча впустила. Потом, хоть убей, ни черта не помню – кажись, плюхнулся на кушетку и уснул. Так что же все-таки порывался сказать Мирон?»

Приведя себя в порядок, Андрей спустился на кухню, где Диана мыла посуду.

– Ну, ты вчера видать «дал», раз с Мироном завывал на всю стройку. Головка не бо- бо? – дружельюбой усмешкой встретила она его. – Чего так надарлся?

Пономарев, не желая ничего ворошить, неопределенно махнул рукой.

Диана поставила перед ним сковороду с кружочками жареных сосисок.

– Хочу съездить в Адлер. Может, Родион вернулся. Надо как-то определиться с работой. Денег-то... ты-то с этой поездкой. – В его голосе угадывались нотки укора.

– Как знаешь. Я лично, как могу, горбачусь для своего ребенка, – безапелляционно заявляла Диана. – За то, что отвез дочь – спасибо, но хоть что-то ты должен был сделать для своего ребенка. А в остальном – сам прекрасно знаешь, я на твои деньги не претендую. Тебе надо, думай сам.

...Около полудня Пономарев распахнул дверь в обиталище вольнонаемников адлерского переговорного центра. Кроме Родиона в помещении никого не было. Он лежал на раскладушке в одежде и, уставившись в потолок, дымил сигаретой. Повернув голову, он мгновение тупо взирал на Андрея, затем его лицо расплылось широкой улыбкой, глаза заблестели, он соскочил с постели и ринулся в раскрытые объятия своего друга. Мужчины крепко обнялись, по-восточному, похлопывая друг друга по спине.

– Ну, как ты, как отдохнул? Я хотел тебя разыскать, да передумал, решил, что сам вот- вот объявись. Так оно и вышло! – зачистил Родион.

– Родя! Я же тоже мотался в Ташкент, отвозил дочь. Приехал вчера утром поездом, – тут Пономарев не удержался. – В Ташкенте к своим зайти не посмел, совестно, да и пожалел жену, не хотел лишний раз берeditь ее раны. Думаю, само в скором времени все должно определиться.

– Да-а... – протянул Родион. – У меня, Андрюха, тоже полная хрень. Даже говорить не хочется. Ладно, не будем омрачать нашу встречу, возьмем пузырек и обмозгуем планы на будущее. У тебя деньги-то есть?

– Нет, нету, братка, – отрицательно замотал головой Андрей. – Вчера последние деньги в кабаке спустил.

– Выходит непруха, Андрюха! Я тоже за неделю, что здесь околачиваюсь, поистратился. Хорошо, хоть Казаченко приютит, видать не теряет надежды на продолжение работ, – продолжил Родион. – Волков выписал из Ташкента пару мастеровых, трудятся они сейчас во второй половине зала. Земели не ведают пока во что втюхались.

– Надеюсь, ты прояснил обстановку?

– Зачем людям портить настроение? Время придет – сами допрут, а нет – так пусть и кувыркаются в благодати. Они со мной особо не откровенничают, ну и мне их общество как-то тоже до лампочки. Позавчера навещался Дюмон, тоже вести малоприятные. Армяне, которым ты выдал проект магазина, «заморозили» работы до неопределенного времени. Извинились, говорят, мол, простите братаны, финансы в обозримом будущем пока не светят, а впрягать вас в сомнительную авантюру мы не хотим.

– Понятно, а как Дмитрий, сам-то чего мерекает?

– Да, у него, как я понял, тоже не все стыкуется. С Волковым он тоже распросался.

– Ладно, старина, прорвемся! А давай-ка мы, хлопчик, заглянем к Казаченко, если нашел работу, так, может, аванс выьем? Выбирать то нам особо не из чего, так что идем, Андрюха.

Николай Петрович встретил друзей довольно радушно:

– Все! Все! Все проблемы относительно ваших пожеланий улажены. Отвоевал у шефа для вас работенку, оплата по аккордному наряду, договор непосредственно с нашим учреждением, как вы и желали.

Андрей с Родионом переглянулись.

- А, аванс? – глядя прямо в глаза работодателю, опередил друга Нишанов.
- Який аванс? – хитро прищурился в ответ Казаченко. – Жилье я вам предоставляю, живите на весь период работ. А с авансом придется погодить, денежки только поэтапно, за выполненный объем. Так-то, милостивые государи. А то, я вам денежки, а вы тю-тю, а? И иши ветра в поле, вы же теперь народ свободный.
- Обижаете, Николай Петрович, – сокрушенно возразил Родион.
- Ладно, ребята, дискуссия окончена, идемте, я покажу вам материал и помещение. Сегодня пятница, начнете работу – в понедельник с деньгами что-нибудь решим.

VI

Николай Петрович пристально рассматривал представленный Пономаревым и Нишановым макет.

- Да, интересная штука. И какого роста она предполагается?
- Масштаб один к десяти, в натуре, Николай Петрович, она будет иметь высоту пять метров. Ну, и периметр порядка четырех метров. В итоге получается вот такой «паук», – разводя руками, четко рапортовал Пономарев.
- Да, действительно паук. Но замечу вам сразу, милостивые государи... Взоры авторов подернула тень разочарования.
- Хочу заметить вам, что композиция, несмотря на ее большие габариты, получилась легкой, динамичной и как нельзя точно и лаконично выражает идею связи. В общем, мне понравилось...
- Николай Петрович, в сфере будут находиться софиты, – поспешил присовокупить Родион, сияя глазами и бросив на чашу весов неоспоримый плюс в пользу декоративной установки.

– Ух, ты, який заступник! – рассмеялся Казаченко. – Я же говорю, готовьте смету и список необходимых материалов, а я со своей положительной рекомендацией все передам руководству, пусть решают. Ну-ка сынок, – обратился Николай Петрович к Родиону, – забирай-ка эту статуи и ко мне в кабинет, покажу директору. Це-ре-тели...

Получив причитающийся остаток денег, в воскресенье друзья встретились в Сочи у кинотеатра «Космос». Погода стояла прохладная, но солнечная. По сине-черному морю катились небольшие буруны, гребни которых венчала ослепительно белая косматая пена.

Наметив оперативный план предстоящего дня, «синдикат», в первую очередь отправился в хлебный магазин. Хозяйка оказалась статной брюнеткой лет тридцати семи с открытым, располагающим к себе и внушающим доверие взором. Дмитрий, пользуясь правами бригадира и давнего знакомого, представил хозяйке своих коллег, та, в свою очередь, протянула руку и отрекомендовалась Раисой Александровной. Хозяйка прошла с подрядчиками к фасаду:

– Вы художники, вам и карты в руки, всю эту нецензуршину необходимо скрыть. Эскиз, утверждение, стоимость работ – по обоюдному согласию. Расчет – по приему качественной работы. Встретимся через неделю.

Коллеги переглянулись. Впечатление о хозяйке было явно положительным.

– Значит, добро. Приступайте к обмерам и до встречи, – улыбнулась она и пожала каждому руку.

Посещение офиса Канарейкина тоже входило в план дня, Дмитрий предложил «убить двух зайцев разом» – купить по паре гамбургеров на брата и, заварив чаек, пообедать в офисе.

Выяснив месторасположение офиса Дмитрия и умяв под круто заваренный чай гамбургеры, команда двинула на Бытху.

Вскоре друзья вышли к припаркованному у подъезда автомобилю. Ни в машине, ни возле нее никого не было, и вообще вся стройка не подавала никаких признаков жизни.

– Воскресенье – выходной, – пояснил Пономарев Дмитрию, видя его недоумение. – Поднимемся ко мне, там разберемся.

Проходя мимо дверей братьев Налбадянов, приятели слышали, как оттуда доносились обрывки мужских голосов, армянская речь, слышались взрывы хохота. Андрей махнул рукой и повел товарищей вверх по лестнице. Поднявшись на второй этаж, он постучал в дверь.

– Кто? – отозвалась Диана.

«Ну, слава богу, дома...», – мысленно перекрестился Пономарев.

– Это я, – отозвался Андрей, – только я не один...

Глухо шаркнул проволочный крючок, на пороге появилась Диана. Оглядев ватагу пытливым взглядом, пригласила войти. Она была не одна; за столом, дымя сигаретой, восседала дама лет тридцати. Это была Маргарита, продавщица из соседнего магазина.

Диана, демонстрируя свое хлебосольство, предложила гостям перекусить на скорую

руку. Дмитрий за всех вежливо отказался, не без гордости сообщив, что недавно отобедали у него в офисе. Андрей ухмыльнулся, подтвердил сказанное и, обратившись к Диане, озвучил цель своего визита:

– В Адлере мы работу практически закончили. Со следующей недели мы с Родионом по просьбе вашего прораба переберемся на стройку, будем заниматься отделкой квартир по деревянной части.

– Ты что ж, научился плотничать? – приснула Диана.

Пономарев, поддержав ее шуточный тон, широким жестом указал на Родиона:

– Вот, царь и бог по дереву, под его руководством я готов вершить любую работу.

– Да хорош ты, – смущенно улыбаясь, отстранил его руку Родион.

– А Дмитрий Григорьевич – преуспевающий бизнесмен и наш работодатель. Он будет наведываться на стройку по нашим общим делам.

– Надеюсь, с Дживаном вы переговорили? А то он не особо приветствует появление посторонних людей на стройке, – поинтересовалась Диана, явно не разделяя восторга по поводу перспектив Пономарева.

– И об этом мы тоже собирались с ним переговорить. А что касается Дмитрия, что ему артачиться – не на постой же он определяется...

– Если вы рассчитываете сегодня переговорить с Дживаном, поторопитесь, он сейчас повезет нас в Хосту.

– Зачем? – непроизвольно вырвалось у Андрея.

– Запарила эта стройка, хочу отдохнуть, вымыться, – резко бросила Диана в сторону Андрея. – Есть еще вопросы?

У подъезда возле машины слышался говорок. Среди голосов выделялся мягкий тембр Дживана. Друзья направились к «Жигулям». У автомобиля стояло трое мужчин – Дживан, Сергей Тер-Акопян и ястребообразный Гурген.

– Какой разговор, Андрей-джан, ваши друзья – наши друзья, конечно, пусть приезжает, когда захочет, – сказал Дживан, широко улыбаясь.

Быстрым пронизательным взглядом Гурген окинул атлетическую фигуру Дмитрия.

– Так, когда вас ждать? – продолжил разговор Дживан.

– Я думаю, к середине недели переберемся.

– Давай, будем рады. А Родиону уже комната готова над вами, на третьем этаже. Там уже и кровать, и обогреватель – все есть.

Мужчины распрощались, сзади захлопали дверцы «Семерки». Андрей обернулся – это компания рассаживалась в «Жигули».

VII

Маргарита жила с матерью, одна воспитывала семилетнюю дочь, посменно работала в магазине. Мать занималась хозяйством, в сезон пускала на постой отдыхающих. В зимнее время предназначенные для квартирантов комнаты пустовали. Поэтому Рита периодически «осчастлививала» подруг с любовниками. Если случалась самой «зацепить» мужа – тоже старалась не упустить выпавший шанс. Поэтому стройка для нее была своего рода Клондайком. Не один, так другой...

Дживан припарковал «Жигуленку» ближе к забору, чтобы не мешать проезжающему мимо транспорту.

Мать Маргариты встретила Дживана как давнего знакомого. Он тоже вел себя неприужденно, разворачивая кучу свертков, доставал то одно, то другое, по ходу раздавая указания Рите и Гургену. Лукаво скосил взор из-под пушистых ресниц в сторону Дианы, произнес:

– У Дианочки сегодня выходной, она гостя, так что сегодня кухня в нашем ведении.

Диана удостоила своего любовника скромной улыбкой и признательным блеском аквамариновых глаз. Пока шли приготовления к столу, хозяйка, уважив гостей, протопила баньку. Не мешкая, Дживан, подхватив Диану, устремился в объятия животворящего пара.

...Рита на правах хозяйки определила всех на ночлег. Гургена, разумеется, уложила в свою спальню. Дживану с Дианой предоставила лучшие гостевые апартаменты. Прямо как в сказке: «На кровать слоновой кости уложили молодых и оставили одних...» Диана, прижавшись к любовнику, молча поглаживала его грудь, утопая рукой в обильной черной поросли.

– Что, Дианочка, что-то не так?

Диана тихо спросила:

– Что с Андреем?..

– Каким Андреем? – недоуменно переспросил Дживан.

– Ты что, собираешься взять их на работу?

– А-а, твой Андрей! Да, будут жить и работать на стройке. А что такое?

– А как же мы с тобой?

– Так же, как и сейчас, – Дживан принужденно улыбнулся. – Они перебираются сюда работать, а не высматривать тебя по стройке.

– Боюсь я, если он что-то заподозрит, последствия могут быть...

– Что, убьет, зарежет? – рассмеялся Дживан. – Любовь к тебе, как я вижу, застала ему глаза. Если до сих пор он ничего не замечал, значит и дальше ничего не увидит. Да и ты любого обведешь вокруг пальца, тебя к стенке так просто не припрешь, я знаю твою ловкость.

– Я за себя не боюсь, – с обидой отозвалась Диана. – А ты зря смеешься. Я видела однажды последствия его бешенства.

Дживана раздражали эти разговоры:

– Ладно, успокойся, я думаю, до такой крайности дело не дойдет. Мне необходимо форсировать работу, поэтому нужны люди, и чем больше, тем больше моя прибыль. Вот-вот наступит весна, прилетят «перелетные птицы» из Нижневартовска. А чем я их встречу, а? Так что этот вопрос обсуждению не подлежит. Вот так-то, солнышко, спи, – чтобы сгладить свой выпад, Дживан обнял и поцеловал Диану.

Она еще долго не могла заснуть. Андрей, Ризо, Дживан... – все выстраивалось в какую-то не ее личную, а параллельную с ней жизнь, в которой она каждый раз временно находила пристанище. «Так когда же, наконец, я встречу свою судьбу», – слеза покатилась по щеке Дианы.

...В субботу во второй половине дня в ворота стройки вкатилась «Волга», из багажника которой торчали листы кроеной многослойной фанеры, виднелись баулы и емкости с красками. Из машины вышли Пономарев, Нишанов и Канарейкин.

Постучав в дверь Налбадянов, друзья вошли. Братья сражались в нарды, грозя при этом друг другу «марсом». Пономарев пояснил, что они, определив Родиона на проживание, готовы приступить к работе, а если нет – развернув оголоби, отправятся назад.

– Нет, что вы? Как отправитесь? – захлопал ресницами Дживан. – Работа вас дожидается, никому не отдаю. Там двухкомнатная квартира, стяжку нужно делать, стелить паркет, ставить в комнатах двери... Какой, слушай, отправитесь? Разгружайтесь!

Родион с Андреем при содействии друзей разгрузили свой скarb – часть у Пономарева, часть у Нишанова, теперь уже в его отдельной квартире.

Расставшись с друзьями, Родион поднялся к себе на этаж и принялся за обустройство своего жилища. Андрей с Дианой на зиму перебрались в кухоньку, поэтому зал был свободен, в нем Пономарев и решил расположить свою оформительскую мастерскую. Временами забегала Диана, снуя между домом и кухней. На ходу спрашивала, как настроение, чем собираются заниматься, проявляя при этом неподдельную искренность и доброжелательность. Пономарев мел от ее участия, сообщив, что с переговорным узлом, очевидно, дела вряд ли возобновятся, продемонстрировал макет, выразив при этом сожаление, что «наверху» пока не утверждают, ссылаются на финансовые проблемы. Диана нашла макет довольно-таки интересным. Поощренный проявленным вниманием Андрей в следующий приход Дианы показал ей эскиз вывески для хлебного магазина.

– Завтра вместе с Родионом поедem к хозяйке, покажем эскиз и, если она одобрит, приступим к работе. Вон мы и заготовки уже накроили, – Пономарев указал на привезенные с собой куски фанеры. А с поидельника, получив инструкции от Дживана, возьмем за квартиру.

– И когда вы все это делать будете? – сочувствующие помотала головой Диана.

– Не переживай, – заверил Пономарев, плененный участием Дианы. – Управимся со всем. Главное, что есть работа, а от нее, как ты знаешь, я никогда не бегал. Все образуется.

Уже смеркалось, когда вновь заскочила Диана и сообщила Андрею, что накрывает ужин, и Дживан просит их с Родионом спуститься в столовую. Андрей рванул было за товарищем, но в дверях столкнулся с Нишановым. Улыбаясь, тот сообщил, что устроился нормально, хотел вымыть полы, а ведра и тряпки нет, вот и решил попросить их у Дианы.

После ужина, взяв необходимое для мытья полов, друзья поднялись в квартиру Родиона. Андрей оценил старательность, с коей Родион убрал свое жилище. Устав за день от переездов и хлопот, мужчины вяло перекинулись в картишки, еще раз уточнили планы на завтра, на этом и расстались.

Андрей, придя к себе, застал Диану разбирающей постель. Пожелав Андрею спокойной ночи, она юркнула под одеяло.

Утром Пономарев исподволь осторожно повел разговор:

– Ты помнишь Дмитрия Канарейкина? Ну, того, с которым мы недавно приезжали сюда на стройку?

– Ну, – безразлично, сквозь полудрему отозвалась Диана.

– Он здесь, в Сочи, со своим дядькой занимается бизнесом.

– Ну и что? – также сонно с нотками недовольства пробормотала она.

— Он собирается навсегда осесть в Сочи, я имею в виду получить российское гражданство. В Сочи, конечно, не пропишешься, а приобрести жилье и вовсе не реально так же, как и в других крупных городах.

— О чем тогда разговор? Ты рисуешь замкнутый круг. Дом не приобрести — нет средств, а гражданство не получить — нет прописки.

— В том-то и дело, Дмитрий мне предлагает пробыть вместе, открыть на их базе рекламное агентство. А прописку дядька организует, у него где-то есть свой канал. Ты как на это смотришь? Прежде чем принять решение, я хотел переговорить с тобой, как ты?

— А я-то здесь при чем? У тебя своя жизнь, посоветуйся со своей семьей. А у меня своя жизнь, — она печально вздохнула и соскользнула с постели.

— Опять двадцать пять...

По выходным дням еду на стройке не готовили, и Андрей, дабы не вызвать кривотолков у армянского населения, отказался от завтрака, который собиралась приготовить Диана. Затянув поясочки, отправились к хлебобулочной dame решать свою судьбину, намереваясь перекусить где-нибудь по дороге.

Раиса Александровна внимательно рассмотрела эскиз, выполненный в приятных теплых хлебных тонах. Идея, композиция и колорит ей понравились. Попутно задала вопросы относительно используемых материалов, их качества и долговечности, на что Пономарев дал полный расклад.

— Лет десять простоит как минимум, — не моргнув, загнул Андрей.

Хозяйка вызвала своего зама — женщина тоже повертела эскиз, удовлетворенно кивая головой.

— Значит, утверждаем, Надюша?

— Я думаю вполне, Раиса Александровна.

Дальше все пошло гладко, как по маслу. Директриса согласилась со сметой, оказавшейся значительно ниже всех предложенных местными рекламными агентствами.

— Ну что же, приступайте к исполнению. Расчет, как и договорились, после того, как будет вбит последний гвоздь. Посему желаю успеха и до встречи.

— Хорошая баба, — заметил Родион, когда друзья вышли на улицу.

— А может она и не замужем? — подпел Пономарев. Друзья, переглянувшись, расхохотались.

Позавтракать, а заодно и пообедать приятели зашли в чебуречную у подножия Бытхи. Утолив голод сочными чебуреками и осадив все «добро» несколькими кружками пива, они пешочком, не спеша, направились в гору к маячившим наверху двум серым зданиям стройки. Навстречу с горки спускалась автомашина красного цвета.

— О, «Семерочка!» — воскликнул Родион. — Очевидно, Диана помчалась в баню, — хихикнул он довольный своей шуткой.

Пономарев недобро зыркнул на него. Поравнявшись с ними, автомобиль притормозил. За рулем был Дживан, рядом восседала Диана, на заднем сидении вольготно развалился Самвел. Диана, высунувшись в окно, прокричала:

— Я к Рите, в Хосту. Кушать захотите — еда на кухне. Найдете там в маленькой кастрюльке. Ладно, пока!

Машина покатила дальше.

— Идем, Родя, — с заметно упавшим настроением хлопнул Пономарев друга по плечу. — Нам с тобой надо вывеску молотить...

VIII

На ночь Диана так и не появилась. Пономарев часто просыпался, вставал, ходил, курил, выглядывал в окно, все ждал ее приезда, но тщетно... Какие только эротические картины не рисовало его воображение... То она с одним, то с другим — соперники чередой проплывали в его голове: «Дживан, наверняка, подготовил себе алиби, заявившись в мастерскую. Похоже еще тот стратег...»

Диана появилась около восьми часов утра в компании Риты. Как ни в чем не бывало бросила Андрею: «Привет. Не замерз? Все в порядке?» — и, переодевшись, улизнула на кухню. «Специально прихватила подругу, чтобы не было лишних вопросов. Молодец, стерва, ну ничего не скажешь», — в сердцах подумал Пономарев.

После завтрака Андрей с Родионом в обществе младшего Налбадяна отправились знакомиться с объектом. Дживан подробно разъяснил, какая у них работа, пояснил порядок выполнения и поинтересовался, понятна ли задача.

— Так точно! — отозвался Родион, приняв на себя роль генерального подрядчика.

— А стяжку как, сможете сами сделать?

— Откровенно говоря, я ее не делал, но, думаю, ничего хитрого в этом нет. Выставил по уровню направляющие и вперел.

– Может, для начала стяните под руководством Степана? У него и направляющие заготовлены, и опыт имеется, он много квартир перелопатил.

Родион почесал затылок, глянул на Пономарева, но кроме недоумения ничего не заметил.

– Хорошо, давайте Степана. Разочек посмотрим, может, здесь требуются какие-то специальные замесы, черт его знает, этот климат, – согласился Родион.

– Тогда я сейчас его пришлю, все равно без дела сидит. Куда денется после того, как мы свернем работы: ни жилья, ни прописки, даже документов и то нет. Приблудился к нам, так тут и кантуется. Что будет делать – не знаю, – с сочувствием произнес Дживан, затем более оптимистично добавил: – Значит, договорились. Расчет сразу по окончании каждого этапа работы. Со Степаном разберетесь сами, кому и сколько, а за последующую работу будете делить только между собой, а как – решать вам самим. Я плачу за выполненный объем. Питание учтено, расходы на продукты и на зарплату поварахи я удержу с вас при поступлении первых денег. Степан у нас не столуется, он сам по себе, так что у него никаких начетов нет.

Вскоре появился Степан. Скривив в улыбке ввалившийся рот, он просипел приветствие, протянув закрученную руку. Стяжку закончили в пару дней: пока Родион выставл направляющие, Андрей готовил раствор, Степан давал лишь указания.

Завершив стяжку, временно созданный коллектив распался. Степан отправился воссоединяться с Родионом и Андреем приступили к установке дверей, поджидая обещанные прорабом денежки. Ближе к обеду к ним заглянул Дживан со своим братом Арменом. Эмоциональный Армен еще с порога радостно загоготал:

– Как дела, работа идет?

Затем осмотрел рабочий инструмент, извлек молоток и, просияв в улыбке, подошел к Родиону, повертел молотком возле его носа и протянул:

– Э-э-х, ара, сынок, ну зачем ты купил такой молоток? Ти разве нэ видишь, что это молоток сапожный, зачем вам такой, ведь ви же нэ сапоги точите, а, ара?

– Пока какой есть, такой есть, отес, – с улыбкой ответил Родион. – Вот Дживан сейчас даст нам денег, купим новый, такой, какой нужен, – бросил он лукавый взгляд на Дживана.

– Слушай, какие деньги? – беззлобно возмутился Дживан, часто хлопая ресницами. – Я еще вчера вечером, когда вы закончили работу, все проверил со Степаном и деньги ему отдал. Он заверил, что с ребятами рассчитается сам. Так что колите его, пока все не пропил.

– Андрюха, дуем к сипатому.

Закрыв за собой двери на ключ, через мгновение они уже поднимались по лестнице на «маяк» Степана. Дверь была не заперта, друзья вошли. В плотном табачном дыму среди бутылок за столом, клюя носом, дремал хозяин.

– А, коллеги, – сильным голосом, подняв затуманенные глаза, приветствовал Степан вошедших. – Проходите, присаживайтесь, – он потянулся рукой за бутылкой.

– Ты! Некогда нам тут с тобой рассиживаться, бабки гони, – гаркнул не в меру взвинтивший себя Родион, созерцая представшую перед ним картину.

– Ты че разорался! Урою! – рука Степана потянулась к ножику. – Пошел к... вообще с тобой говорить не хочу, вот с Андрюхой покалякаем, – Степан тупо заулыбался.

– Мне с тобой тоже нет нужды рассусоливать, – твердо начал Андрей. – Гони нашу долану и разойдемся как в море корабли.

– Вы у меня были в учениках, стало быть, я вам ничего не должен. Да к тому же Дживан из этих денег вычел за вашу хавку.

– Что, дать ему по жбану, – ерепенился Родион.

Видя, что угрозы действуют на мужиков, как уже давно пережившей свою силу кобры, Степан стал шарить по карманам. Выложил на стол несколько купюр, пересчитал их и вручил Пономареву.

– Вот, возьми – больше нету...

– А где остальные? Должны поделить на три доли, – напирал Андрей.

– Ну нету, Андрюха, больше нету, – жалко скукожившись, просипел Степан. – Долги раздал, братишка, по магазинам, а остальное – вот на столе.

– Ладно, хрен с тобой, – безразлично махнул рукой Пономарев. – Живи пока, только на глаза больше нам не попадайся. За ножички совету не хвататься, а то сам чего доброго проглотишь... Идем, Родя.

К концу февраля первая квартира была полностью закончена. Дживан, как и обещал, за все рассчитался сполна, выплатил копейка в копейку оговоренную сумму, чем закрепил свой авторитет у Пономарева и Нишанова. Диана отказывалась брать деньги от Андрея как от супруга, но за поварскую работу брала в полном объеме как с постороннего человека. В принципе они уже давно были чужими друг другу. На ночные домогательства Андрея, скрепя сердце, она иногда уступала, потом стала отказывать, ссылаясь на недомогание.

Как-то на вопрос Андрея, уставшего ждать, категорично заявила:

– Никогда! Все конечно, я больше никогда не буду с тобой спать.

Андрей, пытаясь выяснить причину, подкидывал в запале кандидатов вероятных любовников Дианы, выстроив вереницу знакомых им обоим имен. Она же только цинично улыбалась:

– Спасибо за лестные отзывы, это за лучшие годы жизни, отданные тебе. Думай что хочешь, выставляя меня шалавой, я больше тебе ничего не скажу. Вот твоя постель, можешь жить рядом, но ко мне ни на шаг.

В ответ Андрей схватил свою кушетку вместе с постелью и ринулся вверх по лестнице искать пристанища у Родиона. Тот, увидев его, осклабился:

– Ну и что ты приперся, братан? Если хочешь, живи! Мне какая разница! Только через день ты снова попрыгнешь туда, уж я-то тебя знаю. Живи...

IX

По-весеннему ласково светило мартовское солнце, все улыбалось вокруг: и море, и солнце, и хозяйка хлебного магазина со своим замком, с благодарностью вручившая Андрею с Родионом их честно отработанный гонорар.

– Ну, слава богу, работа завершена, а то я до последнего момента переживал, вдруг что не так?..

– Андрюха, а я даже грамма не сомневался, уверовав твоему таланту художника, – сощурился в улыбке Родион, снизу вверх взирая на Пономарева.

– Ладно, вы сейчас будете петь друг другу дифирамбы, а мне некогда, гоните мой обещанный процент и я по делам, – нарушил хвалебные речи друзей Дмитрий.

– Ради бога, Дюмон, – Андрей протянул Дмитрию деньги. – А как насчет «посидеть»? Работа окончена, денежки – вот они, тем более, сегодня воскресенье. И погода шепчет...

– Нет, вы ребята как хотите, а у меня еще дела, как-нибудь в другой раз.

– Хотя бы посоветовал, куда сходить, где можно нормально провести время. Ты же теперь мужик сочинский, – Родион расхохотался, – все здесь знаешь, во всем в курсе. Это мы с Андрюхой сидим на макушке Бытхи и ничего не ведаем.

Дмитрий прищурил глаз:

– Куда, куда? Вон, в кино ходите. Кстати, в «Космосе» неплохой боевик идет со Стивеном Сигалом...

– Э-э-э, ну его в баню, – прожрал Родион. – Нам и Бытхи-фильмов вот так хватает, – он провел большим пальцем по горлу.

Андрей с Родионом переглянулись.

– Вот это идея, Дюмон! – воскликнул слишком эмоциональный в этот день Родион.

Баню нашли быстро, она оказалась на редкость чистой и опрятной. Вдоволь напелкавшись, сияющие и покрасневшиеся, друзья вывалились в предбанник. Тут, в проеме металлической арки, отделяющей предбанник от бара, их приветливо встретила русоволосая девушка лет двадцати-двадцати двух. Ее голубые глаза сияли какой-то чистотой и еще детской непосредственностью.

– Прошу вас, – мягким и доброжелательным голосом пригласила она. Ее голос не мог не тронуть, а тем более не обратить на себя внимания, – будьте любезны посетите наш бар.

Друзей не пришлось долго уговаривать – повинувшись магии очарования, они последовали за приветливой хозяйкой. Чего только друзья не отведали в тот день, благо карман позволял многое. Поздним вечером они прибыли в расположение бытхинской стройки.

У подъезда, о чем-то негромко переговариваясь, стояли братья Налбадяны.

– А, Родион! Привет, привет! – воскликнул Армен, узнав в подошедших своих новых соратников. К Нишанову он питал какое-то особое расположение. – Эта где вы так долго пропадали?

– В бане были, дядя Армен, – просто и весело ответил на вопрос Родион.

– Вах, наверно хорошая баня, раз из него так долго не выпускают, – скалился в ответ Армен. – Надо нашим джигитам тоже сказать, что есть такая замечательная баня. А где эта?

– Недалеко от вокзала, – немногословно заявил Родион, а про себя подумал: «Вас еще там не хватало».

– Слушай, ара, – обратился к Родиону Дживан, прекратив зубоскальство брата. – У нас здесь небольшая проблема. Выручи, брат, если сможешь. Ключи, понимаешь, от квартиры потерял, никак теперь не могу людей впустить, чтобы отделку закончили. Потом замок другой поставим. Помоги, слушай.

– Завтра посмотрим...

– Да я не говорю сейчас, дорогой! Завтра, так завтра. Спасибо.

На этом мужчины расстались. Утром дремлю Родион вскрыл запертую дверь, просверлил замок и вынул сердечник, чем снискал искреннее восхищение братьев Налбадянов.

Почти ни с кем не встречаясь из коллег по стройке, Пономарев и Нишанов трудились от темна до темна на новом объекте, выделенном прорабом. В выходные дни ходили в баню. Родион, правда, реже, видя, к кому склоняются симпатии Светланы, а Андрей пунктуально просиживал там с утра до вечера, возвращаясь на стройку поздно вечером. Армен всегда встречал его у подъезда, не забывая каждый раз спросить о достоинствах покорившей его сердце бани.

– А, Андрэй, как тебя хорошо принимают в бане. Утром ушел, ночью пришел, в-в-а-ах!

Андрей действительно отлично отдыхал. Со Светланой у них сложились особые отношения. В баре, когда было немногочисленно, она присаживалась к его столику и слушала его нескончаемую повесть. Иногда, чтобы выразить свое участие, она прижималась щекой к его щеке и что-то шептала. Более чем двадцатилетняя разница в возрасте не позволяла им откровенно признаться друг другу о зарождающихся чувствах. Им было просто хорошо вместе, и каждый боялся переступить эфемерную грань, за которой могут прекратиться едва проклевывающиеся чувства.

Однажды задержались на объекте дольше обычного, продолжили работу после ужина – уж очень хотелось скорее закончить объект. Андрей предупредил Диану, что задержится и, вероятно, придет поздно, а вернувшись домой, он ее не застал. Не мешкая, спустился в столовую, заглянул на кухню, там все было прибрано, но Дианы нигде не было. Подозрения в измене тяжелым грузом лежали на сердце. Он был почти уверен, что она водит шашни с кем-то из армян со стройки, однако ни разу не застукал ее. Взбешенный ее отсутствием, он вышел за ворота, выпил водки и вернулся назад, шумно распахивая ногами двери. На шум прибежал Армен, выяснив причину погрома, попытался шуткой разрядить ситуацию:

– Андрей, ну вот еще одна дверь, – он дергал ручку замка, проверяя, заперта она или нет. Если дверь не подавалась, восклицал: «Давай, круши!»

Пономарев тупо взирал на дверь, как бык на корриде на красный плащ тореадора, но уже не бухал в двери. Они с Арменом поднимались по этажам, за каждой запертой дверью Андрею чудилась Диана.

– Выбей еще эту дзверь, может здэсь твой Диана, ты же видиш, дорогой, что его ныгдэ нэт, – значит куда-то ушел... Пономарев, вняв, наконец, доводам Армена, оставил в покое двери и пошел к себе. На следующий день он вставлял замки в выбитые двери.

Казалось, снова все утряслось. Андрей, все так же продолжал пропадать воскресными днями в бане, чтобы хоть как-то скрасить свой досуг. Слухи о походах Пономарева в баню дошли до Дианы. С едва промелькнувшей ревностью во взгляде она заявила:

– Что, опять поманили старые пути-дороги? Ну-ну.

Неадекватные поступки Пономарева настораживали Нишанова, заставляя держаться обиняком. Родион стал замыкаться, досуг большей частью проводил в своей лагуче или спускался к подножию Бытхи опрокинуть в чебуречной одну-другую кружечку пива. Пономарев же, снова взнуздав свою «кобылицу», мчался опять, не ведая куда. Что Светлана, что Диана – ему уже было все едино... «Эх, цыганка, цыганка!»

X

В начале апреля произошел случай, который жестко поделил работников стройки на «тех» и «этих». Кто-то обокрал квартиру, в которой Родион с Андреем недавно выложили паркет. Войдя утром проверить, насколько просох лак, они обнаружили входную дверь незапертой и повсюду следы варварского погрома. Во многих местах паркет был выжжен, залит парафином от свечей, вещи хозяев квартиры похищены, даже люстры были вырваны из своих гнезд. Мало того, что полы нужно было восстанавливать заново, этот разбойный налет цинично вменялся в вину Родиону и Андрею. Считали, что только они могли это сделать. Андрей был возмущен, доказывая свою непричастность к краже, Гурген же стоял на своем:

– Вы виной всех бед, это ваши поделньики обчистили квартиру, а вы им пособничали, видать, в доле у этих сволочей, шакалы.

Андрей в ярости хотел удавить Гургена, и только Родион удержал его. Общая беда снова объединила друзей.

– Это они и их кенты устроили погром и кражу, пусть теперь рассчитываются из своей зарплаты. А потом пусть у... к такой-то матери, – ругаясь по-русски и по-армянски, не унимался Гурген.

Дживан сохранял, якобы, нейтралитет, но в глазах явно читалось желание склонить к признанию подозреваемых, мол, «сознайтесь ребята, ведь это ваших рук дело».

Разумеется, друзьям пришлось устранять все последствия набега, а вопрос компенсации ущерба от кражи пока висел в воздухе.

Через полторы недели поймали «пашанов», вновь пытавшихся проникнуть в квартиру. Состоялось судилище под председательством Гургена. Парни сознались в хищении,

но согласились вернуть лишь те вещи, которые не успели сбыть. При этом заявили, что в случае передачи дела в прокуратуру, армяне будут иметь дело с их «крышей», а это точно обернется войной...

– Оно вам надо, вы здесь все нелегалы, – дерзко огрызались воры.

Поджав хвосты, строительная верхушка замыла дело. Перед Пономаревым и Нишановым извиниться никто не соизволил.

Через несколько дней после разборки с кражей в комнату Налбадянов ввалился взвод автоматчиков во главе с офицером в форме федеральной милиции. Для всех строителей причина их появления осталась загадкой: то ли это была проверка нежилых объектов, то ли следствие все той же пресловутой кражи – офицер никому ничего объяснять не стал. Собрали всех строителей в столовой, для острастки произвели два одиночных выстрела из автомата в потолок, обдав собравшихся градом штукатурки и наполнив комнату специфической пороховой гарью. Затем всех кучей под автоматами повели в ближайшее отделение милиции для установления личности.

У большинства, в число которых попали Диана, Родион и Андрей, миграционных документов не оказалось, а одного паспорта было недостаточно для нахождения на территории России. Дживан каким-то образом отмазал свою братию, видимо, преподнес более веские «доводы». Такого ловкого заступника как Дживан, у нашей троицы не оказалось, поэтому с нами повели более жесткую беседу.

Первые вопросы посыпались градом на Диану:

– Одна, такая красивая и в такую даль?

– Я не одна, мы с мужем приехали на заработки.

– Ну и где же муж?

Диана кивнула в сторону Андрея. Дживан негромко хихикнул, сказав что-то через плечо на ухо Гургену, тот, скалясь, замотал головой. Майор вгляделся в паспорт Пономарева.

– Не понимаю. У него стоит штамп о регистрации брака, но там совершенно другая фамилия.

– Мы собирались после поездки узаконить отношения, – слукавила Диана, – а пока являемся гражданскими супругами...

Теперь Андрей скоился в сторону Дианы, тень иронии подернула его губы. Тем не менее, он заверил майора, что они именно так и намереваются поступить по возвращению в Ташкент.

– Е-е-е... твою! Такой чумазый и Родион. Комедия! – ослабившись, обласкал майор Нишанова, листая его паспорт.

– Ладно, – сложив паспорта стопкой, проговорил он. – Всем выправить документы, лично сам проверю исполнение. То же самое касается и дамы, она может быть свободна, а этих «коптегайских орлов» пропустить через «карусель», пусть на память оставят свои пальчики, кто знает, чего они могли натворить, и где могут всплыть их отпечатки. Все!

Пономарева и Нишанова повели внутрь правоохранительного учреждения. Когда с процедурой снятия отпечатков было покончено, их с миром отпустили. На выходе майор, вернув паспорта, со смехом пригрозил:

– Смотри, сам проверю!

– Что, Родя? Надо выходить на Дюмона. Пусть делает «ксиву». Майор – человек, возможно, добрый, но серьезный. Второй раз попадаться ему нам не резон. Закончим начатую хату и наворостим лыжи. Осточертело мне все здесь: и армянский контингент, и «гражданская жена», и Сано, и Ваню, и прочее, прочее говно. Все! Хочу домой к детям, к жене, – стенал Андрей, возвращаясь в свое бытхинское логово из милицейского опорного пункта.

– Посмотрим, может, все уладится. Я бы еще поработал, ты же знаешь, «там» ловить нечего. Хотя я не меньше твоего соскучился по сыну, маме, – отвечал Родион, подавший с настроению Пономарева.

Конфликтующие стороны, проглотив каждый ком непонимания, стали относиться друг к другу более терпимо. Лишь Гурген, скрывая свою неприязнь, сторонился Андрея и Родиона, а при вынужденной встрече молча кивал головой, нервно перекаывая желваками. Дживан же олицетворял само добродушие. Чаше забегал на объект, интересовался, все ли в порядке, не нужна ли какая помощь.

– Пока вроде нет, – пожимая плечами, отзывались подрядчики.

Вскоре помощь понадобилась. В один из его визитов Нишанов подвел его к участку полов, где начали стелить паркет. Размазанная по полу мастика сворачивалась.

Дживан вопросительно перевел взгляд на Родиона. Тот, присев на корточки, пошаркал ладонью стяжку. Ладонь, как наждачная шкурка, снимала песчаный слой. Дживан сразу все понял.

– В-а-а-х, джан! С такой стяжкой весь паркет слетит к чертовой матери!

– Вот и я о том же.

– Слушай, а сейчас что можно сделать, ара, а-а-а? Выручайте, – Дживан, хлопая ресницами, забегал глазами от Родиона к Андрею и наоборот. – Я дополнительно заплачу, сколько нужно. В июне хозяева квартиры приедут, выручайте, а-а-а? Что можно сделать?

– Выход есть – нужна многослойная фанера – скрепим со стяжкой и уже на нее уложим паркет, – хитро повел глазами Родион.

– Это не проблема. Идея, слушай, верная. Завтра-послезавтра я завезу фанеру. Спасибо! – Дживан в чувствах пожал обоим руки.

– Спасибо скажем друг другу опосля, – произнес Родион, когда дверь за прорабом закрылась. – Ты понял, Андрюха, какие лавы у него ходят? «Это не проблема». Надо залупить с него по полной как за новую стяжку, и пусть разматывается, капиталист хренов.

– Лули, на то ты и ведущий. Ну что, сушим весла, как я понял, работа приостановлена, будем ждать ответного хода заказчика. Я правильно мыслю, Родя?

– Как всегда! Что, прошвырнемся по городу?

– Забыл напутствие майора? Зачем лишний раз дразнить гусей? Сгоняем в офис к Дюмону, сделаем документы для собственного же спокойствия, пока выпало «окно», как?

– Заметано! Собираем инструменты и вперед!

XI

Пообедав на стройке, Пономарев и Нишанов отправились в сочинский офис Дмитрия Григорьевича Канарейкина.

– Что, мазурики, прохлаждаетесь средь трудовой недели? Никак забухали? Нет, вроде не пахнет... Ну ладно, опять какие-то проблемы? – спросил Дмитрий, усадив земляков за стол.

– Недавно произошла заварушка, – Андрей во всех деталях рассказал о милицейской операции на стройке и вытекающих последствиях.

– И пальчики принудили оставить в картотеке, пацлюки! – не удержался Родион, чтобы не присовокупить свою обиду.

– Короче, нужна регистрационная бумага, волковских-то «корочек» срок истек в прошлом году. Я, ладно, в городе проскакиваю, а этот...

– Все понял, братаны. Здесь недалеко есть фотостудия, шелкнем вас «пятиминуткой», я заберу фотки, паспорта и в ментуру.

Фотография много времени не заняла – Дмитрий забрал снимки и паспорта своих подопечных. На обратном пути как гостеприимный хозяин купил три свертка лаваша, приглашая друзей символически отметить встречу. Родион и Андрей, переглянувшись, понимающе поджали губы и замотали головами.

– Вот вам! – торжественно ставя на стол извлеченную из пластмассового ящика бутылку армянского коньяка, произнес Дмитрий, – как видите, осталось меньше полутора ящиков, остальное реализовано, так что, есть повод. Одну бутылочку можно оприходовать, – мурлыкал он, возясь с пробкой. – Немного с вами тяпну и поеду по вашим делам. Не знаю, к какому времени управлюсь.

Выпили, как водится «за все хорошее», вкусив по ломтику лаваша.

– Все, братцы, простите, я побежал, – сказал Дмитрий и затем продолжил в форме инструктажа: – Так, я вас закрываю на замок, чтобы никто не потревожил. Допивайте коньяк, доедайте лаваш и ждите меня, я, как освобожусь, приеду. В случае чего – сообщу по телефону. Сегодня вы мои узники. Ха-ха-ха... – раскатисто засмеялся Дмитрий.

Початая бутылка долго не сопротивлялась, и в скором времени за ненадобностью была отправлена под стол. Друзья закурили, Родион, покуривая, косил глаза на бутылки, торчащие из ящика.

– Ни-ни, Нишанов... даже и не думай, – перелистывая свою записную книжку и подтягивая телефонный аппарат, Пономарев упреждал возможные действия Родиона.

– Я хочу дозвониться в Ташкент, переговорить с дочерью, а там уж вмажем, все равно по какой причине.

Родион настороженно хмыкнул. Он принял это как сигнал к действию – извлек бутылочку, откупорил ее, разлил по рюмочкам, порезал остатки лаваша в виде канапе, подпер подбородок руками и терпеливо стал ждать.

Вызов прошел сразу, на другом конце провода трубку подняла дочь. Пономарев, как обычно, дежурными фразами справился о делах в доме. Дочь ответила, что все нормально, только в ее неубедительном голосе звучала такая горечь, что у Пономарева подкатился ком к горлу.

– Папа, я знаю, что ты был в Ташкенте... зашел бы. Или мы тебе стали совсем чужими?

Андрей молчал, горло сдавило, глаза увлажнились. Наконец, он прервал паузу:

– Доченька, не говори так, никогда так не говори... Ты же знаешь, роднее вас у меня никого нет. Просто я запутался, запутался окончательно, ваш беспутный отец в этих

бесконечных мытарствах, в блужданиях по дорогам, именуемым «жизнь», — Пономарев вновь на время прервался, чтобы успокоиться, затем продолжил: — Прости, родная, я очень виноват перед вами. Оставил вас, маму, может быть в самое трудное для вас время. Прости. Даю слово, я все исправлю! А, как там она? — робко выдавил он.

— А ты как думаешь? — раздалось в трубке. — Ведь она любит тебя и мучительно страдает, все еще на что-то надеется...

— Скажи ей, доченька, что я скоро приеду. Все брошу, все! У меня есть кое-какие деньжата. Мы снова заживем как прежде, скажи ей...

— Нет, папа, — прервав экзальтированные возгласы отца, возразила дочь. — Я ничего ей говорить не буду. Я не стану ее обнадеживать. Если все твои слова окажутся ложью, она этого просто не переживет. Разберись в своих чувствах, а как поймешь, кто тебе важнее — приедешь и все ей скажешь сам.

Пауза...

— Счастливо, папа...

— До встречи.... — Пономарев положил трубку.

Некоторое время он сидел задумавшись и непроизвольно постукивая пальцем по корпусу телефонного аппарата. Родион вывел его из задумчивости. Осторожно, чтобы не ранить витавшую бог знает где душу, спросил:

— Сам-то веришь тому, что наобещал?

Пономарев молча скосил глаза на друга, немного помолчав, помотал головой, отрешенно произнес:

— Не знаю...

— Трудно, конечно, поверить твоим обещаниям, но мысль свежая и разумная. Мой тебе совет, не сноти за банальность, — возвращайся в семью. Брось ты все к такой-то матери. Если бы меня так ждала Ядвига. Э-эх, Андрюха! А эта стерва, ох, как она вертит тобой!

— А-а-а! Н-наливай! — разразился Андрей.

— Так уже все наливо, тильки вас ожидаемо, — обрадовался Родион, услышав призыв друга, и потянулся рюмкой навстречу.

Бутылка, жертвенно уgomонила kloкочущие чувства друзей, обнажавших друг перед другом души. Третья, сама по себе появившаяся бутылка, не спрашивая чьего-либо позволения, хозяйничала на столе, щедро одаривая выпивох развеселым настроением, перенося все их проблемы в совсем другой, нереальный мир. Там, на дне стакана, зарождался другой, беззаботный вольный мир, увлекающий миражами иллюзий.

Только утром следующего дня посыпался шелчок отпираемой двери. Морша нос от перегара и сивушных паров, в помещение влетел Дмитрий. Не здороваясь, он наклонился над ящиками и, повернувшись к землякам, процедил:

— Ничего себе... шесть бутылок.... И вы еще живы? Ну и аппетиты, господа! Этот-то ладно, с ним все ясно, — Дмитрий небрежно махнул рукой в сторону Родиона. — А ты-то! Взрослый семейный мужик, интеллигент, художник. Как ты мог позволить учинить такой беспредел? — войдя в раж, отчитывал Канарейкин бражников, которые, будто школяры, сидели, потупив взоры. Глубоко вздохнув, Дмитрий более дружелюбно продолжил: — Бумаги я ваши сдал в милицию, к концу недели будут готовы удостоверения, а там сам лично заведу их к вам. — Сошурился и добавил: — А то ваши визиты мне слишком дорого обходятся. Сейчас, без обиды, ноги в руки и дуйте. Мне нужно здесь успеть навести марафет, придет дыбка со своими клиентами, не обесудьте.

Друзья nasкopo распрошались, унося в кармане куртки Родиона початую бутылку коньяка.

XII

От Андрея не ускользнула некоторая нервозность в настроении Дианы, и на то были свои причины. Ночь, которую Пономарев провел в офисе Канарейкина вместе с Нишановым без меры поглощая коньяк, она тоже провела не одна.

Диана время от времени заглядывала к Анне Ивановне, когда по хозяйственным делам дорога выпадала в сторону ее дома. Анна Ивановна всегда радушно принимала гостью, угощала чаем, сама же, с ее позволения, прикладывалась к рюмочке своей фирменной наливки. Вели разговоры о жите-бывте, больше уклоняясь в свою, бабью сторону.

Накануне той ночи Диана, управившись с делами, после обеда отправилась к Анне Ивановне. Как обычно, Диана за чаем, а Ивановна со своей неизменной рюмочкой, делились новостями. Казалось, все было как всегда, только в этот раз Анна Ивановна заметила особый блеск в глазах Дианы.

— Ну, говори, девка, что случилось? — простодушно и доверительно улыбнулась она ей.

— Да ничего, — не без лукавства во взоре Диана вскинула свои длинные ресницы. Она не знала с чего начать, как деликатнее обратиться со своей довольно фривольной просьбой.

— Да говори же ты, чего уж там, чай, не чужие, — поощряла к откровенности хозяйка,

возбужденная наливкой.

– Помните, я вам как-то говорила о прорабе-армянине на стройке?

– Помню, чего ж не помнить. Сама же всегда о нем разговор заводишь, какой он хороший да славный. Как его там величают, дай, вспомнить... На мебель похоже, Диван, что ль? Гостя расхохоталась.

– Да не диван, а Дживан...

– А кто их там разберет – Диван, Дживан – все одно дрова. Ба! – спохватилась Ивановна, прикрыв рот пальцами, видя, как Диана в лице меняется, тускнея взором. – Да ты никак, девонька, влюбилась в своего, как его там... А как же Андрейка, так и не заладилось? Ой, ты, Господи. Мужик-то какой, таких еще поискать надо. И чего бабам все нейдет, не понимаю, – хозяйка пригубила рюмочку.

– Да не могу я, Анна Ивановна. Он и так, и сяк, а я не могу. Опостылел он мне. Как он только ко мне в постель, я сразу его жену-корову представляю, которую он никак не забудет, и все желания разом пропадают. Это пытка. Не могу!

– А тот, что ж, святой? И женат никак?

– Женат, – вздохнула Диана, – и дети есть...

– Он-то тебя любит?

– Говорит, что любит, – снова, блестя глазами, откликнулась Диана. – Говорит, что закончит строительство, поедет в Армению, разведется с женой и будет обосновываться в Сочи. Здесь у них своя армянская диаспора. Сергей Тер-Акопян, ее председатель, крутой мужик. Обещал помочь, да и работы здесь уйма. Говорит, купит дом, оформит со мной отношения. В смысле, возьмет замуж, ну и Лолиту удочерит.

– Ой, прости, дура ты, девка. Прямо манна небесная посыпалась на тебя. За своей любовью ни хрена-то мы не видим. Спит она нам глаза, и тянемся мы за ней, как слепые котятка за блюдцем молока, не ведая, куда она приведет. Все они поначалу обещают золотые горы, а как улучат момент – сразу в кусты. Он ни в жизнь не оставит своей семьи. Что, значит, он своих родных детей бросит, а твою примет? Жди!

– Нет, он не такой, – не найдя аргументов для возражений, выдавила Диана.

– Андрей сейчас тоже в Сочи и работает здесь на стройке у Дживана вместе со своим ташкентским другом. Выполняют какие-то столярные или плотничьи работы, я в этом не разбираюсь, в общем, что-то мастерят.

Подойдя к сути своего визита, по-лисий лукаво, вкрадчиво Диана залепетала:

– С Андреем мы живем в одной квартире... – гостя как бы засмушалась, – но уже давно не спим. Украдкой встречаемся с Дживаном, разумеется, там уж и все остальное...

– Андрей знает о вашей связи с этим Дживаном? – перебив откровения Дианы вопрошала Анна Ивановна. По интонации чувствовалось, что она принимает сторону Пономарева.

– Ой, что вы, боже упаси! Я боюсь сказать ему об этом. Не за себя боюсь, боюсь за него. Он-то что, прямой, прет на пролом. Отмахался и успокоился. А эти, – Диана ограничилась местоимением, – сами знаете, или сразу прибьют, а не получится, так потом исподтишка все равно достанут. Вот и ломаю все время голову, где встретиться в следующий раз, чтобы перед Андреем не светиться. Однажды он выбил несколько дверей на стройке – меня искал, поэтому лишний раз подумаешь. Хочется по-человечески, – разоткровенничавшись, Диана вопросительно вскинула на хозяйку брови.

– Что, хата нужна? – рубанула Анна Ивановна.

– Мы заплатим, – просияла Диана.

– Ох, и скорая же ты, девка, как я погляжу, – с усмешкой в голосе покачала головой хозяйка. – Андрея только жалко... Ох, пробросайся ты, девонька. Могла бы преступить через себя, нас баб, Господь не зря терпением наделил.

«Вот ты и терпи своего Митяя, а у меня любовь взаимная», – мелькнуло в голове Дианы.

– Как бы не вышло потом, что «локоть близко, да не укусишь».

Вечером Диана подкатила к Дживану с предложением о романтической встрече.

– Дианочка! – стараясь подавить раздражение, отозвался он. – Очень романтично! Что-бы твой ревнивый Андрей снова носился по всей стройке? Мне, слушай, это уже порядком надоело. Да и не только мне. Гурген, знаешь, какой зуб на него точит...

Диана потупилась.

– Дай срок, чтобы он свялся с мыслью, что между нами все кончено. Ты же знаешь, только заикнись, какие начнутся разборки, дойдет до поножовщины, а оно тебе надо? И так стройка в поле зрения у милиции.

– Хорошо, что ты хотела? – смягчившись, спросил Дживан.

Диана подняла на него глаза цвета синего моря, полные любви и нежности, глаза красноречивее всех слов говорили о переполнявших ее чувствах.

– Я договорилась с одной давней приятельницей, она по приезду в Сочи сдавала нам комнату. Она разрешила снимать у нее комнату в любое время. Я договорилась на сегодня,

милый, всю ночь будем одни...

– А как ты утром отчитаешься перед своим Отелло?

– Ой, скажу, была у Риты. А ты придешь позже, тебя он ни о чем не спросит, мало ли какие у тебя дела. В восемь часов после ужина встретимся у магазина, подальше от глаз, хозяйку я уже предупредила.

Вручив Анне Ивановне коробку конфет и прихватив с собой бутылку шампанского с плиткой шоколада, любовники приняли из рук предусмотрительной хозяйки бокалы и уединились в комнате.

После уверений в вечной любви Диана, положив свою руку на грудь Дживана, потянулась губами к его щеке.

– Тебе хорошо? – спросила она шепотом. – Ты любишь меня?

– Да, конечно, – слегка скосив глаза в сторону Дианы, выдавил он. Сказать «люблю» у него не хватило смелости.

– А когда ты поедешь в Армению? Ты же обещал развестись с женой. На стройке, как я поняла, дела идут к завершению, некоторых своих ребят ты уже переводил на другие объекты. Мирон сказал, что на днях он съезжает с Самвелом и Ваню.

– Когда, когда? – возмущился Дживан. – Дома не все благополучно, за родителями нужен догляд – старые стали, кто о них позаботится? Давай все это отложим на некоторое время, не могу я сейчас заниматься устройством своей судьбы.

Диана демонстративно убрала руку с груди Дживана. В ее мозгу всплыли слова Анны Ивановны: «Да, пожалуй, она была права. Все равно я добьюсь своего, ты будешь только моим...»

XIII

На дворе разгуливал апрель, лаская первых отдыхающих весенним теплым солнышком. В необычной чаше лазурного моря отражалось небо, с проплывающими легкими облачками.

Родион и Андрей вновь стелили фанеру, готовя основу для паркета. Канарейкин, как обещал, привез регистрационные удостоверения, так что Родион мог безбоязненно выходить в город. На очередной воскресный призыв Пономарева похлопаться в банку он с удовольствием согласился.

Не торопясь, пешком дошли они до Ривьеры, прошлись по набережной, наслаждаясь целебным морским воздухом, прогулочным шагом добрались до баньки. Помывшись, друзья спустились в бар. Светлана их приветливо встретила. Родион вскоре ушел, ссылаясь на неотложные дела, а Пономарев, расположившись за столиком невдалеке от барной стойки, попивал пиво, закусывая кириешками и рыбными палочками. Светлана изредка подсаживалась к нему, и они непринужденно болтали.

Около восьми часов вечера Пономарев распрощался со Светланой и пешком отправился в свои чертоги.

Было уже темно, когда, одолев кручу, он выбрался на площадку возле дома напротив светящегося окна квартиры братьев Налбадянов. Решив подушуть, Андрей, взобрался на козоль и заглянул в окно. Армен сидел за столом спиной к окну, и пилился в телевизор. Дживан одетый сидел на своей кровати, у его ног примостилась Диана, обняв руками его бедра, положив голову на колени, преисполненная печали, она в чем-то его убеждала. Он же, застыв, как мумия, хранил молчание, снисходительно позволяя ей голубить себя. Пономарев отпрянул от окна и ринулся к двери. Ворвавшись в комнату, рванул Диану за плечи, Дживан прикрыл свою голову руками. Андрей, как пушинку, в мгновение ока втащил сожительницу за руку по лестнице на второй этаж и, отведя несколько оплеух, оставил ее наверху. Затем ринулся вниз, вбежал в комнату Налбадянов и с кулаками накинудся на Дживана. Несколько человек гирями повисли на его руках, не позволяя ему сделать ни малейшего движения. Вся армянская команда во главе с Самвелом заполнила жилище Налбадянов. Андрей неистовствовал, пытаясь пробиться к Дживану, но дюжина крепких рук сковала его тело.

– Успокойся, Андрей! Протрезвеешь, завтра поговорим, – пытался урезонить его Дживан, непонесенными губами, кривя рот в нервном иступлении.

– Хорошо! – выплеснув первые эмоции и понемногу приходя в себя, согласился Андрей. – Отпустите, что повисли? Завтра, так завтра... Только как мужики, с глазу на глаз, а не в кругу твоих борзых опричников.

«Оковы» ослабли, Андрей отправился к себе. Войдя в квартиру и не раздеваясь, лег на кушетку.

Проснувшись, он увидел Диану неподвижно сидящей на кровати. Падающий из окна свет высветил гематому на ее скуле и огромный синяк вокруг левого глаза.

– Зачем ты это сделала? – без тени раздражения и неприязни спокойно спросила она. –

Ведь я же тебе никто: не жена, не любовница, не сожительница. Какое ты имеешь право так зверски избивать меня, кто я тебе?

— Если бы ты раньше сказала о ваших отношениях, ничего подобного не произошло бы. Ведь я все это время надеялся, а ты лгала мне, ублажая Дживана, — мешая обвинения с оправданиями, не без эмоций заговорил Андрей.

Диана иронично скривила губы.

— Надеешься, а сам, не теряя времени, мотаешься по баням?

— С той девочкой из бани у меня чисто платонические отношения, мы встречаемся как приятели.

— Мне все равно, с кем и какие у тебя отношения, это твое личное дело. Я же буду поступать по своему усмотрению. Дай слово мужчины, что больше никогда не будешь распускать руки, иначе я сейчас же пойду в поликлинику и проведу медэкспертизу.

— За все свои действия я готов ответить, но вчера я действительно не мог совладать с собой. Прости, обещаю, раз ты человек посторонний — я не имею на тебя никаких прав.

— Значит, договорились: я вольна в своих действиях, а ты в своих. Видеться с дочерью я тебе не запрещаю, это твое право, а мне лично от тебя ничего не нужно...

Андрей отрешенно кивал головой. Его сознание тонULO в зияющей пустоте. рассудок туманился, почва уходила из-под ног, он кинулся к Диане, схватил ее за плечи и, как одержимый, повторял:

— Я же люблю тебя, люблю!

— А я тебя нет, — безучастно отозвалась она, скрывая косметикой следы побоев, и пошла на кухню готовить завтрак.

После ее ухода к Андрею поднялся Дживан, совершенно обескураживший Пономарева своим заявлением:

— Слушай, Андрей, ты напрасно нервничаешь, у меня с Дианой никаких других, кроме производственных, отношений нет. Она сама бегаёт за мной, не даёт прохода. Я ей говорю: «Андрей мой друг, как я могу себе позволить крутить шуры-муры с его женой, когда мы живём под одной крышей, едим один хлеб». Слушай, Андрей, ты скажи ей, пусть она оставит меня в покое, — Дживан наивно захопал ресницами. — Андрей, я ничего не могу себе позволить... У меня же в Армении жена, дети. А ты вчера, не разобравшись, налетел, стал все крушить. Ты был неправ, джан.

Пономарев, теперь вообще уже ничего не понимая, ословело глядел в пустоту, поражаясь, до какой степени они считают его идиотом.

XIV

Часть людей переходила на новый объект в районе «Красной поляны» возводить свиноферму. Видя неприкаянное положение Андрея, в приватной беседе Эдик предложил ему поработать вместе с ними на строительстве комплекса.

— Дживан и Гурген остаются здесь с частью рабочих, Сергей Тер-Акопян им подыскал другой объект в Сочи, — Эдик вопросительно взглянул на Пономарева, затем скромно добавил: — Свиноферму Дживан поручил мне, так что я там буду вдобавлялся о его терзаниях...

Пономарев улыбнулся, он прекрасно понимал добрые побуждения Эдика, пытающегося оградить его от лишних проблем. Поблагодарив его за предложение и сославшись на неопределённость своих планов, Андрей пока отказался. В голове еще витали идеи, зароненные Дмитрием Канарейкиным.

Внешне на стройке все обстояло спокойно, но чувствовалось какое-то внутреннее напряжение. Иногда оно выражалось в косых взглядах отдельных рабочих, в демонстративном игнорировании Гургеном Андрея и Родиона. Правда, им от этого не было ни холодно, ни жарко, Дживан, как ни в чем не бывало, курировал работу своих подопечных, восхищаясь отличной работой Родиона. Встречаясь взглядом с Андреем, глаз в сторону не отводил, считал себя непогрешимым. Диана, управившись по хозяйству, обычно домой не спешила, вечерами допоздна пропадала на посиделках. Вернувшись после трудового дня в их совместную обитель, Андрей еще долго слышал то тут, то там ее задорный смех, острыми пиками вонзавшийся в его кровотокающее сердце. Он же, нахлобучив маску безразличия, глубоко скрывал свою боль от окружающих, даже Родион не догадывался о его терзаниях.

Тридцатого апреля была уложена последняя паркетная доска. После первомайских праздников Нишанов и Пономарев намеревались отшлифовать и покрыть лаком полы, а там уж можно и рапортовать Дживану об окончании работы, получить причитающиеся денежки, а дальше думать, как распорядиться своей судьбой. К вечеру того дня на стройку пожаловал Дмитрий. Видя, что друзья плещут в потолок, предложил в предпраздничный день прошвырнуться по городу. Побродив по набережной, друзья нырнули под сень платанов уютного кафе с фонтаном и видом на море. Под ликерик и мясное ассорти повели беседу о ближайших планах. Дмитрий снова заговорил о рекламном агентстве.

– Пока поработаем под эгидой дядьки, а там отпочкуемся. Будет свой расчетный счет в банке, – глядя на Андрея, вдохновенно взывал Канарейкин. Нишанова по каким-то своим соображениям он в расчет не брал.

– Туфта все это, не выпустит он тебя из-под своей опеки, – ввернул все-таки свое мнение Родион. – Будешь до скончания века на него пахать.

Дмитрий отмахнулся от него как от назойливой мухи.

– Я не знаю, – отозвался Андрей, – дай мне сначала разобраться с самим собой.

– Понимаешь, время, время уходит! Я без твоего согласия ничего не могу предложить дядьке. Нужно составить бизнес-план, определить объемы, сделать необходимые расчеты...

– Давай так: после первого мая, максимум через неделю мы закончим работу у Дживана, получим расчет, а там уж и поговорим. Идет? – Пономарев протянул руку.

Дмитрий хлопнул в ответ.

Вскоре подвыпившие друзья решили отправиться в бар бани. Андрей представил Светлане Дмитрия и, заказав все, что льется и пьется, пригласил барменшу к столу. Вдруг в бар, как это у них принято, шумною толпою ввалилось человек семь с бытхинской стройки во главе с Гургеном.

Громко двигая стульями, армяне расселись за столы.

Получив свой заказ, строители стали оживленно обсуждать окончание работ на Бытхе. Гурген между тем нет-нет, да и бросал на Андрея свой ястребиный взгляд, особенно, когда Светлана подсаживалась к нему за столик и пожимала его руку.

Веселье набирало обороты. Каждая компания балдела сама по себе.

Разгоряченные крепкими напитками собравшиеся все чаще выкрикивали тосты, опорожняя рюмку за рюмкой. Вскоре кое-кто из горцев пустился в пляс. Родион, сославшись на невозможный вальс, распрощался с хозяйкой и друзьями и ушел.

Отделившись от толпы танцоров, к столу Пономарева ринулся Гурген, вытянув руку через стол, он пытался ухватить Андрея за нос. Увернувшись, Андрей пятерней оттолкнул его. Гурген влетел в гущу своих товарищей. Прекратив танцы и сдерживая боевые порывы Гургена, армяне спрашивали друг у друга, что произошло.

– Андрей, что случилось? – спрашивал Эдик не без эмоционального надрыва.

Тот недоуменно пожал плечами:

– Не знаю, с чего ваш красавец подлетел ко мне. Сорвался что ли?

– Замолчи, козел, убью! – трепыхался Гурген в объятиях соплеменников. – Выйдем на улицу, поговорим как мужчины, я тебе покажу, кто здесь хозяин.

– Идем, коза, – спокойно отозвался Андрей, встал из-за стола и направился к выходу.

Эдик и остальные армяне пытались уладить конфликт, но Гурген был непреклонен, цедя сквозь зубы мат.

«Вот это и есть то самое г...., по которому судят обо всей нации», – в голове Пономарева промелькнул недавно состоявшийся разговор на эту тему между ним и Родионом. Светлана с влажными глазами пыталась остановить Андрея.

– Мне все равно, пусть эта «коза» извинится, и инцидент будет исчерпан.

– Я никогда ни перед кем извиняться не буду! – шипел вконец ошалевший горец.

Пономарев, приподняв плечи, развел руками. На улице было темно, лишь дом напротив светился окнами, да пара тусклых фонарей освещала портал бани.

Не успел Пономарев спуститься с крыльца, как ощутил сильный удар в ухо, нанесенный сзади. Он мгновенно повернулся, схватил Гургена за занесенную для следующего удара руку, дернул на себя и уложил на спину у основания ступенек. Затем молниеносно оседлал его и с остервенением принялся молотить по физиономии. Опешившая толпа армян пыталась отодарить Андрея от жертвы. Сыпались тумачи. Из дома напротив слышались призывы прекратить драку, сыпались угрозы вызвать милицию.

К моменту, когда Пономарева оторвали от Гургена, послышался вой милицейской сирены. Все поспешили укрыться в баре и в мгновение ока расселись по своим местам. Разбитого Гургена усадили спиной ко входу, Светлана заняла место за стойкой. Театр демонстрировал покой и умиротворение. Сержант пристально оглядел притихшую публику.

– Что за бузу вы здесь устроили? Что не поделили? – глядя на попавшееся в поле зрения в кровоподтеках лицо Гургена, вопрошал он. – Что молчите, чурки?

– Слушай, начальник, мы ничего здэс нэ устраивали, мирно сидим, пьем вино, никаво не трогаем, а-а? – начал объяснения с сильным акцентом один из горцев. – Просто Гурген пошел в туалет и упал. Ми его ввели на улицу, чтобы подишал, вот и все, начальник.

– Так, всех кавказцев в кутузку, – отдал приказ сержант своим подчиненным. – Там разберемся...

Армяне организованно и безропотно последовали к выходу. Даже ретивый Гурген не издал ни звука. Андрей с Дмитрием остались за столом. Сержант еще раз окинул помещение, кивнул головой хозяйке, пожелал компании приятного времяпровождения и удалился.

– Ой, слава Богу, все обошлось, – воскликнула Светлана.

– Да... пронесло.

– Не знаю надого ли, – заметил Пономарев, разглядывая свой истерзанный свитер. – Попрусь домой как бомжара, надо тачку ловить.

Светлана обняла его голову.

– Бедненький, а как же ты сейчас явишься в их логово?

– Может, останешься у меня в офисе? – отозвался Дмитрий. – Неизвестно, как они тебя там встретят. А ты молодец, настоящий мужик.

– Во! Поэтому ты сейчас проводишь Светлану, а я отправлюсь к себе, чтобы некоторые не думали, что запугали гвардии рядового Андрея Пономарева! Ежели что, завтра заглянешь проведать, лады?

Стройка стояла на ушах, как развороченный муравейник, когда появился Пономарев, братья Налбадяны кинулись к нему с вопросами.

– Спроси своего Гургена и тех, кто был с ним в бане.

– Их забрали в милицию. Говорят, очень сильно избил. Эдик позвонил мне по телефону, я отправил за ними человека в вытрезвитель, скоро должны быть. Слушай, толком не могу разобраться, что произошло. Зачем ты вызвал милицию?

– Никакой милиции я не вызывал, а на вопрос, что произошло, лучше всего ответит тебе Гурген, он зачинщик драки, больше мне сказать нечего.

Андрей поднялся к себе, Диана была дома. Она уже в общих чертах знала о конфликте в бане и попросила Пономарева рассказать, как все было. Андрей рассказал без утайки.

– Дживан сказал, что Гурген сильно избит, он поклялся тебя убить.

– Поглядим, кто кого...

Диана сходила на кухню, принесла большой кухонный нож, спрятав его под кофтой. На глазах Андрея извлекла его и положила под одеяло на свою постель.

Пономарев не успел ни о чем спросить. На лестнице послышался гул голосов и громкий топот. В мгновение ока кухонька, где ютились Андрей с Дианой, наполнилась возбужденными людьми. Те, кто не влезли, толпились в коридоре. Дживан пытался призвать к спокойствию, чтобы разобраться в сложившейся ситуации.

Гурген не унимался:

– Нас из-за них забрали, а этот «козел» вызвал ментов и... – Гурген не успел договорить. Андрей хлестким прямым ударом в челюсть заткнул его.

– Это тебе за «козла»!

Гургена снова начали успокаивать, шум немного утих.

– Андрей, успокойся, оставь Гургена, не обращай внимания на его слова, ему и так сегодня досталось, – прорвался голос Дживана. – Кто вызвал милицию?

– Когда на улице началась драка, многие видели это из соседнего дома, возможно, кто-то и позвонил в милицию. Я точно знаю, что с нашей стороны такой подяны никто сделать не мог, тем более в баре нет телефона.

– А кто первым начал скандал и из-за чего?

– Дживан, я сам ни черта не понял. Мы сидели с барменшей за столом, спокойно беседовали, потом она пошла обслужить кого-то из ваших. Вдруг твой, – Пономарев на мгновение замялся, выбирая синоним для оппонента, – джигит ни с того, ни с сего кинулся ко мне. Я понял, что не с намерением облобызать меня, ну и оттолкнул его. Вот и все.

– Убью, сволочь! Ночью зарежу! – снова прорвался Гурген.

Дживан распорядился, чтобы его увели.

Слова Андрея убедили народ. Эдик подтвердил, что так оно и было. Все разошлись.

Диана хранила молчание все время разборок, но чувствовалось, что внутренне она была как натянутая струна. Когда все ушли, она, не снимая верхней одежды и ошупав под одеялом нож, легла на застеленную постель. Старавшегося внешне быть спокойным Пономарева била внутренняя нервная дрожь. Заснуть он не мог, в голове – адская свистопляска. Он закрыл входную дверь на ключ и поднялся к Нишанову.

– Кто? – раздался из-за двери голос Родиона.

– Я, Андрей.

– Пошел ты, скотина...

– Не понял, а ну открой дверь.

Нишанов язгнул крючком, на половину приоткрыл дверь, зависнув в проеме.

– Все проблемы, все конфликты между армянами происходят из-за тебя и твоей бабы, которая вертит хвостом направо и налево...

– Заткнись, ты не знаешь, что в бане заварушка произошла не по моей вине. Дай войти.

– Мне уже все равно. Завтра выбиваю расчет у Дживана и сваливаю отсюда. Мне не улыбается перспектива быть прирезанным, как баран.

– Трусишь? – Андрей дернул за ручку.

Родион, придерживая дверь, пнул Пономарева ногой в бедро.

Дверь захлопнулась. Пономарев, посылая многоэтажную брань в адрес Нишанова, отправился к себе. «Нашел, называется, сочувствие...»

XV

В этот праздничный день Гурген первым пришел «поздравить» Андрея. Приоткрыв входную дверь, сверкая глазами из-под синяков и подтеков, бросил:

– Ты еще живой? Сматывайся, не то убью!

– Испугал, – отозвался Пономарев. – Я обычно сам принимаю решение как мне поступать.

– Ну, я предупредил, – с этими словами Гурген ушел.

Настроение Андрея было бодрое, неизвестно, что сулил начинающийся день, но он вступал в него полный оптимизма. Осмотревшись и не обнаружив Дианы, Андрей решил заскочить к Родиону. Он на него зла не держал: «Ну не разобрались, сейчас все объясню».

Входная дверь в комнату Нишанова была распахнута настежь, позвякивая железками, он разбирал разложенный на полу инструмент, укладывая его в чемоданчик. Широко улыбаясь, Пономарев провозгласил с порога:

– С днем Международной солидарности трудящихся всех стран! Бог в помощь! Что ты там, как мышь, скребешься?

Родион поднял на него глаза, в них не было и следа злобы. Он примирительно, но с упреком бросил:

– Ты что вчера размахался?

– А ты? Я к нему за утешением, а он...

Пономарев рассказал Родиону обо всем, что произошло в бане после его ухода.

– Опять, выходит, что ты ни в чем не виноват...

– Как видишь.

В знак примирения друзья пожали друг другу руки.

– Теперь послушай меня. Я с утра встречался с Дживаном, сказал, что собираюсь ехать домой, здесь оставаться небезопасно, попросил рассчитать меня. Он считает решение верным, деньги за сделанное отдаст, завершат работу его парни, и он просил передать тебе, что будет лучше, если ты заберешь свою мадам и тоже свалишь.

– Но они подумают, что я испугался. На пакость, куда не поеду, останусь здесь.

– Смотри сам, я тебе передал, что просили, а там – дело твое. Смотри, – Родион скривился в усмешке, – как бы не остаться тут насовсем. Подумай сам, что ты здесь будешь делать... – продолжал Родион. – Не дадут тебе здесь работать, и это в лучшем случае.

– Меня Эдик приглашал строить свинарник.

– У тебя нет на то ни навыков, ни инструментов. Оставь, это все не твое. Ведь ты художник! Поезжай в Ташкент, там наверняка найдешь свое дело, а может, и семью обретишь...

В голове Андрея мелькнуло: «А ведь он прав!» Пономарев подошел к Родиону и сильно стиснул его руку.

– Ты, пожалуй, прав, старик! Все к чертям! Едем!

– Я уже почти собрался, – просиял Родион довольный, что друг вянул его словам. – Идем к Дживану, скажешь, что ты тоже едешь, пусть готовит расчет на двоих.

Настроение Дживана не было радужным, его лицо было явно взволнованным. Андрей сообщил о принятом решении, Налбадян несколько раз машинально кивнул головой, полез во внутренний карман куртки и достал деньги. «Уже все было приготовлено», – смекнул Пономарев.

– Да, – как бы немного конфузясь, обратился Дживан к Андрею. – Скажи, пожалуйста, Диане, пусть тоже уезжает, меня она не слушает.

Пономарев недоуменно взглянул на прораба, ничего не ответил и отправился с Родионом собирать свои пожитки. Диана была в комнате, Андрей сообщил ей просьбу Дживана.

– Я с тобой куда не поеду.

– Езжай без меня, я не в претензии. Я тебе просто передал его слова, – пожал плечами Пономарев, стараясь выглядеть безразличным.

Диана куда-то умчалась.

– Ну, началась свистопляска, – махнул рукой Родион.

Нишанов усердно помогал другу собирать вещи. Добравшись до макета центральной установки, он вопросительно взглянул на Андрея.

Родион занес ногу над композицией и с силой опустил ее. Прodelав так несколько раз, он превратил макет в лепешку из пластилина с вдавненным в нее проволочным каркасом.

– Вот и конец нашей сочинской эпопеи...

Вскоре в комнату вбежал Эдик. Крайне возбужденный, он захлебывался словами:

– Андрей, там Диана! Дживан...

– Что случилось? – в один голос отозвались друзья.

– Там... идемте вниз на кухню, там Диана...

Андрей с Родионом метнулись вниз. Вбежав в кухню, они увидели стоящую посреди комнаты Диану с лицом бледным, как полотно. Дживан, стоя на коленях, бинтовал ей левую руку. Пол был забрызган кровью. «Еще одна несчастная любовь, работа на публику», – заключил Андрей, увидев происходящее. Дживан, врачюя свою повариху, выкрикивал:

– Заберите эту истеричку! Она меня уже достала, – закончив с повязкой, взял ее за плечо и гаркнул: – Собирай свои вещи, видеть тебя не могу.

Как самые сострадательные люди Андрей и Родион помогли подняться Диане до квартиры. Она, как зомби, машинально стала собирать вещи.

– Что, готовы? – догадался Дживан. – Выносите вещи, я скажу Самвелу и Эдику, чтоб вас проводили.

– Эскорт, чтобы никуда не пропали, прямо до поезда, – заметил Андрей поднимавшемуся с ним вместе по лестнице Родиону. – Ох, и хитрый этот прораб...

Диана всучила Андрею баул с непроданными шмотками – свидетельство прогоревшего бизнеса – и попросила доставить маме. Затем безапелляционно заявила:

– Я остаюсь здесь.

На улице, пока Самвел с Эдиком ловили такси, Диана очень эмоционально объяснялась с Дживаном, разясняя причины, по каким она остается в Сочи. Видать, убедив, подошла к отъезжающим.

– Я тоже провожу вас.

Пономарев хотел связать по поводу столь обострившегося внимания к ним, но передумал: «Пусть идет, как идет, я с женщинами не воюю, тем паче с бывшей любовью».

...Когда поезд тронулся, на перроне, в хвосте состава, три фигуры – две мужских и одна женская – убедившись, что поезд ушел, развернулись и пошли к зданию вокзала. Кто-то добросовестно выполнил свою миссию...

– Вот и закончилась, Андрюха, наша черноморская житуха!

Пономарев, не разделяя чувств друга, молча, задумчиво взирал в окно. Внизу, совсем недалеко от железнодорожного полотна, на прибрежную гальку нескончаемой чередой ласково накатывались волны. Сердце шемило, тоска охватила душу. Волны, прощаясь, шурша поглощали что-то родное, что оставалось в них навсегда.

– Послушай, старик, брось сокрушаться. Судьба сама помогла сделать выбор. Я все больше убеждаюсь в существовании каких-то высших сил. Думаю, не зря мы были заброшены сюда. Полагаю, чтобы дать человеку возможность разобраться в себе, осознать, где ложное, а где настоящее, Господь, видать, и пропускает нас через всякого рода Чистилища...

Женская глупость забавна, мужская же – невыносима...

Как же Мы можем не любить, если сами – плод от плода Божественной Любви?!

При беспечной молодости хлопот не оберешься в старости...

Некрасивых женщин не бывает, отсюда и все проблемы у мужчин...

Не тот счастлив, кто безгрешен, а тот, кто будучи грешным, сумел обрести его!

Основной род занятий: умею грамотно радоваться Жизни!

проза

АТОЛЛ

Рассказ

Есть среди множества полинезийских островов маленький островок Рароаи. Это атолл с пальмами на песчаном берегу и прозрачной лагуной. В тихую погоду пальмы отражаются в воде, а в шторм океанские волны вздымаются до небес, захлестывают атолл, будоражат лагуну. На Рароаи я прожил четыре года.

Мои предки были моряками и построили свой дом на берегу моря. В саду лежал якорь, а из окон библиотеки виднелось море, незаметно переходившее в небо. В шкафах хранились навигационные приборы, старинные книги и лоции. Я изучал карты, и они оживали – бушевал океан и кричали чайки. Я листал отливавшие ржавым металлом страницы – с них срывался свежий ветер и соленые брызги летели в лицо. Я трогал секстанты и подозрные трубы – и далекие страны становились ближе.

В двенадцать лет я сбежал из дома, намереваясь стать юнгой и уйти в дальнее плавание. Полисмены, улыбаясь, вернули меня родителям; отец, помню, ничего не сказал, но помог заняться более серьезными делами. Ровно через десять лет после неудачного бегства я закончил университет, получив техническое образование. У меня оставалось несколько свободных месяцев и хотелось распорядиться ими наилучшим образом.

Я пересек континент и в дальнем углу окландского порта нашел «Мариту». На борту стоял мужчина и смотрел на причал.

– Куда вы плывете? – спросил я.

Он мельком глянул на меня и нехотя ответил:

– В Южные Моря.

– Возьмите меня.

Человек отвернулся. Я не уходил.

– Что ты умеешь делать? – спросил он наконец.

– Все, что прикажете.

– Сэр, – добавил он.

– Все, что прикажете, сэр.

Он кивнул головой в сторону трапа. Я поднялся на палубу.

– Я Райс Гарднер. «Марита» – мое судно. Возьму в рейс на три месяца. Десять долларов в день. Расчет по возвращении. После завтра в пять выходим. Сейчас – свободен.

Рано утром, кажется, в четверг «Марита» вышла в открытое море. Вскоре берег материка исчез в туманной дымке, передо мной лежал Великий Океан, с пригоршнями рассыпанных тропических островов.

Начались однообразные дни. Бесконечный океан сиял солнцем, разбитым в волнах, пронеслись внезапные шквалы, белое облачко на небосклоне предвещало шторм, за чертой горизонта таились неведомые земли. И замкнутое тесное пространство суденышка – жалкого клочка, оторванного от суши – жестокие конфликты, что возникают сами собой, тоска по твердой земле и нескончаемая работа.

Я без конца скреб, драил, чистил «Мариту» и к вечеру без сил валялся на койку. Когда выпадал свободный час, я склонялся за фальшборт и подолгу смотрел на пенящуюся воду, соленые

Игорь ЭРНСТ

Родился в 1946 г. в Шахрисабзе. Инженер-электромеханик. Работает в Ташкентском государственном техническом университете, поэт, прозаик, неоднократно публиковался в периодической печати Узбекистана.

брызги летели в лицо. Но тут Гарднер окликал меня и с усмешкой давал новое поручение.

Я еще слишком мало разбирался в людях, чтобы понять характер Гарднера, но чувствовал, что он высокомерен, жесток и скрытен. Интерес ко мне он не проявлял. В приключенческих романах часто описываются люди подобного рода. Без дома, без семьи они скитаются по белому свету, повсюду одинаково чужие. Команду он подобрал себе такую же. На судне происходили яростные стычки, но что-то объединяло этих людей.

«Марита», красивая и неухоженная яхта, когда-то принадлежала богатым владельцам, затем оказалась у Гарднера. Он промышлял мелкими фрахтами и не брезговал сомнительными операциями.

Однажды ночью я проснулся от шума. «Марита» покачивалась на длинной волне.

На палубе слышался топот ног, раздавались резкие возгласы, шелкнул выстрел. Я выбил запертую дверь и выскочил на палубу.

За кормой исчезала тень какого-то судна, Гарднер, освещенный прожектором, стоял возле рубки и ругался, на палубе лежало чье-то тело, вокруг него растекалась кровь. Я собрался крикнуть, но сзади ударили по голове, и я потерял сознание.

Очнувшись от боли и яркого света. В глаза било солнце.

– Развяжите его, – раздался резкий голос Гарднера.

Шатаюсь, я поднимаюсь. Саднило в затылке, руки и ноги ныли от веревок.

– Ну что, Джейк, – сказал Гарднер, – ты, кажется, очень любишь чужие дела? Некрасиво. У тебя есть возможность исправиться. Полгода хватит? Вот здесь. Прекрасное место, сэр! – он ткнул рукой за борт.

Метрах в трехстах от «Мариты» виднелась земля. Ветер клонил пальмы и волны неторопливо набежали на песок.

– Послушайте, Гарднер, вы этого не сделаете.

Он презрительно усмехнулся.

– Вы не посмеете...

– Посмею, выбросим за борт, вот сюда, – Гарднер плюнул в море.

– Все решено, Джейк, не сопротивляйся, – вступился Джайлс, один из матросов.

Спустили шлюпку, положили туда несколько ящиков. «В расчет», – буркнул Гарднер, – усадили меня, и Джайлс с Марком налегли на весла.

На прощанье Джайлс сказал:

– Это Рароаи. Потерпи, Джейк.

Я стоял на берегу и смотрел вслед суденышку до тех пор, пока оно не растворилось в блеске волн. Скажу сразу, что «Марита» не вернулась за мной через полгода, как обещал Гарднер. Никогда больше я не видел ни его, ни «Мариту».

Я остался один на этом островке...

Рароаи я обошел в тот же день.

Атолл был обыкновенным. Узкая полоска песка, почти полностью охватывающая неглубокую лагуну, окруженная внешними рифами, несла на себе несколько десятков пальм. Остров оказался девственным, жил своей спокойной жизнью. Кораллы строили свои жилища – волны разрушали их, намывая берег; океанские течения приносили семена растений – они прорастали, покрывая остров зеленью. Атолл действительно был прекрасным местом, было все необходимое для жизни людей, но они не селились здесь – Рароаи был слишком мал и отдален от архипелага.

Вначале, переживая случившееся на «Марите», я не осознавал до конца нелепости и трагизма ситуации, в которой очутился. Однако вскоре многое начал понимать.

Днем было проще – я бродил по атоллу, смотрел вдаль, надеясь увидеть корабль. Солнечный свет отделял сушу от океана, ясно очерчивая границу моего существования. Ночью же эта граница исчезала, островок сужался до горсти песка, на котором я лежал боясь шевельнуться, чтобы не коснуться воды. Океан, скрытый во тьме, приближался вплотную, душил запахом соли, смешанным с каким-то другим, терпким и незнакомым. Мне становилось страшно. В гуле волн, размеренно набегающих на атолл, слышался ритм чудовищного механизма, безостановочно совершающего титаническую и непостижимую работу. Самих волн, вспухавших на мелководье, я не видел, лишь белые гребни рассыпались по рифам светящимися кружевами.

Ритм прибоя, бьющегося об атолл, пугал и завораживал. Хотелось бежать, прибиться к какому-нибудь живому существу и разделить с ним свой страх или остаться на месте и быть проглоченным волнами.

Как я был одинок в целом мире! Только море, звезды и ветер в темноте.

Я был совершенно одинок на проклятом острове. Я мог зарыться в песок с головой,

мог забраться на самую высокую пальму, мог добрести до рифа, где начинался открытый океан, – мог сделать все, но только не избавиться от одиночества.

Я катался по земле и проклинал все на свете: Гарднера и «Мариту», свои детские мечты, самого себя, наивного искателя приключений. Я тосковал по человеческому обществу, с горечью вспоминал суету городов и стремительность утраченного мной мира.

Я нуждался в движении, но на Рароаи царили мир и покой, ненарушаемые ничем. Поднималось и заходило солнце, голубело небо, шумел ветер в кронах пальм. По раз и навсегда заведенному порядку шли на атолл океанские волны. Время остановилось.

Такие же волны где-то далеко-далеко качали «Мариту».

Я размышлял о причинах, заставивших Гарднера так поступить со мной. Неважная репутация моего будущего капитана была известна из разговоров в портовых барах, но меня не остановило это. Я не понимал, что окажусь в другом измерении, среди людей, которые думают и поступают по-другому, я не представлял, что мои поступки, абсолютно правильные, будут истолковываться превратно. На свою беду я стал свидетелем происшествия для экипажа «Мариты» настолько серьезного, что держать меня на борту судна Гарднер не решился.

Они не посвящали меня в свои дела. Я пришел на «Мариту» за час до отплытия, на Гаваях во время стоянки находился на берегу и не знал, что творится на яхте, и той ночью меня заперли в кубрике неспроста. Что случилось тогда – я мог только догадываться. Видимо, Гарднер встретился со своим партнером, между ними возникла ссора, кто-то был ранен или даже убит. Своим появлением на палубе я помешал им, и Гарднер расправился со мной, высадив на Рароаи.

Он рассчитал верно. Через шесть месяцев я попрошусь на «Мариту», обещая, что буду молчать и не помчусь в полицию в первом же порту. Я соглашусь на любые условия, лишь бы вернуться домой. А полгода срок небольшой, я буду ждать, не сойду с ума и не потеряю человеческий облик.

С другой стороны, доказывая себе, Гарднер погорячился. Когда он успокоится, то придет к выводу, что мальчишка Джейк ему не опасен. В полиции меня высмеют, экипаж «Мариты» недоуменно пожмет плечами, Гарднер покрутит пальцем у виска. Значит, если не сегодня, так завтра, «Марита» покажется на горизонте.

«Но Гарднер с половины пути поворачивать назад не будет, и мне надо настраиваться на назначенный срок», – с трудом признавал я.

Я считал дни до возвращения «Мариты», сбился, но был твердо уверен, что за мной обязательно вернутся, месяцем раньше или днем позже.

Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, я занялся благоустройством Рароаи: в самом широком месте атолла сплел хижину из пальмовых листьев, рядом выкопал яму, в которой держал продукты, что оставил Гарднер. Там было два ящика с консервами, спички, несколько бутылок спиртного, пачка старых газет. Впридачу я получил простенький набор инструментов и рыболовных снастей.

Я собирал кокосовые орехи, в лагуне ловил рыбу, собирал дождевую воду, изредка открывал банку консервов и прикладывался к виски. Обувь надевал лишь тогда, когда хотел войти в воду – дно лагуны было покрыто кораллами, их острые ростки ранили ноги.

Вскоре я знал на острове каждое дерево, каждый изгиб берега. У меня появились любимые местечки, где я особенно охотно проводил долгие дни. На мелководье сделал нечто похожее на заправку и устраивал себе купания.

Как-то я вышел на внешнюю полосу рифов, окружавших атолл и оказался перед лицом Великого Океана.

Не дав мне подготовиться, он набросился на меня своими размерами, навалился своим дыханием, кружа голову и тесня грудь. Как замороженный смотрел я на эту пучину, и мне захотелось броситься в нее, раствориться, исчезнуть, охватить разом неизмеримое пространство океана и времени. Они звали и манили меня, обещая вечную свободу и бессмертие. Я уже готов был перешагнуть через последний риф и ринуться в распростертые объятия, но что-то остановило меня.

Трясущимися руками я закрыл глаза и повернулся к Рароаи.

Ночь прошла мучительно. Я вздрагивал от шума прибой, мне мерещилось, что бреду на рифы, кидаюсь в океан и превращаюсь в белую пену.

Я долго остерегался выходить на рифы: пережитое там не прошло бесследно. Я вдруг понял, что окружающее, еще вчера казавшееся продолжением прочитанного в детстве, существовало на самом деле, независимо от меня и безотносительно ко мне.

Впервые в жизни я ощутил свое ничтожество перед мощью природы, которая управляла моим существом и подчиняла его своим законам, диктовала мне чувства и желания.

Все события ничтожного человеческого мира стали мелкими и бесцветными. Я о них и не вспоминал. Новая сила – притяжение океана – овладела мной и звала на рифы.

И я снова стоял на кромке океана, на последней черте. Соленые брызги летели на меня, ветер трепал нестриженные волосы.

Надо сделать один шаг, волны подхватят и унесут меня, или разобьют о рифы.

Я видел атолл как бы со стороны – блестящее колечко среди волн – и себя, протягивающего руки навстречу вечной тайне морского пространства. Я – песчинка на берегу слепящего океана, оторвавшаяся и готовая возвратиться к нему. Вереница моих предков, упрощаясь, уходила в прошлые тысячелетия к первоначальному хаосу, когда пустые волны бились о холодные скалы. Цепочка превращений от простой воды до сложного организма на мне заканчивалась, я был промежуточным звеном, и цепочка исчезала в бесконечном будущем. Я умру – океан и атолл останутся, они вечны, как вечны ветер и звезды.

Здесь, на рифе, неясным образом я соприкасался с чем-то, неопределяемым словами, и страх перед океаном проходил. Шагнув в волны, растекшие морской пеной, я сам превращался в океан, обретал способность преодолеть любое расстояние, способность коснуться любого берега за горизонтом. Я обретал свободу, избавлялся от одиночества, надо лишь выйти, сделать шаг, один-единственный.

Но за мной лежал остров, моя опора.

Противоречие между двумя стихиями разрывало меня; я принадлежал им обеим, одинаково враждебным и одинаково животворным, и через меня проходила нить, связывающая сушу и море.

«Марита» не появлялась, но я не особенно ждал ее, смутно догадываясь, что еще не все узнал на острове.

Потом был шторм...

Океан набросился на Рароаи, сотрясая атолл до основания. Огромные волны захлестывали островок и носились по лагуне.

Дрожа, я спрятался в хижине.

К ночи шторм усилился. Тучи спустились к самой воде и перемешались с волнами; море и небо слились и забились в любовном экстазе, выплескивая друг на друга скопившуюся бешеную энергию. Быть может, в эту минуту где-то рождались новые острова.

Сильный порыв ветра сорвал кровлю с моего дома и унес ее в темноту. Я упал на мокрый песок и схватился за ствол пальмы, ветер старался отодрать меня.

Деревья не выдерживали напора стихии и ломались. Переломилась и пальма, за которую я держался. Ветер, торжествуя, завыв еще громче, треск падающих стволов нарастал, и тут я услышал голос, тихий и протяжный, как стон:

– Джейк, Джейк, помоги!

В грохоте, в тусклом сиянии пены волн, во мраке, прорезываемом молниями, теряя силы, я слышал голос и терял рассудок.

Вопли ветра, рев океана и новый непонятный звук – все сливалось в один яростный крик умирающего мучительной смертью или корчившегося в родовых схватках животного. Я не выдержал, вскочил на ноги, раскинул руки и закричал. Я страстно желал сойти с ума, чтобы избавиться от кошмаров бури, победить свой страх и бессилие. Ветер ворвался в легкие, подхватил мое тело и швырнул на землю.

...Я очнулся полусыпанный песком.

Истерзанный остров приходил в себя после шторма. Привычного шума прибора не было, все замерло. В мутной воде лагуны плавали листья и кокосовые орехи, уцелевшие пальмы застыли в неподвижности.

Я с трудом добрался до своего жилища, расковырял песок, достал бутылку и сделал основательный глоток.

Откинувшись на обломок ствола, я бессмысленно глядел на океан. Он был как стекло – ровный, бесстрастный.

Легкий порыв ветра пронесся над атоллом, и я услышал голос, что звучал прошлой ночью: – Джейк, Джейк, помоги!

Кроме меня на острове никого не было и не могло быть, я знал это совершенно точно и тем не менее... Может, я опьянел от нескольких глотков спиртного, может, ужасный шторм еще не изгладился из памяти, но голос, не умолкая, звучал тихо, но явственно, как вздох.

Я обошел Рароаи, пересек лагуну, вышел на рифы, заткнул уши, наконец, но голос звучал и звал на помощь.

Я не знал, что предпринять и растерянно смотрел вдаль. Море было неподвижно, небо безоблачно, природа замерла, лишь пальмы шелестели листьями, и звучал голос.

Он слабел, потом исчез.

Под вечер я снова обошел остров. Из сорока девяти плодоносящих пальм одиннадцать были вырваны с корнем. У семнадцати поломались стволы – всего пострадало двадцать восемь деревьев. Второй такой шторм опустошит Рароаи окончательно.

Последующие дни я, как мог, приводил островок в порядок. С берегов собрал гниющую рыбу, выброшенную волнами, отнес ее за риф, разбившиеся орехи закопал в песок.

Решив спасти пальмы, стволы которых переломались неполностью, я наложил лубки на места переломов и замотал листьями, потом периодически смачивал лубки пресной водой. Несмотря на частые дожди, когда можно было собирать пресную воду, ее не хватало – и я ограничивал себя в питье.

Безвозвратно погибшие пальмы я пустил в дело – обрубил кроны и из стволов соорудил чуть более крепкое убежище вместо прежней легкой хижины, а остатки пальм просушил и по вечерам разводил костры, наблюдая причудливую игру огня. Иногда я как бы поглядывал на ночной островок со стороны и видел вырезанный в ночи дрожащий конус света, свою фигурку, качающиеся тени пальмовых листьев...

Костер угасал, по углям, погасая, перебегали искры... исчезала последняя... и я ложился спать.

Уже много месяцев я был один-одинешенек. Что-то менялось во мне. Я замечал, что сливается с островом воедино. Первозданная тишина перестала возмущать слух и не наводила страха, океан не пугал своей бескрайностью, а атолл теснотой. Шемящее чувство одиночества несколько притупилось.

Я свялся со своим положением и даже находил в нем некую прелесть. Забот о пропитании не было, я плескался в лагуне или валялся в тени деревьев. Порой я жалел, что у меня нет бумаги и карандаша, чтобы записывать странные мысли, приходившие в голову.

По-прежнему я высматривал в море корабль, но втайне уже опасался, что «Марита» вернется, и мне придется покинуть Рароаи.

Дни моей жизни на атолле шли унылой чередой; во мне же происходила какая-то подспудная работа. Я сознавал, что постепенно становлюсь другим человеком, новым, непривычным для себя.

Я не скучал – со мной были мои мысли, неясные и незаконченные, как и все вокруг меня. Они жили во мне и отдельно от меня, кружась по острову и над синим океаном, словно живые, но неосязаемые существа.

Прошло время – я снял с деревьев лубки. Пальмы срослись, роняя спелые орехи и качаясь под ветром, как ни в чем не бывало.

Одежда моя изнасилась. Гарднер не оставил ружья, Провидение не населило остров козами, а морские течения никак не прибывали к берегу покинутое людьми, полузатопленное судно, наполненное разнообразным платьем и всяческим добром, необходимым любому островитянину. Мне пришлось ходить нагишом. Стеснялось было некого, но мне казалось, что тысячи глаз смотрят на мое обнаженное тело. Я испытывал неловкость и инстинктивно прикрывался рукой при каждом резком звуке. Теперь рассыпалась последняя грань, отделявшая меня от окружающего мира. Кожа почернела от солнца, стала грубой и шершавой, а все тело пропиталось запахом соли и еще чего-то терпкого, что я, наконец, смог определить. Так пах океан, так пахло все сушее на атолле.

Океан дышал, огромные массы воды, увлекая за собой воздух с поверхности, опускались вниз и, поднимаясь, выдавливали в небеса смрад морских глубин. Такой же запах, отталкивающий и притягательный – запах разложения и зарождения – шел от рифов и гниющих орехов. Он пронизывал все, проникал повсюду, исходил от моего тела.

Я жил бы беспечно, если бы не воспоминание о странном голосе, прозвучавшем в тот гибельный для Рароаи шторм. Пригрезился ли он мне, принадлежал ли какому-то существу, жившему рядом со мной, но в другом измерении, на пороге которого я стоял, но мне не суждено было его переступить? Или один из параллельных миров соприкоснулся с моим в ужасный, совпавший для обоих миг, и неведомое мне создание позволило, повелело прийти на помощь или – не знаю, – попыталось ободрить в трудную минуту...

Я понимал, вернее, инстинктивно знал, что должно быть особое стечение обстоятельств, какой-то особый толчок, чтоб выплыла из бесконечного пространства моего мозга новая мысль, еще не осознаваемая мною, – именно тогда я услышу протяжный голос, не дающий мне покоя до сих пор. Ведь есть же у меня, как у любого, иная жизнь, неизвестная, непостижимая! Она всегда находится рядом, иногда я приближаюсь к ней, пытаюсь ухватиться и перетечь в нее, но она вырывается и исчезает, оставляя двойственное чувство разочарования и надежды.

Помню, я сидел вечером на берегу. Солнце зашло, наступила темнота. Мерно дышал океан, по воде лагуны струилась лунная дорожка и я, пожалуй, впервые забыл о своем одиночестве. Вокруг меня, не замечая ни на мгновение, суетились мириады живых существ, самостоятельных и неразрывно связанных между собой. Вместе они составляли атолла, маленькую частицу мироздания, в котором все было важным и необходимым. Все жило, переходило из одного состояния в другое, росло, давало пищу друг другу и умирало затем, чтобы вновь родиться; родиться в ином качестве, вобрав в себя все, переработанное предыдущими поколениями.

После смерти каждое из них превращалось в пыль и рассеивалось по белому свету. Умру и я, мое тело рассыпется, разбежится по земле тысячами сочетаний атомов, среди которых будет одно, когда-то сложившееся в мое тело и сохранившее что-то, принадлежавшее только мне. Пройдя через тысячи организмов, это сочетание, эта частица дожждется своего часа. Во мне самом есть такая частица (и не одна), хранящая неизвестно чей опыт; в благоприятных условиях она проявится в безотчетном, неконтролируемом действии или во внезапной мысли. Из какого пространства, из какого времени придет она? Из толщи земли или из черноты космоса? Запечатлено ли в ней klokотание магмы или движение некоего существа чужой планеты? Какой отблеск оставили на ней дрожание огни бесчисленных звезд на бесконечно далеком пути?

Тогда на рифах, я впервые столкнулся с той вечностью, что заложена во мне, как и в каждом творении природы. Шагнув в воду, я мог бы вернуться назад, снова стать простейшей клеткой и начать все сначала, стать живым, воплотившись в любое живое существо. Здесь, на Рароаи, последовательно стирались грани между моим «я» и всем, что окружало меня – мы были едины. Я никогда не умирал и никогда не рождался; я был всегда. Я ел пищу, которую уже ели, я пил ту самую воду, которую, быть может, миллионы лет назад, настороженно озираясь по сторонам, жадно глотал какой-нибудь зверек; я дышал воздухом, прошедшим через сотни тысяч легких. Я не исчезну бесследно – я буду вечен.

Я лежал на песке и физически ощущал себя кораллом, копошащимся на стыке суши и моря, я чувствовал движение воды вдоль плавников, я качался под ветром и, разбиваясь о землю, мечтал дать новый росток; я был атоллом, океаном, ветром над ними. Я пылал огнем и бежал лунной дорожкой по лагуне, от меня исходил запах океанских глубин и сожженных солнцем пустынь, я был целым миром, и я входил в него необходимой частью.

Нескончаемое число живых существ оставило во мне свой след. Они жили, не задаваясь вопросами о смысле своего бытия, предоставив это нам, людям. Занятые борьбой за существование, они стремились сохранить себя и свое потомство: набирали опыт, вырабатывали новые качества, стараясь приспособиться к среде или приспособить среду к себе – каждое из них хотело овладеть миром, преодолеть свою беззащитность, исполняя желание далеких предков. И самолет, легко пронзающий небо, быть может, и есть реализованное смутное желание, мечта первобытного ящера, неуклюже срывающегося со скалы в пропасть, о свободном, прекрасном полете.

Я живу на Рароаи, заполняя остров своим сознанием, своими мыслями, проникающими повсюду, я придаю атоллу законченность, я одушевляю маленькое хрупкое сообщество. Голос, услышанный мной, принадлежал ему. Я был существом другого порядка и другого мира, я мог помочь и защитить его. Одновременно я принадлежал и ему, и это он, нет, не он – меня позвали тысячи жизней, слитые в одну, меня звал атолл, меня звали море и небо, единые и неделимые.

Исчезла «Марита» и Гарднер, исчез мой дом, мое прошлое. Океан, атолл, небо и я соединились в одно живое сущее, в одно целое, где нет места одиночеству.

Рокотало море на рифах, я спал на берегу, мне снилось сразу все: песок, остров, море и туманная звездочка в пустоте.

И тихий голос пел колыбельную.

– Доброе утро! – сказал я, проснувшись.

– Доброе утро, Джейк, – прошепстало в ответ.

С того дня я утратил чувство времени.

Но однажды за мной прыпыло суденышко похожее на «Мариту», из тех, что шляются по морям не в поисках заработка, а из любви к бродяжничеству, и вернуло меня обратно в суетливый, занятый только собой человеческий мир.

Я женился, родились дети, заботы хлынули словно тропический ливень, жизнь потекла стремительно и незаметно. Изредка я просыпаюсь по ночам, смотрю в темный потолок, по которому пробегают смутные тени, и тогда слышу голос, почти неразличимый в шорохе листьев: «Джейк, Джейк, где ты?»

переводы

Я весну так хотел бы увидеть с тобой...

Аман Мухтар работал в редакциях газет и радио, был редактором Госкомиздата, Госкинокомитета, многие годы был главным редактором журнала «Шарк Юлдузи».

Стихи и рассказы Амана Мухтара переведены на несколько языков мира, по его роману «Аеллар мамлакати ва салтанати» режиссером Юсуфом Разыковым снят художественный фильм. А. Мухтаром написан ряд сценариев документальных фильмов, создано немало интересных радиопостановок на республиканском радио.

Книги и отдельные произведения писателя до сих пор представляют интерес для ценителей серьезной художественной литературы.

Читателям журнала предлагается подборка стихотворений Амана Мухтара, переведенных его дочерью Юлдуз Мухтаровой¹.

Я весну так хотел бы увидеть с тобой,
Мир весенний хотел бы увидеть с тобой.
На поля, на деревья со свежей листвою –
Я на все так мечтал бы смотреть лишь с тобой.

И зимой, когда зябко и падает снег,
Когда ветер берет самый быстрый разбег,
Когда скованны ночи густой синевою –
И тогда все равно я хочу быть с тобой.

Летним вечером тихим и солнечным днем
Я хочу, чтобы всюду мы были вдвоем.
Пусть сжигает сердца нам полуденный зной –
И тогда неизменно я буду с тобой.

А осенней порою, под звуки дождя,
По тропинке из листьев опавших идя,
Мы беседуем с ветром, рекой и травой.
Рядом ты или нет, я – повсюду с тобой.

В час скорбей, когда душу терзает печаль,
И мечтаний несбывшихся искренне жаль,
В час иной, когда счастье владеет судьбой,
Я хочу и, поверь мне, – я БУДУ С ТОБОЙ!

Аман МУХТАР

Известный
узбекский писатель:
поэт, прозаик,
драматург, киносценарист. Член Союза
писателей
Республики
Узбекистан, автор
более 40 изданных
книг, лауреат Государственной премии
Республики
Узбекистан,
заслуженный деятель
искусств Узбекистана, кавалер ордена
«Дустлик».

¹ Родилась в Ташкенте, окончила философский факультет НУУз, поэт, прозаик, переводчик.

На два дня вы хотите уйти, дорогая?
 А нельзя – лишь на день?
 Что, на день собрались вы уйти, дорогая?
 А нельзя ль – на полдня?
 На полдня вы уйдете сейчас, дорогая?
 Можно ль – только на час?
 Не спешите! На час, дорогая, уйдете?
 Может – лишь на минуту?
 А нельзя – лишь на миг вам уйти, дорогая?
 Чтоб вернуться – сейчас...

Мать, ты сына родного прости,
 Хоть он так пред тобою виновен!
 В дом твой редко желает зайти,
 И всегда как чужой в этом доме.

Мать, ты сына родного прости,
 Хоть он сильно не прав пред тобою:
 И не видит тебя на своем он пути,
 И всегда занят только собою.

Мать, ты сына родного прости,
 Хоть вина его тяжкая очень.
 Твою ношу не хочет нести,
 Грузит всем тебя днем он и ночью.

Мать, ты сына родного прости,
 Хоть вину свою вряд ли он видит.
 Но другого-то нет, не найти,
 Даже если он снова обидит...

Мать, ты сына родного прости...

Крылья раскинули в полете
 И мчатся быстрым вихрем дни.
 О память, ты всегда в почете,
 В себе всю нашу жизнь храни!

Ты поднимаешься к высотам,
 И вновь с надеждой смотрим вслед
 Мы вечно живы для кого-то,
 И в нас жив кто-то сотни лет!

Как мелкую разменную монету,
 Повсюду обещанья ты давал.
 Но что сбылось? И сам-то нынче – где ты?
 И спесь свою – куда ты подевал?

На верность жизнь дает нам шансов много,
 А вот на ложь не выдается грант.
 Слова пустые – скользкая дорога!
 Теперь и сам себе ты – не гарант.

Из романа «Тысячеликие»

1. Стихи души ушедшего Абдуллы Хакима:

В чем соль твоя, земля?
 В чем суть твоя, о небо?
 Кто б понял до конца,
 Тот бы несчастным не был.
 Пытаясь в суете
 Жизни нам СМЫСЛ объяснить,
 Мы познаем едва,
 Как чувствовать и любить.
 Не знаем, где конец,
 В чем путь, и где начало,
 Откуда мы пришли,
 Куда нам путь вершить.
 На то, как ни мудры,
 Всех наших знаний – мало.

2. Обращение Абдуллы Хакима к Халиме:

Подобно ветру неумному поднялся
 И больно вновь ударился о землю.
 Я с гор вершин, любимая, сорвался –
 Я голосу земли разверстой внемлю.
 Со светом дня приходит расставанье.
 Как в пропасть, буду брошен в тьму ночную.
 С судьбой это последнее свиданье,
 Теперь лишь ночь я горестно целую.

3. О Насредине:

Неужто кто-то до сих пор не знает
 О шутнике, прошедшем сквозь века?
 Чей ум так остр и чья ловка рука,
 Чей смех живой слышать издалика –
 Как он народа душу отражает,
 Он на земле вовек не затихает!

Не сама ль ты этого хотела –
Моим сердцем владеть? Что ж, ты им овладела!
Не сама ль ты в сердце решила остаться?
Что ж, теперь мы с тобою не можем расстаться.

Всеми нитями и всеми цепями на свете
Ты сковала меня и одела, как в сети.
Значит, удержишь меня – крепко, не отпуская?
Ладно, милая, пусть! Жизнь, выходит, такая.

Ты прости, я немного устал от вниманья.
Я согласен со всем, было б лишь понимание.
Лишь бы ты не устала, не стала другая,
Продолжай меня крепче держать, дорогая!

Жизнь – вот то, что для сердца ценнее всего.
Я держусь за подол ее, чтоб не умчалась.
И за каждым мгновеньем бегу – для чего?
В них поклажа моя, как в вагонах, осталась? –
Неужели и вправду мой поезд ушел?
Но... я счастлив всему, что благого нашел!

Быть довольным и счастье ценить я хочу.
Может быть, лишь сейчас ото сна я очнулся
И на крыльях любви, словно птица, лечу?
С удивленьем на годы свои оглянулся.
Почему мне в любви лишь сейчас хорошо?
Может, я опоздал, и мой поезд ушел?

Почему в дерзкой юности несколько строк
Стихотворных с трудом мне порою давались?
Стал поэтом не поздно ли? Все ль это в срок?
Что ж вы, дни упоенья, так долго скрывались,
Так, что познее счастье настигло, как шок?
Разве правда, так рано мой поезд ушел?

Расписание порой застает нас врасплох –
Не садятся в свои поезда пассажиры.
Я, пусть позже, успел? Как же милостив Бог!
«Повезло», – мне с перрона кивнут старожилы.
Я теперь не грушу, на душе хорошо:
Значит, точно, мой поезд еще не ушел!

караван истории

**Валерий
ГЕРМАНОВ**

Родился 1950 г. в Ташкенте. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат исторических наук. Автор около 200 публикаций по истории и историографии государств Центральной Азии и России, в республиканских и зарубежных периодических изданиях. Член Творческого союза журналистов Узбекистана. За цикл лекций во Франции в Институте восточных языков и цивилизаций и Институте человека удостоен Большой медали INALCO.

ТРИ СЕСТРЫ ЖДАНКО

Часть III

ТАЙНА ПОЛЯРНОГО БЕЗМОЛВИЯ

«Мы все любили и боготворили нашего врача – это была сильная женщина, кумир всего экипажа».
(А. Э. Конрад, полярный моряк)

В одной из замечательных книг, написанных петербурженкой Милицей Земской, мне довелось прочитать небольшой абзац об Ерминии Александровне – сестре Татьяны Жданко¹.

...В 1912 году из Мурманска в арктическую экспедицию вышел бриг «Святая Анна»². Его затерло льдами. Пришлось зимовать в Ледовитом океане. Часть экипажа после первой зимовки пыталась пробиться на материк пешком ходом и на каюках. Считалось, что вместе с капитаном брига и одиннадцатью матросами где-то в Ледовитом океане погибла и Ерминия Александровна Жданко – первая в мире женщина-полярница, двадцати трех лет от роду. У Татьяны Александровны хранятся письма старшей сестры, отправленные перед отплытием «Святой Анны» из Мурманска³.

– Теперь бы, конечно, не дали погибнуть, – вздыхает Ира (дочь Татьяны Александровны Жданко – В. Г.), отмечает далее в своем повествовании Милица Земская⁴. – Из поколения в поколение странствующие, плавающие, путешествующие. Не тревожно ли это – когда одна дочь уходит в горы, а другая – в море? А когда мама уезжает в пустыню?

Трагическая судьба баркентины «Святая Анна» в какой-то мере положена в основу романа В. А. Каверина «Два капитана»⁵, рисующего захватывающую историю дрейфа в полярных льдах шхуны «Святая Мария» и судьбу штурмана Климова, которому с несколькими матросами чудом удается спастись, сохранить и передать на большую землю письма, которым так и не суждено было дойти до адресатов... Обо всем этом услышал в детстве герой романа Саня Григорьев, и разгадка тайны гибели «Святой Марии» стала целью его жизни. Ну, а как было на самом деле?

Роман как бы воссоздает реальные события, имевшие место в России в 1913 году. По известным причинам в свое непростое время Вениамин Каверин не мог себе позволить адекватно нарисовать историческую канву происшедшего.

¹ Земская М. Время в песках. СПб: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1983. С. 312.

² Парусник «Святая Анна» с установленным на нем паровым двигателем именовали бригом, шхуной, баркентиной. По парусной оснастке это судно являлось баркентиной. Но капитану Г. А. Брусилову больше нравилось именовать его шхуной.

³ Недавно один из мысов Земли Франца Иосифа назвали именем Ерминии Жданко. Но судьба «Святой Анны» по-прежнему до конца не выяснена.

⁴ У Татьяны Александровны две дочки-близнецы: Оксана (старше на полчаса Ирины, по профессии географ) и Ирина (гидробиолог, мечтает найти бутылку с письмом со «Святой Анны»).

⁵ Каверин В. А. Два капитана. Киев: Государственное учебно-педагогическое издательство «Радянська школа», 1957. С. 6-7; Примечательно, что в 1946 году автор романа был удостоен Сталинской премии второй степени.

Баркентина «Святая Анна» (1912 год)

Позже по мотивам романа был создан знаменитый мюзикл «Nord-Ost», который, безупречно отвечая требованиям жанра, несмотря на сознательно смещенные акценты, воспроизводит драматическую историю великих открытий, в которой есть любовь и ненависть, героизм и предательство, нежность и энергия, романтика и вера в справедливость.

С постановкой спектакля связана страшная трагедия на Дубровке, когда около тысячи зрителей стали заложниками банды экстремистов.

Действительные события, связанные с дрейфом во льдах шхуны «Святая Анна» с членами экспедиции Г. А. Брусилова на борту, кое в чем отличаются от художественных интерпретаций и мало кому известны.

Начальник экспедиции на «Святой Анне» лейтенант русского флота Георгий Львович Брусилов был потомственным военным, сыном прославленного адмирала, организатора первого Морского генерального штаба и племянником известного полководца Первой мировой войны генерала Б. А. Брусилова.

В 1910–1911 годах Георгий Львович работал в составе гидрографической экспедиции на «Таймыре» и «Вайгаче» и производил съемки берегов Чукотки. Кстати, обозначенный на морских картах первый маяк на мысе Дежнева – «Знак Брусилова». Обозначение промысловых богатств Северного Ледовитого океана, молодой моряк задумал пройти по Северному морскому пути на Чукотку и потом во Владивосток, но не традиционным путем – вокруг Европы через Суэцкий канал, – а более коротким – по Северному Ледовитому океану из Александровска (ныне город Полярный) во Владивосток – тем самым, во-первых, доказать возможную судоходность арктических вод, во-вторых, провести их изучение. Расходы на покупку подходящего судна и снаряжения он надеялся покрыть попутным промыслом – охотой на тюленей, белуж, моржей и медведей. Ему удалось заинтересовать своими планами дядю Бориса Алексеевича Брусилова, богатого московского землевладельца...

Георгий Львович покупает в Англии за 20 тысяч рублей старую, построенную еще в 1867 году, но еще прочную и надежную парусно-моторную баркентину «Пандора» водоизмещением около 1000 тонн и называет ее «Святой Анной» по имени А. Н. Брусиловой, жены Б. А. Брусилова, давшей на снаряжение экспедиции 90 тысяч рублей.

«Святая Анна» была отремонтирована, приспособлена к арктическому плаванию, имела тройную дубовую обшивку толщиной до 0,7 метра. По пути на восток Г. А. Брусилов планировал изучать арктические и дальневосточные моря в промысловом отношении. Для того, чтобы окупить расходы, было создано акционерное общество, главным пайщиком которого стала А. Н. Брусилова, сам же Г. А. Брусилов, кроме своего морского опыта (полярный его опыт был весьма скромным), ничего внести не мог.

КРАСАВИЦА БАРКЕНТИНА «СВЯТАЯ АННА»

До конца июля 1912 года на белоснежную красавицу «Святую Анну», стоявшую на якоре на Неве, грузили снаряжение и продовольствие с расчетом на 30 человек на полтора года. Рацион был хорошо продуман: пять сортов мяса, пять сортов масла, десять сортов муки и крупы, много консервированных фруктов и овощей... Перед отправкой возникли трудности с экипажем, прежде всего, с командным составом. Капитан Г. А. Брусилов намеревался сформировать две группы вахтенных офицеров – офицера флота и штурмана – как на военно-морском флоте. Штурманами в экспедицию были приглашены В. Альбанов и В. Бауман, первую вахту Г. А. Брусилов собирался стоять сам, на вторую был приглашен лейтенант Н. Андреев, который намеревался тоже стать пайщиком акционерного зверобойного товарищества. В последний момент тетка Георгия Анна Николаевна выступила против участия мелких акционеров, дав свое согласие на использование их лишь в качестве наемных служащих. Дядя выступал только в роли исполнителя воли держателя контрольного пакета акций своей жены, владелицы немалых семейных капиталов, урожденной баронессы Пейзо де ла Валетт. Трагедия крылась в самой организации экспедиции, и, может быть, первым виновником будущей беды была ее основная благотворительница.

Возникло препятствие, из-за которого было потеряно драгоценное время: необходимо было уплатить пошлину. Она составляла половину стоимости «Святой Анны». Этот вопрос удалось утрясти при помощи благожелательно настроенной прессы и влиятельных

сослуживцев отца Брусилова. Появились ироничные публикации, посвященные предполагаемой экспедиции на «Святой Анне». Так же иронично было настроено и туркестанская пресса¹.

Но Брусилову удалось уверить Министерство финансов, что его предприятие не только коммерческое, но и патристическое. Из Петербурга «Святую Анну» провожали торжественно. Встретившись с фешенебельной яхтой «Стрела», на борту которой находился гость России, будущий французский президент Пуанкаре, «Святая Анна» сбавила ход, на баке была построена команда, раздалось громкое «ура!», на мачте взвился сигнал «Счастливого плавания». Пуанкаре прервал беседу со свитой и помахал «...Анне» рукой.

— Как раньше назывался корабль? — спросил он.

— «Пандора», — ответил кто-то из сопровождающих.

— Да... — задумчиво констатировал Пуанкаре, — богиня, которая неосторожно открыла ящик с несчастьями...

Капитан баркентины «Святая Анна» Георгий Львович Брусилов, начальник Полярной экспедиции.

ЕРМИНИЯ ЖДАНКО. У ИСТОКОВ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Отцом сестер Жданко: Ерминии, Татьяны и Ирины был выпускник Академии генерального штаба Александр Ефимович Жданко, герой войны, за боевые отличия он был произведен в чин генерал-лейтенанта. В 1916 г. он тяжело заболел, был переведен в Киевский военный округ, где и вышел в отставку. 9 августа 1917 года через три года после исчезновения дочери Ерминии и шхуны «Святая Анна» он ушел из жизни. Кладбище «Аскольдова могила» на высоком берегу Днепра, на котором он был похоронен, снесено в эпоху СССР². На его месте был учрежден мемориал героям Второй мировой войны.

Мать Ерминии тоже Ерминия умерла, когда дочь была совсем ребенком. Спустя семь лет после ее смерти, в 1904 году Александр Жданко вступил во второй брак с Тамарой Осиповной Доливо-Добровольской. У нее был брат Борис Доливо-Добровольский, женой которого в 1909 году стала сестра двадцативосьмилетнего Георгия Брусилова Ксения.

Сохранились письма Ерминии Жданко³, которые она посылала отцу летом 1912 года, приехав в Петербург накануне экспедиции: «Дорогой мой папочка! Я только двенадцать часов провела в Петербурге, и уже массу нужно рассказать... Ксенин старший брат купил пароход, шхуну, кажется. Он устраивает экспедицию в Архангельск и приглашает пассажиров (было даже объявлено в газетах), т. к. там довольно уютно. Займет это недели 2–3, а от Архангельска я бы вернулась по железной дороге. Самая цель экспедиции, кажется, поохотиться на моржей, медведей и пр., а затем они попробуют пройти во Владивосток, но это уже меня, конечно, не касается...»⁴

28 июля (10 августа по новому стилю) 1912 года «Святая Анна» вышла из Петербурга. Огибая Скандинавию, она заходила в датские и норвежские порты для приобретения недостающего китобойного снаряжения и для экскурсий пассажиров, взятых в качестве туристов, предполагая пополнить казну зверобойного товарищества. Из Архангельска они должны были вернуться в Петербург железной дорогой.

В самый день отплытия из Петербурга, 28 июля, Ерминия снова пишет отцу: «Я в восторге от будущей поездки. Горячо любящая тебя Мима».

А Георгий Брусилов был в восторге от Ерминии. Из его письма к матери: «Подходим к Копенгагену. Сегодня ночью будем там. Пассажиры мои почти все время лежали, кроме Мимы, которая настоящий моряк. Стоит на руле превосходно и очень любит это занятие... Твой Юра».

¹ См., например, статью: Нептун. Страничка из Жюль Верна//Туркестанские ведомости. №166 (4327). 25 июля (7 августа) 1912 года. Среда. С. 3. (А. 59).

² Тишков В. А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами/Национальные вопросы нужно решать гибко. Интервью с Т. А. Жданко. Под грифом Российской академии наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. С. 22.

³ Семейный архив профессора Т. А. Жданко. Эпистолярный отдел. Позднее материалы были переданы в Федеральное государственное бюджетное учреждение Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт (далее ФГБУ ААНИИ). Санкт-Петербург. С оригиналов сняты копии.

⁴ Альбанов В. Экспедиция Г. А. Брусилова//Архангельская газета. 1914. № 187, 188, 190, 191; Алексеев Д. А. Неизвестные письма участников русской полярной экспедиции 1912 г. на шхуне «Святая Анна»//Летопись Севера. М.: Мысль, 1985. Т. 11. С. 181–192.

Круиз удался на славу: отличная погода, отличные люди, огоньки в ночном порту. В Дании на борт судна поднялась вдовствующая императрица Александра Федоровна...

В Екатерининской же гавани – последнем оплоте цивилизации на предстоявшем пути – выяснилось, что несколько членов экипажа сбежали с борта шхуны, предчувствуя гибельный рейс, а лейтенант Андреев, друг детства Брусилова, в назначенный срок на «Святую Анну» не прибыл. Ерминия Александровна в сердцах писала родителям: «Дорогие, милые мои папочка и мамочка! Если бы вы знали, как мне больно было решиться на такую долгую разлуку с вами... Я только верю, что вы меня не осудите за то, что я поступила так, как мне подсказывала совесть. Поверьте, ради одной любви к приключениям я бы не решилась вас огорчить. Объяснить вам мне будет довольно трудно, нужно быть здесь, чтобы понять...

...Этого Андреева я видела на «Святой Анне» в Петербурге. И как-то сразу почувствовала недоверие и антипатию... С Андреевым должны были приехать в Александровск ученый Севастьянов и доктор, но вдруг накануне отхода оказалось, что ему «мамочка не позволила», а попросту он струсил... Между тем, когда об экспедиции знает чуть ли не вся Россия, нельзя же допустить, чтобы ничего не вышло... Аптечка у нас большая, но медицинкой помощи, кроме матроса, который был когда-то ротным фельдшером, никакой. Все это произвело на меня такое удручающее впечатление, что я решила сделать, что могу, и вообще чувствовала, что если я тоже сбегу как и все, то никогда себе этого не прощу».

Она внесла в общий пай двести рублей и вывасала исполнять обязанности врача, так как ранее окончила самаритянские курсы сестер милосердия. Но Брусилов сомневался, брать ли девушку с собой. Все решила телеграмма, которая пришла от генерала Жданко: «Путешествию во Владивосток не сочувствую. Решай сама».

Под предлогом болезни отказались от участия в экспедиции механик, а также штурман В. Бауман и несколько матросов. Г. А. Брусилов решил нести вахту поочередно с В. И. Альбановым, своим последним офицером. Вместо матросов он принял на судно несколько архангельских поморов.

Первая полярница. Ерминия Александровна Жданко

1912 год выдался в Арктике необыкновенно трудным. Уже 20 лет не видели здесь столь тяжелых льдов. «Святая Анна» вошла в Карское море и двинулась дальше, лавируя между льдинами. На почтовой-телеграфной станции «Югорский Шар» появление шхуны вызвало крайнее изумление. В этом сезоне еще ни одному судну не удалось пройти в Карское море. Льды блокировали все проливы. В одну из ясных морозных ночей шхуна вмерзла в огромное ледяное поле. В судовом журнале последний раз отметили широту и долготу окончания активного плавания и стали готовиться к зимовке. Первое изменение координат случилось в середине октября. Ледяное поле плавно сдвинулось на север.

Зимовка не страшила участников экспедиции. Продовольствия было достаточно, вечерами беседовали у камина. Но позже кончился осветительный керосин. Жгли тюлений жир в плошках... Вечная сы-

рость, неистребимый холод, нескончаемый мрак полярной ночи, плесень на всем: на посуде, одежде, продуктах, авитаминоз, болезни...

«Заболевали, сдвали наиболее сильные мужчины, капризничали, ссорились, швыряли в сердцах тарелки с супом чуть ли не в голову «обидчику», выкрикивали непристойности, ввязывались в драки... А она терпела. Более того – утешала, увещевала, лечила. И еще играла на фортепиано в кают-компани. Брала нежнейшие аккорды под грохот ломающихся льдов и шорох инея, осыпающегося с обмерзших рей... концерты среди торосов, среди белого безмолвия ледяной пустыни... Ерминия Александровна сидела «за хозяйку», – вспоминал Альбанов¹.

«Святая Анна» вместе со льдами двигалась на север. Сначала это не вызывало беспокойства. Все были уверены, что далеко шхуну не унесет. Однако получилось иначе. К весне 1913 года шхуна уже находилась севернее Новой Земли, в Ледовитом океане, и продолжала дрейф к полюсу. Положение становилось угрожающим: постепенно судно теряло свой благообразный вид, таяли запасы продовольствия, кончалось топливо. У многих членов экипажа началась цинга. Долго и страшно болел Георгий Львович. Выходила его Ерминия Александровна, терпеливо переносявшая и капризы, и странные приступы ярости своего

¹ Albanov Valerian. In the land of white death: an epic story of survival in the Siberian Arctic. – Modern Library, 2000.

нездорового начальника. Благодаря Ерминии все заболевшие выжили¹.

Огромная льдина, в которую вмерзла «Святая Анна», была прочна, и летом начали готовиться ко второй зимовке. Произошла серьезная размолвка между Брусиловым и Альбановым. Последний попросил освободить его от обязанностей штурмана и превратился в пассажира, одиноко жившего в своей каюте.

«Святая Анна» миновала острова Земли Франца-Иосифа. Можно было надеяться, что со временем течение понесет ее на запад, но произошло это лишь к осени 1915 года. В конце января 1914 года Альбанов попросил у Брусилова разрешения покинуть судно. Он решил в одиночку добраться до Земли Франца-Иосифа, преодолев более 100 километров. Неожиданно к Альбанову решили присоединиться еще 13 человек. Брусилов не возражал. Оставшихся было достаточно для управления судном. Весной 1914 года судно покинула группа матросов во главе со штурманом Альбановым. Три месяца по дрейфующим льдам через торосы и полыньи люди продвигались к Земле Франца-Иосифа, достигли земли лишь Валерьян Альбанов и матрос Александр Конрад. Остальные погибли. Оставшихся в живых спасло судно «Святой Фока» экспедиции Георгия Седова, умершего на пути к Северному полюсу. Копия судового журнала и материалы научных наблюдений почти за два года полярного дрейфа «Святой Анны» попали к людям. В дальнейшем следы Альбанова теряются. Может быть, он остался жив и ушел с армией Колчака до Владивостока, а потом дальше, в русское рассеяние?.. Существует версия, что он жил под именем Михаила Ивановича Альбанова в Новохоперске, тщательно скрывая свое «белое» прошлое, которого, как он предполагал, в Советской России ему могли бы не простить.

КЛЮЧ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ?

История, связанная с плаванием «Святой Анны» обросла легендами, гипотезами и полна неразгаданных загадок. Недавно известный писатель-маринист Николай Черкашин поведал, что, возможно, наткнулся на следы бесследно исчезнувшей «Святой Анны». Он рассказал, что берлинские друзья решили показать ему старый ганзейский портовой город Штральзунд. Вскоре они оказались перед входом в пивной погребок «У Ханзы». Кельнер кивнул посетителям на столик под деревянным рулевым колесом, украшавшим стену зала. К рулевому колесу была прикреплена русская икона. Присмотревшись, писатель разобрал церковнославянскую вязь «Святая Анна Кашинская». На медной вставке в штурвале проступали затертые латинские литеры «...andor...». Николай Черкашин попросил у кельнера разъяснений. Тот пожал плечами и сказал, что это колесо для украшения бара подарил ему отец. Осенью 1946 года отцовский рыбацкий траулер в густом тумане чуть не врезался в брошенный трехмачтовый парусник с паровой машиной. Эта реликвия отсюда.

Николай Черкашин покидал Штральзунд, не подозревая, что стал обладателем ключа к тайне «Святой Анны». Другая часть тайны приоткрылась в дальнейшем. Ему стало известно, что «Святая Анна» ранее называлась «Пандора». На медной вставке штурвала, снятого с корабля, были частично стерты литеры, осталась² лишь часть имени «...andor...». Поистине Николаю Черкашину фатально везло. Именно ему назначил встречу в Петербургском авианосном собрании геолог А. В. Доливо-Добровольский, который меньше всего, по мнению Николая Черкашина, походил на искателя сенсаций. Он просто ошарашил его своим сообщением:

– Ерминия Александровна Жданко гостила у наших общих родственников в Риге в 1928 году...

– В 28-м?! Спустя пятнадцать лет после исчезновения в Карском море?

– Да, именно так... В Москву из Риги пришла открытка, которая извещала наших родственников о приезде Ерминии вместе с десятилетним сыном. Она вышла замуж за Георгия Брусилова и жила с ним во Франции.

По мнению А. В. Доливо-Добровольского, «Святая Анна» попала в циклический дрейф приполярных льдов, и весной 1915 года шхуну вынесло на чистую воду Северной Атлантики. У оставшейся на борту части команды были все шансы пережить вторую зимовку. Продовольствия хватало, но у моряков не было радио, и они ничего не знали о событиях в мире. Германские подводные лодки охотились за кораблями Антанты. Всплывали, забирали капитанов с судовыми документами и топили судно. Весьма вероятно, что именно так немцы поступили и со «Святой Анной» под флагом России. Только вместе с

¹ Подвиг штурмана В. И. Альбанова / Под ред. Н. Я. Болотникова. Москва: Географгиз, 1954. ; Альбанов В. И. Затерянные во льдах. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978; Чванов М. А. Загадка штурмана Альбанова. М.: Мысль, 1981.

² Виртуальное общение-интервью автора (В. Германова) с капитаном второго ранга известным писателем-маринистом Николаем Черкашиным. info@vasharch.ru <http://vasharch.ru/arti-123.htm>

капитаном взяли и единственную женщину. Брусилов как офицер русского флота подлечал содержание в лагере. Ерминию должны были интернировать до окончания войны. Получается, что их освободили лишь в ноябре 1918 года. Возвращаться в Советскую Россию, где набирал обороты красный террор, было весьма опасно. Оставался единственный приемлемый выход – эмигрировать во Францию. Туда еще до Российской революции перебрался дядя Георгия Брусилова и его жена баронесса Пейзо де ла Валетт, на чьи средства была снаряжена «Святая Анна».

Можно предположить, что в 1918 году они поженились. Родился сын.

Документальных подтверждений, самой рижской открытки не сохранилось, в 20-е годы чекисты не поощряли зарубежные почтовые отправления и переписку с российскими эмигрантами. Видимо, и ответа на открытку нет по той же причине. В эмигрантской среде никто не слышал о возвращении лейтенанта Георгия Брусилова и Ерминии Жданко. Имя генерала Брусилова в русском рассеянии было предано анафеме за службу большевикам и за, якобы, подписанное им обращение к Добровольческой армии генерала Врангеля, покидавшей Крым.

Сам руководитель экспедиции на «Святой Анне» тоже не жаждал полярных лавров, так как имел все основания полагать экспедицию неудавшейся. Во Владивосток не пробился, экипаж раскололся, шхуна погибла, люди не спаслись. Все предопределяло для Георгия Брусилова и Ерминии Жданко тихий, замкнутый образ жизни где-либо на юге Франции, где никому не было дела до забытой русской экспедиции. Между тем выписка из судового журнала, составленная Ерминией Жданко и доставленная Альбановым в Россию, по значимости неизмеримо ценнее всех капиталов, затраченных на экспедицию.

Действительные члены Географического общества СССР Д. Алексеев, П. Новокшенов писали в 1980 году, что получили письмо из Таллина от Нины Георгиевны Молчанюк. Она дальняя родственница участницы экспедиции Ерминии Александровны Жданко, единственной женщины на борту «Святой Анны», сообщала, что незадолго перед Второй мировой войной к родственникам или знакомым в Ригу приезжала Ерминия... Брусилова и что живет она (или жила) где-то на юге Франции¹.

Есть еще одно упоминание в прессе, что в тридцатые годы не то во Франции, не то в Бельгии лейтенант Георгий Брусилов навещал своего бывшего командира, контр-адмирала Бориса Вилькишского. Кто знает, легенда это или правда. Хочется верить².

Брусилов не мог знать, что даже «неудавшийся поход» принес пользу отечественной науке. Изучая дрейф «Святой Анны», профессор В. Визе предположил, что к северо-востоку от Новой Земли должен находиться неизвестный остров, который отклоняет движение льдов. Гипотеза В. Визе блестяще подтвердилась в 1930 году. Тогда экспедиция на ледоколе «Седов» именно в том месте открыла остров.

Ерминия Жданко внесла достойный вклад в изучение Арктики. Николай Черкашин, несомненно, прав, считая, что незаслуженно забытые имена Георгия Брусилова и Ерминии Жданко вполне достойны мирового признания.

Ныне в неприступных отрогах запретной Новой Земли существуют лишь мыс Ерминии Александровны Жданко и ледяной купол Георгия Львовича Брусилова, а между тем, всякое действие, направленное на освоение Арктики, достойно широкой известности и увековечения.

Вся интрига в том, что нарушение хрупкого баланса в Арктике может вызвать планетарную катастрофу. Сегодня наблюдается новый импульс интереса мировой общественности к Арктике в связи с разведкой и разработкой в этом регионе полезных ископаемых и в особенности нефтяных запасов, строятся новые крупные транспортные и энергетические объекты, возрождается Северный морской путь. Очевидно, что приоритетом, ключевым принципом развития Арктики, должно стать природосбережение, обеспечение баланса между хозяйственной деятельностью, присутствием человека и сохранением окружающей среды.

¹ Д. Алексеев, П. Новокшенов, действительные члены Географического сообщества СССР. Пассажирка. Рубрика: Архивный розыск/Вокруг света. 1980, №12 (2483). Декабрь.

² Андрей Балабуха. Великая полярная гонка. Занимательная история/Чайка. Seagull Magazine. Санкт-Петербург. 2004. № 23 (34). 3 декабря. <http://www.chayka.org/node/461>

литературоведение. литературная критика

Николай ИЛЬИН

Родился в 1950 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат педагогических наук, доцент, автор более 60 научных публикаций, поэт, переводчик. В настоящее время является редактором журнала «Преподавание языка и литературы». Автор поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времени», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Листва и корни».

«ПАРА СЛОВ» И МНОГО РАЗДУМИЙ

Становление Улугбека Хамдама как писателя пришлось на эпоху больших исторических перемен, повлекших значительные общественные и социальные изменения, перекроивших политическую карту мира, жизненный уклад и личную судьбу миллионов людей. Однако специфика его литературного дарования такова, что писатель рассматривает современную нам действительность не столько в аспекте социально-историческом, сколько в психологическом. Будучи остро современным и глубоким автором, У. Хамдам уходит от непосредственного показа бросающихся в глаза и лежащих на поверхности событий, а также споров о них, но сосредоточивается на скрытых от публичного взгляда состояниях и явлениях внутренней жизни персонажей — большей частью не исторических, а самых обыкновенных людей из социальной середины. Он исследует внутренние сдвиги в их сознании и душах. В масштабе государственной и общественной жизни эти состояния и сдвиги могут показаться на первый взгляд не столь существенными, далекими от волнующих и громких проблем сегодняшнего дня. Но именно эти, порой едва заметные и трудно уловимые изменения в сознании людей, миллионы скрытых сосудов и нитей сопрягаются со всей масштабной жизнью современного человека, определяют саму правоту и возможность больших общественных изменений. Писатель, как никто другой, сознает, что реальность жизненных перемен выражается не только в политической воле, законах и государственных решениях, но и в готовности каждого отдельного человека принимать их и следовать им, что проблемы государственные, национальные и социально-политические сопрягаются с внутренней жизнью каждого члена общества.

Отсюда своеобразный выбор героев и событий в произведениях писателя, где сюжет зачастую бывает весьма прост и обычен, но именно в обыкновенности героев, их жизни и поступков заключается значительное типологическое обобщение современной жизни в ее характеристиках.

Сюжет рассказа «Пара слов»¹ несложен и восходит к обыкновенному «жизненному анекдоту», хотя отнюдь не смешному. Достигший материального благополучия и зрелого возраста удачливый человек, довольный своей судьбой, своей семьей, решением деловых и личных проблем, полагает, что в их с женой жизни должен начаться новый этап: теперь можно расслабиться, уделить больше внимания друг другу, пожить «для себя». Он приглашает супругу поехать на дачу, на природу и провести там красивый день вдвоем в честь начала их новой жизни.

Внешне все складывается чрезвычайно удачно: веселая поездка с анекдотами и шутками, замечательная погода, красивые места. Ни герой, ни героиня не имеют имен — это «он и она», «муж и жена», «мужчина и женщина». И не случайно, потому что таких пар миллионы.

¹ Улугбек Хамдам. Ватан ҳақида кўшиқ — Т.: Akademnashr, 2014, с.491-500. На русском языке рассказ опубликован: Улугбек Хамдам. Забытая мелодия ная. Т.: Муҳаррир, 2013, с.164-173. Перевод С. Бекмурзаевой.

Если не знать финала рассказа, то при поверхностном чтении можно и проглядеть кое-какие детали, которые уже в самом начале повествования тревожат,стораживают. Обнаруживается то, чего сами герои не заметили ни по дороге на дачу, ни на всем своем жизненном пути: «На пороге их встретило словно обновленное чем-то время года. «Посмотри, жена, осень приехала вместе с нами. Вот ведь как, а мы и не заметили...»¹ (164).

Символика грустной осени усугубляется описанием новых «смушающих» обстоятельств. Так, например, замечательна оговорка мужа, провозглашавшего программу их новой жизни: «Я же сказал, теперь будем жить только для себя, для Вас!» (167). Смушает и несколько книжная высокопарность его фраз, обращенных к жене: «Лучше подойдите и посмотрите в зеркала моих глаз, в них Вы все еще та же, совсем не изменились...» (164–165). Или: «О чем вы задумались, моя принцесса?» (167).

Затем следуют не менеестораживающие размышления автора об особенностях названия реки, на берегу которой расположена дача – Захарик-даре. И в самом деле, это большой приток Чирчика, почти такой же, как сама река. Интересно: с одной стороны, вроде, река, а с другой – арык!² Да еще вдобавок и в самом названии притока есть слово «зах»³. Но ведь там, где протекает река, должна быть и «сырость», «Забавно, каждый, глядя на Захарик-даре, может увидеть в ней что-то свое... Жизнь, как утверждают некоторые философы, это наше представление о ней, не так ли? Человек сталкивается лицом к лицу с тем, что жаждет видеть...» (165–166). Все это звучит как некое предостережение о несовпадении кажущегося и реального, видимого и сущностного.

Озадачивает и то, что жена при всем ее наружном радушии не торопится отвечать на ласки расчувствовавшегося мужчины, словно хочет уклониться от них: «мужчина поднес к своим губам пальцы женщины и по одному стал целовать их...»

– Успокойтесь! Что будет с пловом? – жена сразу же встала с места...» (166).

Однако ничего этого не замечает муж, увлеченный своим красивым замыслом осчастливить жену.

Неожиданная развязка наступает, когда супруг случайно подслушивает телефонный разговор жены с подругой: «...День какой-то бестолковый, я просто умираю от скуки. Придумаю какую-нибудь причину, чтоб вернуться пораньше... Приходи ко мне вечером, развеем тоску...» (168). Характерное для жанра рассказа событийное «вдруг» переворачивает весь праздничный день, настроение и дальнейшее состояние супруга. Неожиданно обнаруживается так просто и буднично вся ложь их прежней (а, значит, и теперешней) жизни, и герой вместе с читателями мучительно задумывается, почему и как это могло произойти, как могло оставаться так долго нераскрытым и незамеченным в их многолетней, внешне счастливой жизни. Рушится идеальный день, рушится идеализированная версия их совместного бытия. Рушится для героя повести и иллюзия его идеальности как мужчины и мужа.

«Но если она чем-то недовольна, то почему она об этом до сих пор молчит, почему не откроется? Почему до сих пор улыбается мне, до сих пор так смотрит? Не прекословя, делает все, что ни скажу? Ведь такая жизнь ей не нравится, она для нее несносна?!» (172) – задается вопросом супруг.

Первым порывом героя было подозрение, нет ли здесь женской измены, неверности.

Но честный и объективный анализ поведения жены делает для супруга эту версию невозможной, приходится отказаться от банальных подозрений и погрузиться в более глубокий и мучительный анализ. «Но почему же тогда жена сказала те слова, назвала такой прекрасный день «бестолковым»?...» (171–172).

В итоге муж оказывается не в состоянии найти удовлетворительного объяснения и наладить с женой доверительные отношения, а его семейная жизнь осознается им как неудавшаяся от начала до конца, «и до такой степени, что светлая сторона прежних дней, погрузившись в темную, утонула в ней. А потом... потом все оказывалось еще хуже: нынешние бессмысленные моменты жизни поглотили без остатка те содержательные, которые были в прошлом... стали разедасть всю жизнь, даже те ее частички, которые давно уже превратились в прошлое» (173).

Но если несчастный супруг не смог найти ответа на мучившие его вопросы, то нам и читателю необходимо это сделать. И в этом отношении важной подсказкой для понимания интриги рассказа является знание того, с какой целью и какими человеческими идеалами осуществляет автор художественный анализ действительности,

¹ Здесь и далее текст рассказа цитируется по русскому изданию: Улугбек Хамдам. Пара слов // Забытая мелодия ная. Т.: Мушаррир, 2013, с.164–173. В скобках указываются номера страниц.

² С узбекского арык – канава.

³ С узбекского зах – сырость, влажное место; здесь «стояние затхлые грунтовые воды».

что для него является главным в понимании человека и жизненных ценностей. Безусловно, это идея первичности и самоценности человеческой личности. Идея личности – ключ к пониманию всего творчества Удугбека Хамдама. Важна не только принадлежность человека к группе, классу, народу, обществу, вере, семье – но личность в ее первозданности, в ее условной независимости от всего другого – остальным она лишь обретаема впоследствии. Люди могут быть неравны по социальному положению, бедности – богатству, близости к власти – удаленности от нее, но они остаются природно равнозначимыми как личности и тем более, в семейных отношениях, в естественном праве каждого на полноту жизни.

Намеком на разгадку психологического конфликта в рассматриваемом рассказе является фрагмент разговора мужа с женой:

– Сейчас... поведу вас к реке, вниз!

– Как бы не утонуть...

– Не бойтесь, до сих пор мы не отпускали Вас плыть по течению, будем беречь и впредь...(165)

Эти слова о непереносимости «плыть по течению», сказанные от «мы», свидетельствующие не столько о неустанном внимании, сколько о неусыпном контроле – важная психологическая составляющая характеристики взаимоотношений главных героев. Жена всегда текла по течению жизни так, как направлял ее он. И, возможно, что он любил не ее саму как отдельную самостоятельную личность, но как свое продолжение, приложение к нему, к его жизни.

А начини она говорить правду, стал бы он слушать и принимать всерьез ее недовольство? Считал бы он тогда свой выбор и семейную жизнь удачной? И не стала бы ее жизнь в результате еще более трудной, и внешне и внутренне?

Жена вовсе не обманывает мужа – она просто честно выполняет свой долг, свои обязанности, как она понимает их и как ей внушали: не жаловаться, не портить настроения мужу упреками, сомнениями или опасениями и не претендовать на особое личное внимание, если он соблюдает приличия. Нет, она не коварная обманщица, успокаивающая своего мужа ласковым и послушным поведением. Она просто делает все, что положено делать воспитанной жене, и не требует и не ждет личностного равенства в их отношениях, поступая так, как ей внушали поступать в отношении мужа: да, он твой мужчина, но он старший и главный в семье, а ты, конечно, жена, ближайший человек, но все-таки подчиненный. И если муж что-то не так сказал или сделал – терпи, не подай виду; только прошением, лаской, улыбкой и добротой достойно добиваться от него чего-либо. А если этого не получается, что ж, такова твоя судьба – смирись, терпи и не подавай виду. Здесь человеческие идеалы У. Хамдама сталкиваются с параллельным существованием достаточно распространенной системы отношений, где личное чувство в семейной жизни желательно, но вовсе не обязательно. И хотя герой рассказа ищет в своих отношениях с женой именно личностного начала, он сам находится под существенным воздействием этой системы.

Свое поведение в тот праздничный день муж явно понимает как некий подарок, как нечто «сверх плана и обязательств», как проявление особого великодушия, поощрения подчиненного за многолетнюю хорошую службу.

Муж во многом размышляет, как размышлял бы администратор, глава «семейного предприятия», которому подчиненные, желая быть «деликатными» и не брать на себя неприятную миссию – расстраивать шефа, не сообщили правды о подлинном состоянии дел. И сейчас для него первичен вопрос: «Почему она не говорила мне правду?», – а не вопрос-сомнение: «Неужели она меня не любит и виноват ли в этом я?» Так и начальник не желает задуматься: неужели он был так строг, что сотрудники предпочли развалить дело, но не сказать ему правды, когда еще можно было что-то исправить.

Ему казалось, что она любит именно его, что именно он, такой как есть, ей нужен. Ему не хотелось думать, что ее поведение продиктовано только воспитанием, тем, что она вела себя всего лишь КАК ПОЛОЖЕНО, как ее готовили для брака и выполнения женского долга, и что так же она выполняла бы этот долг, возможно, в отношении всякого другого, кого сделали бы ее мужем. Потребность индивидуальных, личностных отношений столкнулась со стандартом поведения. Но само это воспитание как стандарт разве предполагало первичность личного чувства?

Ей с юности объясняли, что быть счастливой (точнее, выглядеть счастливой) – не обязательно результат жизни в любви с избранным человеком, это одна из семейных обязанностей, кто бы ни был ее мужем и каким бы он не оказался. Ее готовили не к любви, а к семейному сервису, в то время как герой полагал именно наличие любви. Здесь уместно вспомнить поэтическую формулу Горация: «Любовь не ищет равенства, ибо она сама по себе уже есть равенство». Было ли такое личностное равенство между супругами?

Почему только теперь он замыслил сделать их жизнь праздником и относиться к жене по-особому? Почему прежде не относился к ней так? Зачем надо было разделять время долга и время любви и этот задуманный праздник откладывать на столько лет?

Однако не будем чрезмерно строго судить героя рассказа. Да, он мог бы действительно не услышать тех злосчастных слов, которые, увы, услышал, мог действительно остаться на всю жизнь в заблуждении, что в его семье и в его отношениях с женой все идеально. Но, возможно, что и нет, возможно, что эпоха сменилась не только в их семейной жизни, но и шире – и значимость личности и потребность в личностном начале возросли. Ведь проще всего мужу было сказать жене, что она «дурочка», не понимает и не ценит своего счастья, что она набралась дурацких претензий от своих глупых подруг, устроить ей скандал, сказать, что он слишком ее баловал, что она позволяет себе быть недовольной тогда, как в других семьях столько нерешенных проблем. Он мог запретить ей встречаться с подругой (она не только подчинилась бы, но еще и покачалась). То есть он мог сделать все, чтобы не обвинять самого себя. Но он не делает этого, не обманывает себя, а напряженно ищет. И сам факт того, казалось бы, внезапного и чуждающегося решения – начать новый этап их совместной жизни уже в солидном возрасте, жить «для нее» – разве это не указывает на наличие, может быть, не вполне осознанных ощущений, что в их отношениях было что-то нереализованное, какая-то неполнота, что надо все-таки что-то менять. Выходит, ему уже не стало хватать того гарантированного покоя и счастливых иллюзий, которые он получал от послушания жены.

Автор не показывает одну, казалось бы, важную подробность – само начало этого брака: был ли он результатом личного выбора молодых людей или родители с самыми добрыми намерениями соединили их. Но важно не исходное, важно, что в поведении мужа столкнулись две установки, два понимания самой организации семейной жизни – поддерживать в семье старинный уклад с безусловным главенством мужа и подчиненностью жены, или дать волю искреннему чувству и устраивать праздник жизни не через 20 лет, а с самого начала. У героя-мужа был выбор: следовать всей полноте своего чувства (а по его утверждению, пусть опять несколько книжному, «он всегда был готов в любую минуту следовать за ней всюду...») или же поддерживать пресловутое мужское старшинство: не слишком баловать ее, не демонстрировать свою любовь открыто, все контролировать, предугадывать, требовать. Так или иначе, герой выбрал второе, хотя хранил мечту о первом.

Казалось бы, какое отношение этот жизненный «анекдот», случайное событие в жизни неидеальной пары может иметь ко всей полноте современной общественной и национальной жизни? Мало ли какие «открытия» обнаруживаются в семье. Однако, анализируя литературное творчество Улугбека Хамдама, мы всегда обнаруживаем глубокую общественную подоплеку в любом его сюжете, мотивах поступков и мыслях героев, продикутованные не только их индивидуальными характерами и личностными склонностями, но и психологическими трансформациями, обусловленные воздействием нового времени. Необходимо проследить не показанную, но подразумеваемую цепочку многосторонних жизненных связей и процессов, иначе нам не понять, почему рассказ с таким сюжетом включен в сборник с символическим названием «Песня о Родине».

Автора волнует процесс становления личности людей нового времени, ибо именно сейчас формируется как новая государственность, так и новые характеристики национальной идентификации. В ходе этого процесса переоценивается и пересматривается все то, что досталось от культуры далеких предков и не столь далекого прошлого: что-то получает приятие и естественное развитие, что-то отвергается, что-то переосмысливается. Вместе с выходом на международную арену, активизацией международных контактов возрастает потребность в самонаблюдении, в умении видеть себя и наше жизнеустойчивость со стороны, сопрягая наши и инонациональные взгляды и оценки, что в литературном процессе определяет возрастающую значимость психологизма, присущего творчеству Улугбека Хамдама, позволяющего убедительно отобразить весьма непростой и далеко не завершённый процесс становления нового общественного уклада. Соответственно и в семейной сфере статус неповторимой личности, ее значимость могут уже не поглощаться и не исчерпываться механически только ее внутрисемейной и межсемейной ценностью.

У. Хамдам вовсе не собирается трансформировать базовые устои национальной жизни, социума и семьи, не собирается «причесывать» национальную жизнь европейской гребенкой, всерьез принимать упреки и прожекты поверхностных европеистов. В нем глубоко развито уважение к моральным требованиям своей религии, к исторической культуре и самоценности национального бытия. Он остается глубоко восточным человеком и национальным автором. Вместе с тем он уходит от упрощенных

трактовок в понимании Востока и его жизненной структуры, как чего-то застывшего и неизменного во времени, он внимательно слушает и улавливает внутренние душевные движения своих современников.

Его понимание ЛИЧНОСТИ независимо от социального статуса, семейного положения, пола, достатка и пр. предполагает уважение к индивидуальности уже в силу того, что люди достойны внимания сами по себе как создание Творца. Он хочет, чтобы права человеческого существа были осмыслены как права личности, имеющей возможность формирования и выражения своего мнения и своих чувств, и чтобы этим проявлениям находилось место в социальной системе: в семье, в общественных институтах, во взаимоотношениях старших и младших. Только это делает и социальные, и общественные, и семейные отношения надежными, дает шанс каждому человеку прожить достойную жизнь, не подвергаясь ограничениям и не унижая других. И если что-либо предстоит менять в жизненном укладе народа в силу самого хода времени, прогресса и естественного развития жизни, то именно на этой основе.

Полемика вокруг рассказа «Пара слов» показывает, что некоторым читателям, особенно русскоязычным, изображение семейной жизни персонажей кажется несколько утрированным и психологически уязвимым, им кажется, что за столько лет совместной жизни муж не мог не заметить и не оценить отношения жены к нему. Полагаем, что мог, и дело тут не только в специфике отношений в восточной семье. Во-первых, чем меньше любви и искренности в неудавшемся, но уже устоявшемся и потому осознанно необходимом браке, тем искренней может оказаться изображение благополучия. А во-вторых, и в русской классической литературе мы находим вполне близкие сюжетные параллели. В «Обыкновенной истории» И. Гончарова герой Петр Адуев утверждает, что жениться надо «не по расчету, а с расчетом», что «супружество супружеством, а любовь любовью», что любить надо «разумно»: надо обеспечивать материальное благополучие семьи и, любя свою избранницу, во всем контролировать ее, не отпускать жену «плыть по течению». Он полагал, что лучше нее знает, в чем ее счастье. И в гончаровском романе чувства так же блекнут, а полнота жизни оборачивается душевной пустотой при всей видимости семейного благополучия.

Река чувств героев хамдамовского рассказа обратилась в стоячие воды, праздник жизни – в пересоленное и несвежее угощение, знаменательный день – в скучный и бесполовый, а для героя трагический. Ироническая фраза финала о той самой злостной паре слов – «ведь муж мог так никогда и не услышать этих слов...» (173) – обращена не только к читателю, но ко всему нашему обществу: успеть в быстрой и напряженной современной жизни без оправдательных ссылок на важность и масштабность совершаемых дел расслышать тихий внутренний голос каждого человека, разглядеть в нем особенную, неповторимую личность с ее природной потребностью внутренней свободы и полноты самоуправления, ибо именно это создает возможности и условия для формирования гражданского общества.

Кого не трогают чужие слезы, тот и радости не ведает человеческой...

Мать полководца засыпает с надеждой, а матери солдат – с тревогой...

Спрячьте дилетанты, мудрецы рассуждают!

Доверчивость беззащитного ягненка может пробудить великодушие и в волке!

литературоведение. литературная критика

КРАСОТА ПОИСКА**Рецензия**

Фархад Хамраев – фигура известная не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. Его исследования выделяются глубиной мысли, отточенностью фраз и лаконичностью. И очередная книга Ф. Хамраева «Красота поиска», вышедшая в издательстве «Akademnashr» в 2014 г. не стала исключением.

Книга, состоящая из трех разделов, начинается авторским вступлением, предисловие к выпуску написал известный ученый в области узбекской литературы Наим Каримов.

В своей вступительной статье, Н. Каримов подтверждает справедливость народной поговорки: «Яблоко от яблони далеко не падает». Фархад Хамраев своими работами доказывает, что он достойный сын своего отца – известного филолога, в 42 года ставшего членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР. Я полностью солидарен с мнением Н. Каримова, который пишет о Фархаде Маратбековиче: «Если бы он мог всю свою жизнь отдать литературе и искусству, у нас тоже мог родиться свой Бахтин, свой Лотман, свой Барт или свой Жак Деррида». Несмотря на переход на дипломатическую работу, он следит за литературным процессом, о чем свидетельствуют его литературоведческие статьи. Работы его востребованы и вызывают интерес у читателей и филологов-специалистов.

В первом разделе автор исследует жанры уйгурского фольклора, выявляет специфику и историю развития пословиц и поговорок уйгурского народа. В процессе исследования он столкнулся со многими проблемами уйгурской фольклористики: неразработанность дефиниций жанровых форм, недостаточность систематизации и классификации жанров и жанровых разновидностей уйгурского фольклора. Опираясь на теоретические изыскания авторитетных исследователей фольклора, таких как Ч. Валиханов, В. Я. Пропп, К. В. Чистов, В. П. Аникин, В. Гусев, Н. Кравцов, С. Лазутина, Б. Сарымсаков и др., он дает схему жанров уйгурского фольклора и подчеркивает, что она «не является чем-то застывшим...», он понимает, что при глубоком исследовании можно расширить представленную им классификацию. Ф. М. Хамраев является знатоком пещерно-культавой архитектуры Восточного Туркестана архитектурного ансамбля «Мын уй». Подробно исследуя надписи и рисунки сделанные в пещерах, автор находит в них следы заимствований из других культур, например, индийской в технике и манере исполнения. Традиции живописи «Мын уй» прослеживаются у современных художников Лекима Ибрагимов и Медата Кагарова, которые изучив, продолжают творчески развивать национальные

**Нурғали
СЫЗДЫКБАЕВ**

Родился в 1971 году в Сырдарьинской области В 1995 году окончил факультет русского языка и литературы УЗГУМЯ. Работает на кафедре мировой литературы и теории литературы УЗГУМЯ. Автор более 50 научных публикаций.

уйгурские традиции живописи.

Второй раздел книги открывает статья о древних письменных памятниках. Материал отличается глубиной и scrupulousностью исследования, фактологическая точность, включение в текст новейших сведений и материалов периода независимости. Особое внимание привлекают литературоведческие статьи, характеризующие Хамраева не только как знатока истории отечественной литературы, теории литературы и сравнительного литературоведения, но и как тонкого знатока теории перевода, о чем свидетельствуют его размышления о переводе стихов А. Арипова различными переводчиками. «Это не означает, что рассмотренные выше переводы не отвечают высоким художественным требованиям. Наоборот, они в силу поэтического таланта переводчиков весьма неплохо звучат на русском языке. Но, как известно, нет предела переводческому совершенству».

Одним из первых Ф. Хамраев написал статью о талантливом, безвременно ушедшем из жизни поэте М. Юсуфе на русском языке. И именно благодаря его статье русскоязычный читатель открыл для себя творчество М. Юсуфа, юбилей которого широко отмечался в прошлом году. В своей статье он дал глубокий литературоведческий анализ стихов поэта, переведенных им на русский язык. В своих переводах Хамраев умело передал своеобразие поэтического восприятия мира, невероятную пластику и яркую образность стихов поэта. Рассматривая поэзию М. Юсуфа, автор сумел тонко уловить основные струны мелодики стихов «узбекского Есенина», главной темой лирики которого была тема любви к Родине, о которой поэт никогда не устал говорить. В своих переводах Ф. Хамраев сумел передать народность его поэзии.

Диапазон интересов исследователя Ф. Хамраева широк, он занимается не только классической литературой, но и современной, не только региональными литературами, но и мировой. Сопоставляя творчество поэтов средневековья Машраба и Басе, он проникает в самые глубинные пласты их произведений, находя точки соприкосновения и в биографии поэтов, и в их художественном творчестве. Каждая теза, выдвигаемая автором, доказывается глубоким анализом текста.

Третий раздел включает литературоведческие статьи о датской, казахской, японской, русской и киргизской литературах. Обращение Ф. Хамраева к произведениям мировой литературы свидетельствует о его эрудиции, начитанности, профессионализме. Он раздвигает границы интереса к литературе, подтверждая тезис о том, что «культура не знает границ», и только взаимодействие и взаимовлияние культур и литератур способствуют обогащению и сближению национальных культур.

Друзья познаются в еде, когда ее нет...

Замалчивая несправедливость – пожинаем Зло...

Если любопытство покинуло Вас, значит, уже пора писать мемуары...

***Человек – звучало бы гордо, если бы не забывали,
что слово пишется с большой буквы!***

НОВЫЕ ИМЕНА

**Я ждала в каждом шаге
дождя твоего возвращенья...****Есть ли место тебе...**

Есть ли место тебе в моем измышляемом мире...
 Если ночь так пуста, отвечая на мысли мои?
 Это будешь не ты – проходящий по краю картины.
 Это будешь не ты. Мне знакомы дороги твои.

Мне не хочется быть за воротами тайного города,
 Огибать эти крепости, глядя на башни церковей.
 Я хочу в твою сказку, где песнь обреченно и молодо
 Рвет гитарные струны и тяжкие звенья цепей.

Ты ушел, растоптав все законы нелепой вселенной,
 Эти детские идолы,клады моих островов...
 Что я сделаю с пеплом и с вихрями пыли и тлена?
 Мне не выстроить замков на месте потухших костров.

Я просила тебя у фантомов, рассветных видений,
 Ты – мой призрак в доспехах, чарующий ласковый сон.
 Я ждала в каждом шаге дождя твоего возвращенья.
 Так ждут война домой, в беспокойстве неспящих окон.

Все расставания одинаковы

И не так уже ново, знаешь, в который раз
 Объяснять всем, что мы были разными.
 Писать друзьям смс-ки сопливо-грязные.
 Надоест всем и думать, что кроме нас
 Не понять никому, на чем это было замешано
 Между мной и тобой, знаешь, как вдруг умолкает музыка,
 И наступившая тишина – как прозрение и облегчение,
 Послевкусие, в котором столько мыслей и ощущений.

Так и мы... теперь стали фантомами,
 Мы – лишь в сонных картинах прошлого,
 В тесном, нежном тепле между сомкнутыми ладошками,
 В подлинной близости, до которой не докричаться уж...
 Это время, когда все было
 Так прекрасно и так бессмысленно,
 Словно боги играли в рай человеческими фигурками.

Анастасия ЭМ

Родилась в Андижане
 в 1988 г. Студентка
 4 курса факультета
 журналистики
 УзГУМЯ.

Стихи пишет
 с детства. Публи-
 ковалась в газетах
 «Класс», «Пре-
 стиж TV». В «Звезде
 Востока» публикуется
 впервые.

Ранние рассветы над Монровиллем

Дай мне немного времени...
Обиты пороги чужими, пришлыми...
Топот ног в коридорах...
Постукивает давление,
И неспешны дороги
В сравнении с мыслями.

Дай мне немного времени...
Я решу, быть ли первому шагу,
Завучит ли зов крови
В брэнном теле без роду и племени?

Вот бескрылое небо
Над безлюдными крышами дышит.
Приходящее будет неслышно...
Так уходит поблекшее прошлое,
И бесформенное настоящее,
Где безмолвие – только пошлое,
А радость – исключительно вяшая.

Последняя ночь.
Одиночество, тишина и покой.
И вчерашние сутки теревить тонкопалой рукой.
Страх заморожен.
Нежность снега навстречу летит.
Пустынная трасса, и внутренний голос молчит.

Послушай... Я способна напеть ту забытую в детстве песню.
В трелях тоненьких горлышек
Она будет еще чудесней...

Черно-белые кадры и смутная, смутная,
Полудетская сказка, полувзрослая неодогадия...

Прости... ты, и все вы, простите
Эти странные слезы и нелогичность событий...

Пластинки шуршат...
Я приму неуместность протеста,
Утошу в этих образах...
Пойми, в этом чокнутом сердце
Остается немало места.

В ожидании ранних рассветов
Ты уймешь эндорфины, и прочую химию,
И увидишь: все просто и так нелепо,
И тебе станет легче вести эту линию.

В этой ясности, трезвости, в этом прозрении
Оставайся со мной, обними, удержи меня...
Я и так бесконечно устала теряться во времени.

Скован дом души

Скован дом души грязным дождичком,
В окна глаз влились грустные помыслы.
Что останется под одеждами,
Если плоть взорвать диким голосом?

Были, были все краски нежными,
Сердце – бешеным, чистым, огненным,
А теперь как принять форму нужную?
В кандалы цепей руки вогнаны.

Вспоминай меня неуклюжую,
Пятилетнюю, в белом платьице,
Между нами жизнь – не дотянешься,
Хрупкий мир внутри в брэнность катится.

Снова зов во мне. Ты останешься.
Теплым прошлым днем на груди моей.
Тот, кто был со мной вечным паводком,
В ярком звоне брызг голубых ключей...

...А когда весна разобьет меня,
Знаешь, кротко что пророню в ответ?
Только имя твое – тихой звездочкой,
Тот, кого со мной больше рядом нет.

Мне не больно

Мне не больно бросать слезный крик в пустоту,
Быть отравленной сладким проклятьем.
Умоляю, впусти, я с улыбкой войду.
Ведь на мне карнавальное платье.

Дай мне искру тепла, дай частицу себя,
Подари мне мгновение тайны...
Страсти требуют жадно другие тела,
Я безгласно прошу подаяния.

Дай мне слово, дай взгляд, притворись, что я есть,
Что жива и цветиста страница.
Мне так страшно печать безразличья прочесть
В бесконечно приветливых лицах.

Дай мне хрупкие грезы твои охранять
Многоокой, вневременной силой,
И, проснувшись, тебя в смуглый лоб целовать,
Словно вновь обретенного сына.

Солнце мое

Приди, мое солнце,
Мое грустное, печальное солнце,
И лучистой улыбкой
Разгони облака над моей головой.
Я жива. Это точно.
А неверие – лишь оболочка.
Я несла сквозь века,
Спрятав в полу плаща, твой гобой.
У меня вид скитальца...
Но нежны и легки мои пальцы.
Они жали на клавиши
Так же медленно, как на курок.
Слез следы на асфальте
Оставляют презренные нами страдалцы.
Мне не нужно любви...
Лишь вдохни в меня света глоток.

Мистерия

Я по пальцам считаю вихри,
Я секундами меряю дни,
Ветхой шалью, чертенком, вытри
Пыльных стульев худые пни.

Голозубо хохочет осень
И плетет одиночества клеть...
А наступит декабрьская проседь –
Мне внутри предстоит умереть.

Время тихо запрет на засовы
Моих дум одичавший дом.
Здесь когда-то летало слово,
Прорезая покой серебром.

Почтальон зачеркнет мой адрес,
А чертенка отправят в приют.
Но пока что мне всякая радость
Стынь и мрак превращает в уют.

Острый серп полуночи ушербной
В плесень тучи ехидно глядит.
Он сегодня так желто, так скверно
Лоб мой мраморный холодит.

Воеет ночь.
Ах, чертенок, скройся...
Мне теперь никогда не уснуть.
Все вычерчивать в воздухе кольца
Да в могильную дудку дуть...

Вима Вендерса последыш

Когда ребенок был ребенком,
он улыбался в ответ на улыбку солнца.
Он останавливался
там, где другие проходят мимо.

Когда ребенок был ребенком,
ему нравились больше
пластиковые, чем золотые кольца.
Он держал вострохвостую ящерку
в коробке из-под зефира.

Когда ребенок был ребенком,
не было нужды объяснять
ему, что это значит – любовь.
В его чистых глазах была гладь.

Когда ребенок был ребенком,
он не использовал лишних слов...

Когда ребенок еще не был взрослым,
он был частым гостем
чужих фруктовых садов.
А вислоухий шенок был его самым преданным спутником.

Когда ребенок еще не стал взрослым,
сияющий ангел ему был заступником.
И много серьезных и важных вопросов
он задавал всем с любопытством и радостью.

Когда ребенок был ребенком,
он отличался заливистым смехом и конопатостью.
А еще ему нравилось
вертеть головой и прыгать на одной ножке.

Когда ребенок был ребенком,
вечность умещалась в его горячей ладошке.
И – как сейчас – он грустил, а не злился, когда обидно.
И – как сейчас – он мудрил, но улыбался наивно.

философия искусства

Инна ГОРЛИНА

Балетмейстер, профессор ТГВШНТИХ. Окончила ГИТИС. Автор монографий и многочисленных статей по проблемам балетного искусства, национального танца, вопросам педагогики хореографии. Публиковалась в республиканских и зарубежных журналах и научных сборниках. Автор балетных либретто (3), сценариев на телевидении (5), балетмейстер-постановщик 18-ти спектаклей.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО И ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Сегодня, как никогда, важно обобщить накопленный опыт по подготовке творческих кадров в области хореографии и формированию гармонично развитой личности, отвечающей требованиям сегодняшнего дня.

Идея воспитания гармоничной, всесторонне развитой личности отражает постоянное стремление человека к овладению достижениями как национальной, так и общечеловеческой, мировой культуры, к духовно-нравственному и физическому совершенству.

«Массовой культуре, с завидной энергией вторгающейся в нашу жизнь, следует противопоставить высокую культуру, имеющую народную, национальную основу, – в этом одна из задач эстетического и нравственного воспитания», – писал академик Д. М. Лихачев¹.

Каждый народ в своем творчестве утверждает присущее ему представление о прекрасном, собственный идеал красоты. Особое внимание должно быть уделено возрождению самобытности национальной культуры, а это значит, что необходимо возвращение к духовным истокам народа, его корням. Для решения задач духовно-нравственного, эстетического воспитания, особенно молодого поколения, важно бережное отношение к ценностям национальной культуры, наполнение новым содержанием народного танца, слияние традиций и современного содержания.

Хореография (от греч. choreia – пляска и grapho – пишу). Первоначальное значение этого вида искусства – запись танца. Затем под этим термином стали понимать искусство сочинения танцев и балетов. С конца XIX в. термин «хореография» означает танцевальное искусство в целом; во всех его разновидностях: народный, классический, исторический, современный, джаз-танец, цирковой, эстрадный и т. д. Необходимо подчеркнуть, что хореография – это синтетический, зрелищный, пространственно-временной вид искусства.

В современной хореографии различается танец бытовой и сценический. На протяжении всей своей истории профессиональное искусство хореографии опиралось на народный танец, заимствовало и претворяло многие его элементы. Танец связан с судьбой, обычаями и традициями народа, его надо рассматривать в философском аспекте.

Танцевальное искусство дает зрительно-эмоциональное наслаждение от красоты движений, от гармоничного сочетания музыки и танца, чувство радости и общности; оно обладает

¹ Лихачев Д. М. Экология культуры. // Памятники Отечества. 1980. № 2.

большой силой воздействия на эмоциональную сферу человека, воспринимается как особая эстетическая ценность, поэтому ему отводится важная роль в эстетическом воспитании личности. Не случайно, наверное, на таких больших всенародных праздниках, как «Навруз», «Мустакиллик», стержнем программы является народная танцевальная культура, выполняющая важнейшую функцию социализации людей и, в первую очередь, молодежи.

Будущей дисциплиной в подготовке руководителей хореографических коллективов (РХК) является «Искусство балетмейстера». Руководитель – это не только балетмейстер, но и педагог, и психолог, и организатор. И от него, его понимания, его мировоззрения, его умений, как правило, во многом зависит жизнь творческого коллектива. Поэтому подготовка руководителей хореографического коллектива – важная педагогическая и государственная задача.

Главной задачей в подготовке РХК является возрождение, сохранение и обогащение исторических традиций узбекского танца, искусства хореографии, создание современной школы национального танца в Узбекистане. Руководитель хореографического коллектива определяет направление всей художественной жизни коллектива, его духовно-нравственный и эстетический потенциал, руководит созданием сюжетов исполняемых произведений танцевального искусства.

Интересен инновационный метод создания хореографического спектакля «Анор-байрами» («Праздник граната»), показанного на Республиканском фестивале узбекского фольклора и традиций студентов вузов «Хазина» во Дворце культуры Национального университета Узбекистана. Этот праздник, считавшийся традиционным во многих областях Узбекистана в начале еще прошлого века, взят из воспоминаний Тамары Ханум, которая назвала его «Гранатовым пиром». Дыханием воздуха родной земли наполнилась эта хореографическая работа, интерпретация узбекского народного танцевально-го искусства в сценический танец.

Сохранение содержательности, выразительности в искусстве танца, подчинение всей его технологии задаче раскрытия мысли произведения – основная задача постановки танца.

**Хореографический спектакль
«Путешествие по Великому шелковому пути»**

Интересен в этом плане хореографический спектакль «Путешествие по Великому шелковому пути», поставленный на сцене ГАБТа им. А. Навои. Средствами хореографического искусства было продемонстрировано, как в странах, которые соединял

Великий шелковый путь – от Китая до самой Западной Европы – происходило взаимодействие и обогащение культур. Воздушная ткань в руках танцоров, олицетворявшая шелковый путь, пластически трансформировалась то в идущий караван, то в барханы, то в горы Апеннинского полуострова¹.

Если в «Анор-байрами» выразительные средства – танцы жителей различных областей Узбекистана, в «Путешествии по Великому шелковому пути» – танцы народов, через территорию которых проходил шелковый путь, то в спектакле «Зал танцующих масок» главным выразительным средством стало хорезмское танцевальное искусство. Оно, как ослепительная жемчужина хореографического наследия нашего края, всегда доставляет зрителю радость и эстетическое наслаждение яркой выразительной формой, непосредственностью и свежестью чувств, эмоциональной открытостью и темпераментом.

«Зал танцующих масок»... так называли один из залов всемирно известного дворца хорезмшахов Топрак-кала (II-III вв. н. э.) из-за найденных здесь глиняных скульптур и танцующих фигур на барельефных панно. В свете позднейших археологических работ было высказано предположение (Ю. А. Рапопорт), что этот зал был святилищем Анахиты – великой богини иранского пантеона, олицетворявшей плодородные силы природы и особенно священных вод; культ огня и династические культы также были тесно связаны с этим образом².

«Зал танцующих масок» представляет несомненный интерес с точки зрения вопроса о характере и значении ритуалов и ритуальных танцев, проходивших во дворце хорезмшахов в период позднеантичного Хорезма. Ту роль, которая впоследствии выпала на долю театра и музыки, первоначально выполнял танец – наиболее впечатляющее искусство. Обряды Анахиты проходили очень оживленно, бурно, сопровождались разными драматическими диалогами, хороводами и танцами³.

В спектакле «Зал танцующих масок» как бы оживают обряды и ритуалы той эпохи, реконструируются через призму хореографического искусства, обогащенные фантазией и художественным вымыслом. Начинают и заканчивают «действие» масхарабозы. В центре спектакля образ богини Анахиты. Ее образ раскрывается через стихию воды. Взаимосвязи Хорезма, влияние и взаимопроникновение культур были показаны через образы Иранской, Греческой, Индийской богинь.

Жрицы огня с помощью Анахиты зажигают священный огонь. Все это происходит в красивом, завораживающем танце-ритуале. Здесь представлены разные танцы: комический «Хуроз уриштириш» («Бой петухов»), традиционно-бытовой «Норим-норим» и классический – «Ушлини уфориси». Одна из заключительных сцен «Космос, движение планет» построена на космогонической тематике древней зороастрийской книги «Авеста» и изображает как бы круговорот жизни, переданный посредством драматургии, музыки и танца.

В результате чего происходит познание истории, археологии, танцевального фольклора, синтеза различных искусств.

В этих постановках наметилась следующая тенденция: создание общей творческой работы исполнителей, присутствие единой темы, каждый танцевальный номер несет свою смысловую нагрузку и в то же время развивает драматургическую линию хореографического произведения.

Безусловно, такие спектакли не только доставляют эстетическое наслаждение, интеллектуально обогащают, но и творчески развивают личность, воздействуют на ее творческий потенциал, а «развитие творчества представляет собой одну из центральных линий личностного развития; именно оно позволяет человеку проявить свою индивидуальность и уникальность»⁴.

¹ Ширшова О. «Усто» – значит Мастер. // Ж. Этносфера – 2012. №3, Москва.

² Топрак-кала. Дворец. – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. XIV. М.: Наука, 1984.

³ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960

⁴ Яковлева Е. Л. Психология развития творческого потенциала личности. – М., 1997.

проза

ДОМ СО ШТОРАМИ

Рассказ

В густых зарослях травы кипела своя жизнь. Муравьи сновали туда-сюда, беспечно порхали мотыльки, собирали нектар пчелы, жучки спешили куда-то. Тихо. В дальний угол заброшенного сада не долетал шум улицы. Вадик любил убежать сюда, прятаться в высокой траве и слушать тишину, наблюдая за букашками. Дом он не любил. Большой мрачный особняк с окнами закрытыми от постороннего глаза темно-зелеными шторами. В комнаты не проникал свет. Было прохладно, отдавало сыростью. В чулане пахло мышами. В этом доме Вадик жил с мамой и бабушкой. Отца своего он не знал. Мама на всю неделю уезжала в город на работу, и Вадик оставался с бабушкой. Он не любил ее. Часто подслушивая разговоры старших, он слышал, как бабушка упрекала маму:

– Зачем ты родила от этого пьяницы? Ты посмотри, Вадька – копия своего отца. Он же дебилом растет. Будет бандитом. Как отец, в тюрьму сядет.

Мама плакала и тихо просила бабушку:

– Мам, ну перестань. Не трави душу.

Вадьке жаль было мать, но он не знал, как защитить ее, не мог обнаружить себя. Он не знал, что означает слово «дебил», но понимал, что оно очень плохое. Перечить бабке он не смел. Слишком хорошо запомнился черный сырой чулан с мышами, куда бабушка закрывала его в наказание за малейшую провинность. Он мстил ей по-детски: запутывал пряжу, прятал очки, которые они потом вместе искали, вернее Вадик делал вид, что искал. Главное, чтобы бабушка не догадалась о злом умысле. Вадик с нетерпением ждал приезда мамы, которая всегда привозила что-нибудь сладкое, жалела его. Он любил, когда мама укладывала его спать, садилась на краешек кровати и рассказывала сказки. Но их встречу всегда омрачали бабушкины излияния. Она припоминала все Вадькины проказы, сдабривала хорошим соусом из своих домыслов и фантазий и обрушивала на мамину голову. Уставшая мать кричала на него, срываясь, давала затрешину, а потом плакала у себя в комнате. Вадька убежал в конец сада, прятался в своем излюбленном уголке и тоже плакал. Плакал от обиды, плакал из жалости к маме, плакал от бессильной злости на бабушку. Однажды, когда мама укладывала его спать, он спросил ее не по-детски серьезно:

– Мама, почему ты родила меня от такого папы? Почему ты не нашла мне другого папу, хорошего? Я бы тогда не был дебилом, – и он печально опустил глаза, боясь встретиться с ней взглядом.

Этот вопрос, как заноза, сидел у него в душе, саднил, болел и не давал покоя.

– Не думай об этом. Ты вовсе не дебил. Ты хороший мальчик, – и мама тихонько заплакала. Она часто плакала теперь. Вадя почти не слышал ее смеха. Когда у нее было хорошее настроение, она лишь улыбалась мягкой доброй улыбкой.

Вадька часто рисовал что-то на бумаге простым карандашом, но никому не показывал. Он хранил рисунки в своем тайнике за печкой. Однажды их нашла бабушка и, не задумываясь, сожгла. Вадька вбежал на кухню, когда догорал последний листок в печи. Ему казалось, что огонь сжигает его самого.

Вера ВАВИЛОВА

Родилась на Урале в 1952 г., окончила Куйбышевский медицинский институт. С 1974 г. живет в Ташкенте. В 1988 г. окончила биологический факультет ТГПУ им. Низами. Поэт, прозаик, публицист.

– Ты ведьма! Ты плохая! Я ненавижу тебя! – закричал он и швырнул тарелку с супом на пол. Он не успел увернуться, как жесткие пальцы бабушки крепко схватили его за ухо и потащили в чулан.

– Змееныш. Я тебе покажу, как продукты швырять! Ты у меня до утра жрать не будешь.

Вадя сидел в темном чулане. Ухо пылало огнем от боли, а сердце – от обиды и бессилия: «Я ни за что не выйду отсюда, пока не приедет мама. Пусть я лучше умру от голода, но у бабки прощения не попрошу».

Он проснулся в своей постели. Вокруг суетились мама и доктор в белом халате. Вадя снова закрыл глаза. Врач говорила что-то непонятное о нервном срыве, о покое и что-то еще. Вадя понял лишь, что мама не поедет на работу, а останется с ним, и был счастлив. Болезнь затянулась на неделю. Ему давали горькие таблетки и микстуры, однажды даже сделали укол, когда у него поднялась температура. Но все эти неприятности были ерундой, он бы мужественно перенес еще двадцать уколов, только бы мама была рядом. Неделя болезни была счастливой порой. Даже бабушка не ворчала, а смотрела на него виновато и жалостливо, готовила вкусные обеды, баловала пирогами с вареньем и ватрушками с маком, которые он так любил.

Прошла зима, отзвенела капелью весна, наступило лето. На улице Вадю не выпускали. Бабушка боялась, что машина соьвет, да он и сам не очень хотел. Усадьба была большая. Есть где разгуляться. Улицу от дома отгораживал старый дощатый забор. Давно не крашенные доски стали серыми, кое-где покрылись мхом и сгнили. Через щели в заборе Вадя мог видеть, что творится на улице. Квочка с маленькими желтыми цыплятами разгребала лапами землю, искала корм. Когда она находила что-то вкусное, то громко кудахтала, и маленькие желтые комочки, толкаясь, сбегались к ней. Когда-то Вадик просил маму купить ему цыплят. Он представлял, как будет кормить их, давать воду и под сеткой выпускать на травку. Но мама категорически отказала ему, предвидя, что все заботы лягут на бабушкины плечи. Прильнув к забору, он наблюдал за происходящим на улице. Из калитки напротив вышла девочка с двумя хвостиками и пышными бантами, в коротеньких шортиках и маечке с блестками. В руках она держала скакалку. Вадя видел ее впервые. Наверное, городская. Он долго смотрел, как она умело прыгала через скакалку: то на одной ноге, то на другой, то скрещивая их. Это было здорово. Потом ей надоело скакать, и она скрылась за резной калиткой. Через минуту появилась с большой красивой куклой. Ему так хотелось поиграть с ней, но Вадя боялся выйти, боялся показаться ей на глаза. Вдруг она поймет, что он дебил, что он ненормальный, и не станет с ним играть. Вадик вообще боялся выходить за калитку... Там был другой мир, чужой, непонятный, и он боялся этого мира, боялся, что его засмеют, будут дразнить. В детский сад не ходил. Осенью ему предстояло идти в школу. Вадик с ужасом думал о том, как он зайдет в класс, где так много детей. Все будут рассматривать его, никто не захочет с ним играть. Все узнают, что он недоумок и дебил. Вадя не хотел думать о школе, заранее подсознательно отгораживался от нее, как от чего-то страшного.

Все лето он наблюдал за Ликой (так звали девочку из дома напротив). Но так и не решился выйти на улицу. Лето закончилось, и Лика вернулась в город. Вадик видел, как на красивой белой машине приехали ее родители, как провожала Лику бабушка, обнимая и целуя. Он даже позавидовал этой девочке, ее так все любят.

«Конечно, – думал Вадик, – у нее папа вон какой, начальник, наверное, а мой – пьяница и бандит. За что меня любить? Ну, почему у меня не такой папа, как у Лики?»

Он долго сидел притихший на старом диване, размышлял о житейской несправедливости и рисовал счастливые картины своей жизни с Ликиным папой.

Школа ошеломила Вадю. Его не радовал ни новый портфель, ни учебники с красивыми картинками. Он прятался за маму, которая крепко держала его за руку. Странно, но никто не обращал на него внимания, никто не дразнил и не показывал пальцем. Он был такой, как все. Девочка, с которой его посадили за одну парту, даже яблоком угостила. И учительница была добрая, вовсе не злая. Вадя постепенно привык к школе, к классу и детям, но держался всегда особняком, настороженно, ни с кем не дружил, боясь, что кто-нибудь узнает, что он ненормальный. Когда его спрашивала учительница, он тупо молчал, но писал все правильно и очень старался. Вадя слышал краем уха, как учительница советовала маме сводить его к психологу.

– Наверное, она заметила, что я дебил, – в страхе думал Вадя.

Мальчик еще больше замкнулся. Шли годы. Вадик учился на тройки. Ему не давались устные предметы, и это сказывалось на общей успеваемости. Дома все смирилось с его тройками и даже двойками и не требовали большего. Это вполне устраивало Вадю, так как уроки делать он не любил. Он все так же рисовал и прятал рисунки от посторонних глаз. Теперь у него были разнообразные карандаши и, кроме черного доминирующего, появились другие тона.

Лика каждое лето приезжала к бабушке. Вадик так и не решился познакомиться, но

наблюдал за ней в шель забора. Однажды он шел из булочной, из-за угла на него вылетел велосипед и сбил с ног. На земле сидела Лика с ободранной коленкой, а рядом валялся велосипед. Вадья не чувствовал боли. Он оторопело смотрел на девочку, на пряди волос, прилипшие к вспотевшему лбу, на маленькие веснушки на носу. Она морщилась от боли, но не плакала.

– Ой! Мальчик, прости. Я не хотела, – и Лика схватилась за ободранную коленку. Ее белые шортики испачкались, щеку украшала багровая ссадина. Вадья подал ей руку, помог встать. Она, хромя, попробовала идти.

– Держись за велик, – сказал Вадья, поднимая велосипед. Он повесил пакет с хлебом на руль, и они медленно пошли по знакомой улице.

– Меня Ликой зовут, а тебя?

– Вадим, – тихо ответил мальчик.

– А я знаю, где ты живешь. Я видела, как ты из дома выходил.

– Я тоже знаю твой дом.

– А ты, в каком классе учишься?

– В пятый перешел.

– Я тоже в пятый перешла, – чему-то обрадовалась Лика.

Она еще задала кучу вопросов, на которые Вадья отвечал немногословно, скупое. Незаметно они подошли к дому. Вадья помог завести велосипед во двор и поставил его у забора. Из дома вышла бабушка Лики и всплеснула руками.

– Как же так, девочка моя! Идем скорее зеленкой помажем. Мальчик, помоги велосипед убрать.

Вадья послушно взялся за велосипед и покатил его к сараю.

– Его Вадимом зовут. Я его сбил велосипедом. Он напротив живет, – без умолку тархтела Лика.

– Вадим, мой руки. Сейчас будем пить чай с вареньем. Я только что сварила. Ты любишь пенку от варенья? – бабушка подала ему чистое полотенце.

– Да, – смущенно ответил Вадья.

Варенье было вкусное. Он молча пил чай, стесняясь поднять глаза. Лика хотела показать ему свои открытки, но Вадья заторопился домой.

– Приходи к нам в гости, – пригласила на прощанье Лика.

– Ты тоже приходи.

Вадья долго не мог заснуть все вспоминал Лику, ее бабушку, чаепитие в ее светлом уютном доме. Ему хотелось снова побывать там, слушать болтовню этой веселой девчонки, показать ей свои рисунки. Он на миг представил, как Лика пришла в их сумрачный дом, будто лучик солнца в подземелье, но тут же съезжился лишь при одной мысли, что бабка назовет его «тупицей» или «выродком» при девочке. Прошло два дня. Вадья не отходил от шели в заборе, надеясь снова увидеть Лику.

«Наверное, у нее болит коленка», – подумал он, грустно вздохнув. Осмелиться подойти к их калитке и постучать – было выше его сил. На третий день, рисуя в своем уютом уголке сада, Вадик услышал, как бабушка с кем-то разговаривает у калитки.

– Вадик! Вадим! К тебе пришли.

Кто мог к нему прийти? Неужели Лика?.. Сердце бешено застучало, во рту пересохло. Бросив рисунки, он помчался к калитке. Лика стояла с коробкой кукурузных палочек. Колено было ярко размалено зеленкой.

– Здравствуй. Это тебе, – сказала Лика и протянула коробку с палочками. – Я решила тебя навестить. Ты же мой пострадавший, – улыбнулась она.

– Скорее всего, это ты пострадавшая. Идем в сад, – Вадья торопливо зашагал по тропинке, опасаясь, что бабушка пригласит их пить чай, что-нибудь скажет в его адрес. Лика подняла брошенный рисунок.

– Ой! Что это? Ты рисуешь?

– Да, это просто так, ерунда, – смутился Вадья.

– А мне нравится. Что-то загадочное, фантастическое.

– Правда нравится? – оживился он. – У меня еще есть.

– Покажи.

– Подожди меня здесь. Я скоро, – и Вадим метнулся к дому. Лика осмотрелась. Она стояла под высокой раскидистой черешней, которая росла у забора. Ветви ее опускались низко. В них вплеталась лоза виноградаря, образуя небольшой шалаш из зеленых веток и молодых побегов виноградаря. Вадьякина «резиденция» была скрыта от посторонних глаз, но отсюда просматривалась вся территория сада и крыльцо дома. У самого забора буйно росла крапива. Небольшой деревянный шит на опоре из кирпичей служил Вадье столом, на котором лежала бумага и карандаши.

– Вот, смотри, – запыхавшийся Вадья протянул Лике папку. Она долго с интересом и любопытством рассматривала рисунки.

– А что это? Почему ты не рисуешь людей, небо, животных? У тебя какие-то фигуры, линии. Непонятные рисунки, но мне нравится. Вот это, мне кажется, что-то космическое, а это, если глаза под водой прищурить, то, наверное, все в такие фигуры сольется.

– Я сам не знаю, что получается, но ты интересно рассказываешь, – смущенно сказал Вадик. – Я никому еще не показывал свои рисунки.

– Даже маме?

– Даже маме. Никому. Мне казалось, что над ними будут смеяться.

– Почему? Здесь нет ничего смешного. А почему ты красками не рисуешь?

– Не знаю. Под рукой красок не было.

Они еще долго сидели под черешней, хрустя кукурузными палочками и болтая. Потом Ли́ка ушла. Вадька долго размышлял о ней и их разговоре и был самым счастливым человеком в тот день.

Заканчивалось лето. С первыми пожелтевшими листьями тихо подкрадывалась осень. Скоро в школу. Вадька чувствовал себя чужим в классе. Друзей у него не было. Его терзал вечный страх показаться смешным или «недоумком», как говорила бабушка. В третьем классе его постоянно дразнил Витька Сорокин, задирился, делал мелкие пакости. Вадька терпел, старался избегать встречи с ним. Тот, чувствуя безнаказанность, все нагнул. Однажды, когда Витька исчеркал рисунок, над которым Вадька просидел весь вечер, он заорал на него и, не помня себя, стал рвать его тетради, учебники, а портфель выбросил в окно. Потом вызвали маму, пришлось покупать Витьке учебники и новый портфель, а Вадьку дома отдупили ремнем. После этого к нему никто не приставал, старались обходить его стороной. В классе прозвали Робинзоном за замкнутость и отчужденность. Он привык к одиночеству. Общение с Ликой озаряло его сумрачный замкнутый мир. Она еще несколько раз забегала к нему, показывала свой альбом с наклейками, которые собирала целый год, давала велосипед покататься. В саду на ветках старой орешины из веревок и досточки Вадик сделал качели. Он раскачивал Лиду высоко-высоко. Она хохотала, прикрыв глаза и запрокинув голову. Однажды принесла с собой дедушкин бинокль, оставшийся с войны, и с крыши сарая они рассматривали окрестности. Было здорово! Но каникулы пролетели в одно мгновение. За Ликой приехали мама с папой. Вадька видел, как суежилась бабушка, укладывая вещи и корзинки с фруктами. Из калитки выбежала Ли́ка в нарядном платье с белыми бантами на голове и пакетиком в руке и направилась к Вадькиному дому. Он отскочил от забора и спрятался за кустом смородины.

– А где Вадик? – спросила Ли́ка бабушку.

– Да здесь где-то был. Вадик! – позвала бабка. Вадька вышел из-за кустов и неторопливо направился к крыльцу.

– Вот. Это тебе на память, – протянула ему пакет Ли́ка.

– Что это?

– Сам увидишь, – улыбнулась она. – До свидания. Я уезжаю.

– Ты приедешь на следующее лето?

– Не знаю, – тряхнула бантами Ли́ка. Вадька вновь прильнул к шели в заборе, наблюдая, как все Ликино семейство загрузилось в машину, и та, взревев мотором, скрылась за поворотом, оставив клубы пыли. Вадька зашел в дом, заглянул в пакет и обомлел. Краски! Настоящие акварельные, двадцать цветов и две кисточки такие мягкие, тонкие. Вадька схватил листы и тут же принялся рисовать. Мазки, накладываясь и растворяясь друг в друге, образовывали удивительные сочетания. Один цвет плавно переходил в другой. Синие с фиолетовым оттенком волны океана на горизонте соединялись с лазурным небом. Белые облака опускались в синь воды, море проглатывало их, и они превращались в белые буруны волн. Лучи солнца пронизывали облака, и отражались в воде. Рисунок жил своей неповторимой жизнью и совсем не был похож на прежние рисунки Вадика. Душа его пела от счастья. Хотелось рисовать еще и еще. Бабушка не трогала его, и он просидел за столом до позднего вечера.

Сентябрь. За лето ребята вытянулись, загорели. Девочки 7-ого «В» чувствовали себя взрослыми, шеголяли с модными прическами и подкрашенными ресничками. Мальчишки в белых рубашках и длинных галстуках, собравшись в круг, обсуждали летние впечатления. Вадим не принимал участия в разговоре. Он просто слушал других. К ребятам подошел парень невысокого роста с модно выстриженными волосами на затылке. В модных черных джинсах со множеством замочков и заклепок.

– Привет. Я – Стас. Буду учиться в вашем классе, – смело и чуть развязно представился он и каждому пожал руку. И спустя несколько минут уже был в доску своим. В нем чувствовалась натура лидера. Предложил ребятам сигарет. Вадька отказался.

– Что, мама не велит? – хихикнул Стас.

– Нет. Почему? Просто не хочу, – буркнул Вадим.

– Смотри, смотри, – ткнул в его сторону Стас, – у тебя тут испачкано.

Вадька машинально вытер подбородок.

— Это у тебя мамкино молоко не просохло, — захохотал новенький. Ребята подхватили его шутку. Вадьку обдало кипятком, уши пылали, но он сдержался.

— Эй! Робинзон! Слюнявчик не потеряй, — улюлюкали ему вслед. Вадька возненавидел Стаса, а еще больше себя за то, что не дал ему отпор, за то, что не знал, как это сделать. Стас не упускал случая задеть Вадьку, зло посмеяться или подшутить над ним. Девчонки были влюблены в новенького, пацаны ташились от его мобильника, Вадька тайно завидовал ему черной завистью.

С каждым днем Вадик все неохотнее шел в школу, где над ним глумились. Если его не замечали, то это был хороший день. Однажды Стас подложил ему на стул жвачку. Вадька не заметил и вышел к доске отвечать. Все засмеялись. Он не понимал, в чем дело, почему смеются над ним. Мария Федоровна, учитель физики, постучала ладошкой по столу, успокаивая класс:

— Вадик, выйди и приведи себя в порядок.

Вадька вылетел в коридор красный от стыда и до конца урока отдирав жвачку от штанов. Слезы злости душили его. Он решил, что убьет Стаса. Пусть посадят в тюрьму, но он накажет обидчика за все унижения. На перемене Вадька накинудся на Стаса, молотая и круша его кулаками, ногами. Стас ударил его в лицо. Липкая струйка потекла из носа, боль пронзила голову, заискрило в глазах. Вадька шмыгнул носом и утерся рукой. На запястье остался алый след, соленый привкус появился во рту. Волна бешенства захлестнула Вадима: он просто раздает, как червяка, это наглое ухмыляющееся лицо. Не помня себя, он с криком кинулся на обидчика. Девчонки с визгом выбежали из класса. Пацаны оторопело наблюдали за происходящим. Вадька заметил страх в глазах противника. Это подзадорило его. Неизвестно, чем бы закончилась драка, но вовремя вбежал физрук Петр Палыч и схватил Вадьку за руку. Схватил крепко, стул выпал из рук. В кабинете у директора Вадим молчал. Со слов Стаса получалось, что на него налетел взбешенный Вадька и стал бить. В школу вызвали маму. С ней долго беседовали директор, психолог, завуч. Вадька, стоя в школьном коридоре под дверью учительской, слышал обрывки фраз «неуправляемый», «неадекватная реакция», «консультировать у психиатра». Домой возвращались молча. Мама как-то оссутилась, шла, понуро опустив голову и думая о чем-то своем. Когда на следующей неделе мама повела его в поликлинику, и они остановились у кабинета врача-психиатра, Вадьке сразу стал ясен разговор в учительской.

«Вот оно что. Они решили, что я псих, ненормальный, — вскипел он. — А мама? Она им поверила! Она даже не спросила меня ни о чем! Как она могла? Тоже на их стороне. Преподленица. А еще говорила, что любит, «ты мой сыночек», «ты моя надежда», — лицо исказила гримаса презрения. — Вранье ее слова, вранье ее слезы. Чуть на нее надавили — и повела меня на психа проверять», — все больше распалялся Вадим. Он чувствовал, что остался совсем один в этом жестоком мире, наполненном злом, ненавистью, унижением. Ему хотелось кричать, плакать. Душевная боль медленно заполняла его существо, раздвигая каждую клеточку. Он едва сдерживался. После посещения врача Вадька замкнулся еще больше, не разговаривал ни с матерью, ни с бабушкой, стараясь быть образцово-показательным учеником. Жалоб на него не было. Он по-прежнему рисовал, но в его рисунках линии были четкие, обрывистые, превалировали черно-красные тона. Сложно было понять их, но они притягивали, как магнит, завораживали. Мать после безуспешных попыток пооткровенничать и вызвать на разговор оставила его в покое. Бабка тоже старалась не цеплять. Это всех устраивало.

Однажды Вадим, возвратившись раньше из школы, застал бабуку за чтением своего дневника. Этим белым листам тетради в серой обложке он доверял все свои мысли, обиды и мечты, открывая самые сокровенные уголки души недоступные для других. И вот бабука копается в его душе. Ленточка Лики, которую он так бережно хранил, валяется на полу под ногами. У Вадьки перехватило дыхание. Ему показалось, что у него внутри разбилось что-то хрупкое, чистое, как тонкое стекло, и осколки вонзились острыми краями. Боль, возмущение, гнев и негодование охватили его. Он резко выхватил дневник, толкнув бабуку так сильно, что та упала. Листки дневника рассыпались, тетрадь порвалась и будто покорежилась, как Вадькина душа от чужого вторжения. Бабка лежала на полу и стонала. Вадька стремглав выбежал из дома, прижимая к груди тетрадь и зажав в кулаке ленточку Лики. На следующий день домой явился участковый милиционер. Он долго беседовал с Вадимом в присутствии мамы и бабушки, угрожая детской колонией для малолетних преступников, просмешал его темное сознание статьями уголовного кодекса. Но прошло время, и страсти улеглись. Жизнь пошла своим чередом, но на учет в детской комнате милиции Вадьку поставили.

Заканчивался учебный год. Весна вступала в свои права. Звенела капель, оживленно чирикали воробьи и синицы, склевывая жучков и мошек, оживших после зимы. Яркой изумрудной зеленой радовала глаз сочная трава, пробивающаяся из распаренной солнышком земли. Набухли почки на деревьях, кое-где появились малахитовые головки листочков.

Защел багряник, яркими желтыми шарами покрылись кусты фарзии. Ласково пригревало солнце. Вадик острее чувствовал свое одиночество. Мальчишки из класса ходили на дискотеку с девочками, обнявшись, прогуливались по улице. Он тайно завидовал им, зная, что никогда не решится подойти и заговорить с девочкой. Все чаще Вадка думал о Лике, с нетерпением ждал лета, встречи с ней. Она единственная понимала его. С ней было легко и просто.

Лето принесло зной и свободу. Не надо было ходить в школу, сидеть за уроками. Вадка вставал рано, когда солнце еще не раскалило землю и воздух, и шел работать в сад: подрезал кустарник, подвязывал виноградные лозы. Он любил свой сад, особенно старую черешню, безмолвную свидетельницу его душевных мук и переживаний. Чем бы ни занимался Вадим, он не выпускал из виду дом напротив с голубыми ставнями и резной калиткой, надеясь, что однажды откроется эта калитка, и на улицу выбежит Лика. Но этого не случилось. При встрече с ее бабушкой он опускал глаза, тихо доворачивался и торопился дальше, не осмеливаясь спросить про Лику. И все его надежды рухнули, когда та сказала, что внучка уехала на море с родителями, и гостить не придет.

Это известие ошеломило Вадима. Как не придет? А он так ждет. Ему столько надо рассказать ей, показать новые рисунки. Казалось, жизнь потеряла смысл. Это еще целый год, невыносимо долгий год он не увидит ее. А если она вовсе не придет? Нет, такого не может быть. Надо же когда-нибудь повидать бабушку и деда.

Год прошел в тоске и ожидании. Долгивую, сыкатную осень сменила такая же сыкатная мокрая зима с тающими на лету снежинками, грязью, подмерзающими лишь с утра лужами. Бабка стала сдавать: подводили ноги, распухли суставы, часто жаловалась на сердце. Мама все так же ездила на работу в город, ночевала в маленькой ведомственной квартирке и возвращалась домой только на выходные. Все домашние дела легли на плечи Вадима. Он терпеливо ташил этот воз домашних хлопот, ведь кроме него, некому этим заняться: чинил крышу, ставил покосившийся забор, красил, что-то ремонтировал. Он был единственным мужчиной в этом доме. Однажды утром бабушка не позвала его завтракать. Она не вышла из своей комнаты.

– Что с тобой, ба? – заглянул к ней Вадим.

– Голова что-то раскаляется, – тихо ответила бабушка.

Вадим положил руку на лоб.

– Да, у тебя температура высокая!

Он нашел жаропонижающее, заварил чай с мятой и вызвал врача. В школу не пошел и весь день не уходил от бабушки. Ему было жаль ее. На кровати лежала сухонькая старушка, маленькая и беззащитная, со страдальческими печальными глазами. Вадя впервые задумался о ней, о ее судьбе. Какую жизнь она прожила? Что знает он о ней? А ведь с рождения они живут под одной крышей, одной семьей и кроме ее и мамы нет у него родных. Почему они никогда не интересовались ее жизнью? Почему мама ничего не рассказывала о ней? Он присел на край кровати. Бабушка уснула. Вадим смотрел на ее натруженные руки, на спокойное в морщинках лицо. Он вспоминал, как она купала его маленького в корыте, а какие вкусные пироги она пекла, особенно с маком. У Вадима впервые за долгие годы проснулась жалость к этой слабой пожилой женщине. Он тихонько укрыл ее пледом и вышел, стараясь не разбудить, не потревожить ее чуткий сон. Бабушка выздоравливала медленно. Мама осталась дома ухаживать за ней. Вадим чувствовал свою мужскую ответственность в доме: мама часто советовалась с ним, он чинил, прибивал, ремонтировал, таскал с базара тяжелые сумки. Давно исчезли окрики и пренебрежительные замечания в его адрес. Забылись обиды детских лет. Но неуверенность в себе, замкнутость, неумение общаться, страх перед внешним миром, комплекс неполноценности прочно поселились в тайниках Вадкиной души.

Вадим сидел на дереве, спиливая старые засохшие ветки. С высоты ему хорошо была видна улица, крыша школы и нового супермаркета, построенного недавно. Из-за угла показалась машина. Когда она затормозила у дома с голубыми ставнями, у Вадки замерло сердце. Он перестал пилить не сводя с нее глаз. Из машины выпорхнула стройная девочка в джинсах и коротенькой кофточке с модной стрижкой. Вадка узнал Лику. Но, как она выросла, повзрослела, похорошела! Вадим спустился, умылся и критически осмотрел себя в зеркале. На него смотрел худощавый парень с глубоко посаженными карими глазами. Встрепанный чуб торчал во все стороны, оттопыренные уши и веснушки на носу дополняли портрет. Вадке он не понравился, и он скорчил ему рожу.

«Наверное, Лика и смотреть на меня не захочет. Такая классная девочка стала. Любый парень с ней пройтись бы захотел», – с грустью думал Вадим. Теперь главным его занятием было наблюдать за домом напротив. Он знал о Лике почти все: куда пошла, зачем, кто к ней приходил. Когда она с девочками уходила вечером на дискотеку, он тайно страдал, представляя себе, как Лику приглашают танцевать. Сам пойти туда он не решался. Случай все же свел их. Лика догнала Вадима, когда он шел на базар за покупками.

– Привет, что-то тебя совсем не видно. Ты куда идешь? – тараторила она.
– Привет. На базар.
– А я к Светке в гости. Знаешь ее? Такая черненькая, длинная.
– Знаю. Она в параллельном классе учится.
– Идем. Нам по пути. Ты все так же рисуешь? А почему тебя на дискотеке не видно? Ты сегодня приедешь? – как обычно засыпала вопросами Лика.

Через мгновение исчезла скованность и стеснение. Вадька болтал с ней как раньше. Она рассказывала о поездке на море, о волнах, которые поднимают на своем гребне, а затем коварно опускают вниз и накрывают тебя с головой. С Ликой было так интересно, свободно и хорошо.

– Ну, вот, я пришла. Светка здесь живет. Пока. Вечером на дискотеке увидимся, – и, тряхнув головой, она скрылась за калиткой. Весь вечер Вадька ломал голову, в чем пойти на дискотеку, перемерил все брюки и рубашки, долго укладывал мокрый чуб. То ему казалось, что брюки короткие, а рубашка придает торжественный вид, то тенниска выгорела, а кроссовки старые. Весь вечер он провел в сомнениях и муках, да так и не решился пойти. Лика сама забежала к ним на следующий день.

– Привет. Почему вчера не пришел? Музыка классная была.
– Да я проспал, – соврал Вадька.
– Покажи мне свои рисунки, – попросила Лика. – А черешня еще стоит?
– Стоит. Куда ей деться?

Они прошли в глубь сада, на их заветное место. Лика внимательно рассматривала рисунки. Вадька краем глаза наблюдал за ней. Его умиляли ее чуть вздернутый носик, пухлые губы, пульсирующая голубая жила на шее. По краю выреза платья ползла божья коровка. Она на миг остановилась и поползла за вырез на груди, Вадька наклонился и сильно подул, сдувая ее с загорелой кожи. Лика резко повернула голову. В ее бездонных, как голубые озера, глазах Вадим увидел смятение, робость. Рот ее замер в полуоткрытой улыбке. Вадиму так хотелось поцеловать эти сочные пухлые губы. Он чувствовал будоражащий запах ее тела, видел, как в волнении вздымается девичья грудь. Он наклонился к ней, завожженный юным очарованием, но Лика в замешательстве отступила. Вадька подавил в себе желание и, покраснев, смутился. Возникла какая-то неловкость.

– Хорошие работы. Особенно эта. Напоминает золотую осень и дождь из листьев, Лика протянула ему рисунок.

– Ты верно уловила, – смущенно сказал Вадим.
– Можно я возьму его на память?
– Возьми все, – протянул ей папку Вадим.
– Как все? Тебе не жаль с ними расставаться?
– Нет. Бери. Это на память, – покраснел он до корней волос.
– Спасибо. Я буду их хранить, – тихо сказала она, бережно взяв папку.

В этот вечер Лика не пошла на дискотеку. Они с Вадимом направились вдоль улицы, а затем свернули к реке. Солнце село, квакали лягушки, и невыносимо кусали комары. Вадька веткой клена отгонял этих назойливых кровососов, оберегая девушку и не замечая их укусов. Небольшой ручей, впадающий в реку, преградил дорогу. Вадим подхватил Лиду на руки и понес, шагая по воде. Запах ее волос пьянил, как хмельной напиток. Вадька нежно прижал к себе драгоценную ношу. Таким счастливым он никогда себя не ощущал.

– Отпусти, – тихо сказала Лика и уперлась ладошкой ему в грудь. Вадим послушно опустил ее на землю. Сердце колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Они еще долго гуляли у реки, но больше Вадька не отважился взять Лиду даже за руку.

– До завтра, – кивнула она и скрылась за калиткой.

Вадим не мог заснуть, чувства переполняли его. Он кинулся рисовать. Рисовал лазурное небо, с которого смотрели кроткие глаза Лики, а может ангела, спускающегося на землю. Рассвет застал его за работой. Бабушка заглянула в комнату.

– Ты что, не ложился еще? – удивилась она.
– Успее выспаться, бабуля, – весело крикнул Вадим.

Бабушка всплеснула руками: так ее он редко называл, и таким веселым она его не видела. На следующий день за Ликой приехал отец. Вадька выбежал на улицу со свертком в руке.

– Это для тебя, – сказал он и торопливо сунул Лике сверток.
– Что здесь?
– Мой последний рисунок.
– Прощай, – протянула ладошку Лика.
– Ты еще приедешь?
– Наверное, – пожала она плечами и села в машину.
– Я буду ждать, – несмело сказал Вадим вслед уносящейся машине. Услышала ли его Лика...

Год тянулся невероятно долго. Это был последний год учебы в школе. Вадим заканчивал 9-й класс. Он еще не придумал, что будет делать потом. Учиться дальше? Но для этого надо ехать в город, который представлялся ему огромным молохом, пожирающим людей. Да и куда идти учиться? В аттестате одни тройки. В этот год Вадьке отметили день рождения. Правда, кроме одноклассника Витьки, и гостей-то не было. Но был праздничный стол, торт со свечами и даже шампанское. А главное, Вадьке подарили шикарный DVD стального цвета, компактный и очень красивый. Постарались мама с бабушкой. Вадька обнял и поцеловал их обеих. У бабушки скатилась слеза по морщинистой щеке.

— Вот ты и вырос, стал совсем взрослый, — обняла его бабушка.

Жаль, что не было Лики...

Появилась она неожиданно... Мирную тишину улицы взорвал треск мотоцикла. Вадька выглянул в окно. Черный блестящий новенький «Скутер» остановился у дома напротив. За рулем сидел крепкий плечистый парень в кожаной короткой куртке. Его пассажирка в джинсах и красной ветровке легко прыгнула и сняла шлем. По плечам рассыпались светлые волосы. Это была Лика! Парень завел мотоцикл во двор, и они скрылись за калиткой. Вадьку терзали сомнения: «Кто этот парень? Неужели Лика встречается с ним? А, как же он, Вадька?» Для него мир стал черным и мрачным. Он видел, как Лика с мотоциклистом, обнявшись, шли по улице. Как тень следовал за ними на дискотеку, в сквер, на речку. Они тихо шли по той тропинке, где когда-то шел с Ликой Вадька. Из-за кустов можжевельника он видел, как они целовались, слышал смех Лики. Видел, как она заглядывала ему в лицо! Сердце его разрывалось, ревность причиняла нестерпимую боль. Казалось, огонь сжигает изнутри. Вадим злился и ненавидел соперника, готов был избить его, отомстить за нанесенную рану, заставить отступить от Лики. Почему не Вадька на его место, почему не ему она дарит свою улыбку и любовь? Он должен с ней поговорить! Но и на это не хватало решимости. Да и зачем лишние разговоры. И так все понятно. Вадим страдал от неразделенной любви. Жизнь потеряла для него всякий смысл.

Он лежал на траве в саду и смотрел в небо.

«Вот так бы уйти навсегда, подняться в небо и раствориться, избавиться от этой изнуряющей боли, проблем. Зачем человек живет? Зачем и для чего жить ему, Вадьке? Ему не нужна такая жизнь». Он представил родных, рыдающих над его могилой. Стало как-то не по себе... Его раздумья прервал оклик бабушки:

— Вадим! К тебе пришли!

— Кто бы это мог быть? — в недоумении тихо проговорил он, поднимаясь с травы.

У крыльца стояли Лика и мотоциклист. Вадьку обдало кипятком.

— Вадик, привет. А мы к тебе. Знакомься.

— Сергей, — подал руку мотоциклист. Вадька ответил на рукопожатие. Соперником оказался добродушный, открытый парень с веселыми серыми глазами. Через несколько минут общения у Вадьки и следа не осталось от прежних злобных намерений.

— Вот, смотри, что я тебе принесла, — протянула Лика какую-то газету. — Здесь о тебе написано. О твоих рисунках.

Вадька оторопело развернул газету. Со второй страницы на него смотрели нарисованные им глаза Лики. Рядом с фотографией размещалась большая статья «Скрытые таланты». Вадька жадно впился глазами в строчки. Буквы не слушались, прыгали. Затем Вадим успокоился, взял себя в руки, и смысл прочитанного стал доходить до его сознания. В статье автор описывал его рисунки, называл его «самородком», «талантом».

— Откуда это? Как они узнали? — изумился он.

— У папы друг художник. Случайно твои рисунки у нас увидел. Забрал на выставку и вот... — Лика кивнула на газету.

— Тебе учиться дальше надо, — серьезно сказал Сергей.

— Да, да. Тебе в город, в студию ехать нужно, — подтвердила Лика.

Эта новость ошеломила Вадьку, как ураган. Он не спал всю ночь. Сомнения и страх, неуверенность и боязнь неизвестности боролись с желанием учиться.

«Я думал о смерти сегодня. Мне незачем было жить. А теперь я знаю, что у каждого человека есть свой смысл жизни. Надо только его найти, распознать. Мы не зря приходим на эту землю. Я нашел свою цель, и я пойду к ней, даже если будет невыносимо тяжело. Я должен стать сильным! Я поеду учиться!» — решил для себя Вадим.

Электричка тронулась с места, лягнув колесами. На перроне остались мама и бабушка. Остался маленький городишко со знакомыми улочками, речкой, домом с зелеными шторами. Остались воспоминания, позади осталось детство. Вадим одним резким движением сдернул те шторы, которые закрывали неведомый ему огромный мир. Он смело шагнул в него с ясной целью достичь своей мечты, покорить свою вершину, а иначе, зачем жить на этой грешной земле.

возвращение к читателю

УНИКАЛЬНОЕ ПОДПРОСТРАНСТВО

Повесть¹

День тот с самого утра показался мне необычным, каким-то странным. Проснулся я с удивительно легким чувством на душе. Можно сказать, в хорошем настроении. Вообще-то, легкость на душе и хорошее настроение сами по себе еще ни о чем странном не говорят. Ведь сколько людей каждый день просыпаются в подобном состоянии – нельзя и сосчитать. Но дело в том, что я-то никак не мог рассчитывать на такое пробуждение, особенно в эти дни. А эта дурацкая легкость на душе никоим образом не вписывалась в рамки душевного состояния, ставшего привычным для меня в последние месяцы. И уж совсем ни в какие ворота не лезла откуда-то вкрадывавшаяся в сознание мысль, подкарауливавшая меня с утра. Она вертелась в голове как навязчивая мелодия: сегодня должно случиться что-то хорошее. «Должен же когда-нибудь наступить конец всему этому безобразию», – шептал мне вкрадчивый голос...

Но меня на подобные фокусы уже не купишь. Я-то уже давно понял, что конец таким безобразиям не приходит просто так, вдруг. В самом деле, не может ведь быть, чтобы вдруг вызвали меня в дирекцию, или, скажем, специально созвав для этого заседание Ученого совета, публично заявили – дескать, мы ошибались, виноваты перед тобой, тема твоя актуальная, по крайней мере, не менее актуальная, чем наши темы, иди, продолжай работать, мы больше не будем ее закрывать. Нет, не может быть! Хотя бы по причине того, что столько умственной энергии потратили они, чтобы юридически правдоподобно оформить каждый свой шаг, мало того, еще и «научно обосновать» иррациональность и нецелесообразность всего, что я начинал в последнее время. Действительно, с чего им вдруг идти на попятную перед таким растяпой, каким я, наверное, предстаю перед их взором. Тем более тогда, когда почти все, что ими задумано, уже благополучно воплощено в жизнь.

Эти, казалось, трезвые рассуждения очень быстро вернули мне подавленно-мрачное настроение, во власти которого я пребывал последние месяцы. И по привычке этих безрадостных дней я с утра напрямик направился в свое убежище – библиотеку. Деваться мне больше было некуда – везде я чувствовал себя чужим, посторонним. Таким ощущением я был обязан поразительному чутью той части публики, которая существует как обязательная субстанция в организациях типа наших и которая, мгновенно реагируя на то, кто в данный момент в струе, а кто в опале, создает и надежно поддерживает вокруг него либо ореол славы, либо холодный вакуум, в зависимости от ситуации.

В библиотеке же, углубившись в потрепанные недра старых журналов времен романтической эпохи «революционных переворотов в науке микромира», я пытался уйти от суеты

**Абдурахим
ФАЗИЛОВ**

Родился в 1943 г. в Ташкенте. Работает в НПО «Физика-Солнце» АН РУз. Заведует лабораторией «Солнечные Лазеры». Кандидат физико-математических наук. Член Союза писателей с 1983 года. Автор 4 книг, более 80-ти научных статей и множества художественных рассказов.

¹ Журнальный вариант

будней. И сегодня, еще один раз выдержав полупрезрительный взгляд красоти-библиотекарши (действительно, с какой стати ей тратить свое «драгоценное время» на меня, конченного человека?), я с кипой пожелтевших от времени «Успехов химии» направился на свое излюбленное местечко в дальнем углу читального зала.

Вначале все это кошмарное наваждение я принимал за обычную полосу неудач. Действительно, покажите мне человека, который не испытывает время от времени отрезвляющего действия этих полос. Они ведь, как некая профилактическая процедура, сбивают с нас спесь и гордыню, которыми мы периодически обрастаем, как полировка пылью, особенно когда дела наши идут более или менее успешно... Полосы имеют разную природу. Например, какая-нибудь непредвиденная объективная причина мешает выполнить очередное задание руководства, ты толком не можешь объяснить свою невиновность, а руководство, недолго думая, в спешке больно наказывает тебя. Окружение хотя и видит в этом элемент несправедливости, считает экзекуюцию полезной для сбивания той же спеси. Когда подобные неприятности идут подряд в течение недолгого времени, образуя цепочку, то это и называют полосой неудач. Справедливости ради надо признать, что часто наш брат сознательно или несознательно маскирует под этим понятием цепь своих собственных глупостей, промахов. Естественно, я считал тоже, что глупостей делать не способен и что все происходящее – самая обыкновенная полоса неудач. Считал я так месяц, два, три. Но на четвертый даже до такого остолапа, как я, наконец, начало кое-что доходить...

А по существу происходило вот что. Меня почему-то начали оттирать от науки. Вначале незаметно, исподтишка, потом все открывнее, но при этом юридически почти безукоризненно. Под различными благовидными предлогами мне отказывали в штатных единицах, оборудовании, в рабочих площадях, вообще в любом начинании. Мало того, лояльнейшие мои промахи, лишали даже того скудного багажа, что оставался у меня с прежних времен. Я метался, как раненый зверь, ничего не понимая в происходящем. Хорошо, что пришли на помощь умные люди (благо, почти везде таковые имеются). Они и растолковали мне, что к чему:

– Все дело в том, что ты давно уже сидишь у руководства в печенках. Спрашиваешь, почему? Да потому, что ты никак не хочешь вписываться в общую схему. Наше руководство считает, что если в науке и надо что-либо планировать, так это очередности представления «самым заслуживающим» возможности делать и защищать диссертации. Естественно, это у них называется «правильным и планомерным воспитанием научных кадров». А ты что делаешь? Решил, что раз ты научный сотрудник, тебе без всяких предварительных заслуг положено активно заниматься наукой! Так ты, чего доброго, невзначай сделаешь хорошую работу, хуже того, можешь без очереди, без соответствующего на то благоволения и защититься. Этим ты отнимаешь душевный покой у прилежных очередников, а руководство лишаешь такого мощного рычага власти, как возможность по своему усмотрению управлять карьерой сотрудников. Поняв, что твоя бестолковость совершенно безнадлежна, руководство, ясное дело, решило полностью нейтрализовать тебя в науке, что ты и имеешь на сегодняшний день.

Спрашиваешь, что тебе теперь делать? Уйти из института, если не хочешь, чтобы тебя уволили по какой-либо причине. А причину найдут. Хотя бы «ввиду полной безрезультативности», которую ты обнаружишь через год при таком развитии событий.

– Если так, я молчать не буду! Пожалуюсь на них в общественные организации, в Ученый совет, в конце концов! Пусть потом пеняют на себя!

В ответ раздалось ржание.

– Неужели до тебя еще не дошло, что уникальность нашего института (и не только нашего) в том и заключается, что у нас общественные организации, Ученый и прочие советы выполняют свои функции, мягко говоря, с точностью до наоборот? Они служат всего лишь для придания видимой законности и, самое главное, коллегиальности делишкам руководства, а не для защиты интересов таких бедолаг, как ты. Спрашиваешь, куда уйти? Ты что, с Луны свалился? Конечно, в вуз. Сейчас все неудачники в науке, такие, как ты, бегут именно туда. Что? Педагогический талант? Да не смеши ты людей. В анкете, которую тебе дадут заполнять, нет такой графы...

Поняв свою беспомощность в борьбе за существование в институте, я подал документы сразу в несколько вузов и в ожидании их решения проводил свои безотрадные дни в библиотеке...

С пустой половиной странички статьи, которую я начал читать, на меня издевательски косился синий чертик – шайтан, набрисанный синей ручкой. Рисунок был удивительно живым и, казалось, представлял собой портрет автора приведенных чуть выше «еретических» формул. Издевательская физиономия шайтана опять возвратила меня в суровую действительность. Уставившись на него, я начал погружаться в нерадостные мысли...

И вдруг – о ужас! – длинный хвост шайтана, тянувшийся до правого нижнего угла страницы, слегка дрогнул и пришел в движение, негустая синяя шерсть на кончике распушилась. Потом встряхнулось тело и, наконец, ожило лицо, повторяя точь-в-точь заискивающе-льстивую улыбку нашего доктора наук Эшанходжаева, которую тот демонстрировал каждый раз, слушая очередную околесицу директора... Какой-то кошмар мультипликационный!

Я в ужасе закрыл «Успехи химии». Что делать? Бросить журнал и бежать отсюда? Иначе, видать, дождусь, что однажды меня прямо из этих проклятых стен повезут в психиатрическую больницу. Нет для меня спокойной жизни в этом институте, даже в библиотеке.

«Постой, – остановил я себя, уже вставая, – не спеши, давай разберемся с шайтаном. Был он все-таки или померещилось?» – во мне опять заговорил примитивно прямолинейный дух естествоиспытателя, пытающегося объяснить происходящее в рамках формальной научной логики.

С журналом в руках я вышел из приятной прохлады читального зала в сорокаградусный зной институтского двора. Гнетущий туман, обволакивавший мое сознание в читальном зале, моментально рассеялся под жестокими лучами летнего солнца. Медленно шагая по раскаленному асфальту унылого двора, я осторожно открыл 21-ю страницу. Чертик улыбался. Как только я развернул журнал, он тут же правой рукой сделал движение, рассчитанное на то, чтобы прикрыть глаза от прямых лучей солнца, а левой, левой он сделал жест, явно адресованный мне. Ну, нет! На сегодня с меня хватит!

Часов в десять вечера, немалого отойдя от потрясения, дома, в своей маленькой комнате, при тусклом свете настольной лампы я опять раскрыл 21-ю страницу «Успехов химии». Чертик тотчас подмигнул мне, раздался тонкий насмешливый голос:

– Хватит прятаться, я же хочу помочь тебе. Я в курсе твоих «колоссальных успехов» в институте, – растягивая слово «колоссальных», он буквально растаял от блаженства. Потом, усмехнувшись, добавил: – Это ведь все наши козни.

Тут я, невольно вовлекаясь в какую-то нелепую игру, как человек, которого вдруг осенило после долгих мучительных догадок о причине своих бед, набросился на него.

– И после всего этого ты явился сюда поглумиться над своей жертвой? Вот сожгу сейчас эту библиографическую редкость вместе с тобой. Пусть потом хоть увольняют меня из института по самой суровой статье!

Шайтан переменился в лице. Он несколько скис, но все же довольно независимо-самостоятельно сказал:

– Не кипятись, будь мужчиной, я уже ушел из группы, где занимаются твоим делом... Я тоже, как и ты, не в ладах с начальством... Видишь ли, оказывается, им не по душе мои выдумки, по-вашему – идеи.

– Какие еще идеи? Что ты морочишь мне голову?

Шайтан опустил глаза.

– Ты должен меня понять. Не обижайся... Эти идеи были... Короче, недавно я предложил планы парочки изысканных заварух, которые завершили бы твое дело в ближайшее время. Ну... чтобы ты тоже, наконец, начал мешать другим, стал бы переходить им дорогу, вставлять палки в колеса, пускать пыль в глаза и так далее. Сам понимаешь, чтобы все это освоить, ты должен был на себе испытать подобное. Для этого все «удовольствия» последнего года мы устраивали тебе руками твоих начальников и коллег... В общем, ты был уже почти готов. Еще парочка оплеух, и ты, окончательно созревший, начал бы действовать самостоятельно...

– Мерзкое исчадие ада! Ты еще пытаешься вести со мной какие-то переговоры. Кто мне вернет прошедший год? Эти бездарно и бесплодно прожитые дни? За это время я не сделал ничего полезного, а если и научился чему-нибудь, то лишь изворотливости да подозрительности...

– Ты пойми меня... Это была моя работа. Против тебя лично я ничего не имел, – прервал меня шайтан. – Теперь я буду помогать тебе.

– Будешь помогать?! Рассказывай кому-нибудь другому. Скорее всего, задумал очередную хитрость!

– Видишь ли, меня здорово обидели... Бесцеремонно, в самом корне зарубили мои лучшие идеи... Я их долго вынашивал, можно сказать, всю душу вложил... А на последнем заседании Малого совета, где в числе других дел рассматривались мои предложения насчет очередных «ходов», посылаемых на твою бедную голову, начальство вдруг заявило, что боссы твоего института и без того кровно заинтересованы в этом деле и так усердствуют для его успешного завершения, что в дальнейшем ход событий лучше не вмешиваться, дабы не попортить им ничего. Наоборот, мне было предписано внимательно наблюдать за приемами твоего Ахима Акрамовича и

его свиты, так как, якобы, у них есть чему поучиться... Это они, твои боссы, подпортили мне карьеру. Проведи я эти идеи в жизнь – мог бы спокойно баллотироваться на выборах в Большой совет...

– А что было бы со мной? – зло спросил я.

– С тобой... с тобой... – его лицо медленно расплылось в блаженной улыбке, но он тут же взял себя в руки, – позволить не отвечать на этот вопрос. Ты же видишь, я сам хожу в пострадавших. Меня так обидели, что никого из своих видеть не хочу. Хорошо, что кто-то нарисовал вот эту чернильную обложку. Она пришлась мне в пору... Короче, я убежал от своих...

Мне вдруг стало жаль шайтана. Я почувствовал, что нас многое объединяет – в первую очередь общие неприятности.

– Что же ты хочешь от меня?

– Позволь находиться при тебе. Я могу пригодиться, – быстро ответил он.

– В чем?

– Буду помогать тебе в твоей борьбе.

– Но я не собираюсь, да и не знаю, как надо бороться. Мне не одолеть мое руководство. Они ведь профессионалы...

– Я буду делать только то, что ты прикажешь. Мы будем мстить, – с готовностью ответил шайтан.

– Нет уж, занимайся своими темными делишками сам, а меня оставь в покое. При твоих возможностях такой компаньон, как я, нужен тебе, как собаке пятая нога.

– Понимаешь, я хотел, чтобы эти деятели из твоего института были наказаны именно твоими руками. Только это и есть настоящее возмездие. У вас же зачастую все происходит наоборот – злодеи терроризируют одних, а запоздалую расплату за это несут, как правило, другие, и тогда, когда эта расплата никого не трогает. При этом возмездие, согласись, обезличивается. Оно воспринимается чуть ли не как великомученичество и иногда даже возвеличивает наказываемого в глазах несведущего окружения.

Мне эта философия понравилась, но тут же змейкой мелькнула темная мысль:

– Погоди, допустим, накажешь ты моих гонителей. А что потом? Я ведь знаю, как поступали в таких случаях твои коллеги – Мефистофель, Хромой бес Маймун...

– Ну что ты, – перебил меня шайтан, – в коллекционируемых душах у меня недостатка нет. Для душ же твоих гонителей у меня давно готовы самые комфортабельные места. И, потупив голову, с обидой добавил: – Я исключительно из принципа хочу доказать кое-кому из ваших, да и из наших тоже, что если твои боссы и перестали бояться Бога, то перед шайтаном им еще придется потрепетать...

Так я столкнулся с могущественным единомышленником и решил на борьбу, о которой вчера еще и не помышлял... Мы договорились, что впредь шайтана я буду носить везде в нагрудном кармане, вырвав страничку с рисунком. Опасаясь, как бы не вышло чего-нибудь непредвиденного (рискованных ситуаций я избегал), жестко ограничил сферу и характер действий шайтана. А сигналом для его вступления в игру будет поглаживание сложенной вчетверо странички.

Как я начал догадываться в последнее время, козырным оружием моих «друзей» был непринужденный артистизм. Они с удивительно невинным или по-деловому озабоченным выражением лица и соответствующим тоном говорят совершенно противоположное тому, что у них в это время на уме. А их действительные помыслы претворяются в жизнь совершенно негласно, застывая врасплох жертвы, притом именно тогда, когда эти бедолаги либо уже не успеют, либо не смогут предпринять что-нибудь в ответ.

Каждый раз, когда директор Алим Акрамович или его правая рука, зам по научным вопросам, Расул Сагдуллаевич, замыслив очередную операцию, ее исполнение в знак особого «доверия» поручали ничего не подозревавшему подчиненному, а иногда как бы для забавы и самой намеченной жертве, тот, как и было задумано, не только не подозревал ничего плохого – наоборот, ревностно бросался в бой, будучи опьяненным высоким доверием. Потом, когда дело было сделано и, как говорят, поезд ушел, ходи и доказывай, что ты оказался слепым орудием в руках у нечестных людей. Ничто не помогает: все происходит в рамках закона и, естественно, «правил игры»!

Вот мы с шайтаном и договорились, что борьбу начнем с убийственных разоблачений. В нужный момент по моему знаку он проникнет прямо в недра мозга одного из моих «доброжелателей» или его подхалимов (ему это, оказывается, ничего не стоит) и заставит его говорить то, что у того на уме. Вот будет потеха!

Первым, кого я встретил на следующее утро в институте, оказался многострадальный Рустам. С ним наши «друзья» расправились чуточку раньше, чем со мной,

но, надо отдать им должное, довольно оригинальным способом (в фантазии им не откажешь). Дело в том, что Рустам имел несчастье специализироваться в той же области химии, где большими кусками добывали свой хлеб Правая рука, Расул Сагдуллаевич, и его друг Бузрукходжа Саидходжаевич – заведующий одной из лабораторий – человек, у которого коварство, казалось, выплескивалось через край при каждом шаге его слегка качающейся походки. Но хуже всего было то, что бедный Рустам, на свою голову, разбирался в химии катализа раз в десять лучше, чем упомянутые корифеи, и своим существованием отравлял им жизнь. Тучи над его головой начали густаться два года назад, когда этот простопыля раздобыл очередной наукообразный доклад корифеев. В тот же день, прямо на том же семинаре, они объединились против него. Говорят, они даже и не сговаривались об этом... «Незаслуженно обиженные» некоторое время не могли подловить Рустама, чтобы проучить его, пока однажды этот неискушенный, как обычно бывает, сам не дал отличный повод для расправы над собой. Желая расширить фронт своих исследований, он между делом начал заниматься чисто технической проблемой – определением количества влаги в волокнах хлопка. Казалось бы, чего еще лучшего ждать от научного сотрудника, решившего обеспечить свои теоретические исследования прикладной целью. Надо дать ему эту возможность – пусть разворачивается! А вот и нет. В любом деле сперва надо разобраться, что к чему. Правая рука и Бузрукходжа Саидходжаевич разобрались и тут же пришли к выводу, что это как раз тот случай, которого они ждали. Дальше все разворачивалось довольно быстро. Втолковать Алим Акрамовичу, что общеинститутские интересы требуют освободить Рустама от всех других дел, дабы он в полную силу занимался «важной народнохозяйственной проблемой», было делом пустяковым. Тем более, что при этом понятливый Алим Акрамович отчетливо уловил нотки личной заинтересованности наущничающих в этом вопросе (в любом деле он в первую очередь искал эту пресловутую личную заинтересованность, будучи по-своему убежденным, что она и есть единственный фактор, движущий всякое дело).

И вот обалдевшему от такого поворота дел Рустаму в издевательски-торжественной обстановке было поручено это «почетное задание» в качестве основной его темы в институте. А со следующего дня началась предусмотренная заранее процедура «освобождения» его от химии – проще говоря, у Рустама начали отбирать уникальные приборы (мол, для использования их в лабораториях, где «действительно занимаются катализом»), затем сотрудников (естественно, «в общеинститутских интересах»), а под конец и лабораторные помещения.

Обобранный догола, отстраненный от привычных дел и на всякий случай несколько раз публично скомпрометированный, Рустам ходил потерянный, с видом изрядно побитой, но в меру подкармливаемой дворняги (да простит он меня, более достойного сравнения я не нашел). Через некоторое время Рустам, не найдя другого выхода, смирился со своей участью и, прекратив сопротивление, со свойственной ему серьезностью взялся за проблему измерения влажности хлопкового волокна. Вскоре по институту полз слух, что его потрепанная группа делает совсем уж неожиданные успехи. Под руководством Рустама она за короткое время сделала несколько изобретений. Потом стало известно, что там сконструировали остроумный прибор для экспресс-анализа влажности волокон хлопка, который пункты приема хлопка-сырца начали вырывать у него с руками. И тогда Правая рука и Бузрукходжа Саидходжаевич, временно оставившие Рустама без «присмотра», опять зашевелились. Как же так: кто-то в институте напал на золотую жилу – тему, результатам которой, кажется, начали интересоваться даже солидные министерства, а они, хозяева института, от которых все и должно исходить и которым должны приписываться любые стоящие заслуги в этих стенах, оказываются в стороне. И все это из-за того, что они, якобы, обидели Рустама, отстранив его от химии? Ну что же, если даже и так? Все это было продиктовано только заботой о его, Рустама, благополучии. Еще неизвестно, добился бы он в химии чего-нибудь подобного!

И вот реакция тандема корифеев на неожиданные успехи Рустама – многострадальный уже две недели не может получить визу директора на статью, где авторами значатся он сам и никому не известный лаборант. Какая наглость! Правая рука вначале вернул статью независимой, указав на самую безобидную причину. Рустам, естественно, ничего не понял и, добросовестно выполнив указания, опять пришел за подписью. Тогда Правая рука намекнул на малочисленность авторов. Простак Рустам не нашел ничего лучшего, как заявить, что больше никто не работал и не участвовал. Пришлось в открытую толковать, чего от него хотят, естественно, при закрытых дверях. Непонятливость Рустама неожиданно превратилась, как с огорчением жаловался потом Правая рука, в ослиное упрямство. На этот раз Рустам

действительно решил не сдаваться и заявил, что пожалуется директору («Надо же быть таким идиотом, — думал уставший от препирательств Правая рука. — Неужели непонятно, по чьей установке я действую?...»).

Так вот, с утра попался мне уныло бредущий по коридору Рустам.

— Как дела? — спросил я у него покровительственно.

— Не визируют, — тихо проговорил Рустам, рассеянно проходя мимо. Я его оставил.

— У шефа был?

— Был. Не стал даже вникать. Сказал, пусть Расул Сагдуллаевич решает этот вопрос сам, — упавшим голосом сказал Рустам.

— Что собираешься делать?

— Не знаю...

Понятно, что Алиму Акрамовичу не надо было вникать в суть дела, в курсе которого он, несомненно, находился. Пусть Правая рука заставит Рустама записать в соавторы его и Бузрукходжу Саидходжаевича и, если сможет, также и себя, а директор как будто и не имеет к этому грязному делу никакого отношения, в случае чего можно будет даже возмутиться «этим безобразием». А если не сможет, то это минус в «активе» Правой руки. Факт наличия таких минусов в «активе» подчиненных шеф оценивал весьма высоко. Это ведь те педали, нажимая на которые (упрекая ими «с умом» и в нужные моменты) можно эффективно управлять, особенно подчиненными. Прекрасно понимающий подобные тонкости Правая рука (ведь Расул Сагдуллаевич тоже готовил себя в руководители) только через свой труп пропустит статью Рустама. Круг замкнулся. Рустам будет ходить по нему до тех пор, пока не сдастся и не сделает все, чего пожелает Правая рука. После встречи с Рустамом меня осенила идея — вот где можно испробовать возможности шайтана.

Сегодня на десять часов у директора назначено небольшое собрание с участием ведущих сотрудников института (к числу которых формально относился и я) обсуждение хода выполнения хозяйственных работ. Тема Рустама тоже должна быть заслушана. Возможно, там Рустам попытается как-то поднять вопрос о своих независимых статьях...

Просторный кабинет директора... Длинный стол заседаний, во главе которого сидел сам Алим Акрамович, изобразив на лице привычное озабоченно-деловое выражение. Не прерывая собрания, он то и дело вызывал к себе главного инженера, водителя служебной «Волги» или кого-нибудь из своих доверенных лиц и с серьезным и озабоченным видом на специальном, понятном только вызываемому языке давал какие-то указания (все, конечно, догадывались, что, например, главный инженер получил указание немедленно исправить протекающий со вчерашнего дня водопроводный кран в его квартире, а водитель «Волги» должен отвезти его жену в гости, куда сразу же после совещания отправится и сам Алим Акрамович)... Временами директор прерывал докладчика и переспрашивал о каком-нибудь случайно выбранном тезисе, чтобы подчеркнуть, что слушает и все понимает. Выступающий после этого с еще большим жаром акцентировал внимание на этом, иногда не имеющем прямого отношения к основной теме доклада, второстепенном моменте, пока директор с отеческой снисходительностью не давал понять, что можно продолжать.

После каждого сообщения Алим Акрамович в туманных выражениях формулировал оценку качества и темпы выполнения работ. Присутствующие с преданным вниманием слушали его. А наиболее смелые приближенные, вроде Правой руки и доктора наук Эшанходжаева, осмеливались даже высказать свое мнение, которое в основном сводилось к подсказыванию шефу наиболее удачных фраз, работающих на его сиюминутное настроение и замыслы. Ну, а если кто-то решался на выступление, то должен был умудриться построить его, перефразируя околесицу шефа, не менее двух раз ссылаясь на его имя в одном предложении.

Не дай бог, если Алим Акрамович начинал ругать кого-нибудь по известным только ему соображениям. Тогда критикуемый, даже при явной необоснованности нападок, мог рассчитывать, в лучшем случае, на холодное молчание сияющих, в худшем — на дружное или даже яростное нападение со стороны всех тех, кому сегодняшняя «политическая ситуация» давала возможность лишний раз блеснуть перед шефом...

Рустам коротко и лаконично описал состояние своей работы. Успехи были налицо. Но присутствующие с трудно скрываемым любопытством молчали, не зная,

какова будет реакция шефа на эти успехи. К всеобщему удивлению директор потечески снисходительно начал хвалить Рустама. В частности, он заметил, что Рустам вначале не хотел браться за работу, предложенную институтом (имелась в виду работа, навязанная ему), а теперь, как видите, образумился (сломался и подчинился воле конкурентов) и делает большие успехи. При этом шеф не забыл несколько раз подчеркнуть, что он-де тогда предвидел эти успехи. Все кивали, и даже послышалось несколько робких реплик в адрес Рустама. Под конец, расчувствовавшись (видимо, от своих же слов), директор спросил, не нужна ли Рустаму помощь. Тот решил воспользоваться неожиданной благосклонностью.

– Алим Акрамович, по результатам этой работы написаны две научные статьи, – Рустам остановился, подбирая выражения помягче, дабы не слишком раздражать своих «друзей», – но их по какому-то недоразумению не визируют, – с досадой добавил он.

Алим Акрамович помрачнел. Все видели, что жалоба даже в таком смягченном виде ему не понравилась. Рустам тоже увидел это и застыл, слегка побледнев. Но было поздно. Алиму Акрамовичу надо было перед публикой хотя бы для вида решить вопрос. Ничего, благо, это он умел делать мастерски.

– Расул, в чем дело? – спросил он, повернувшись в сторону Правой руки, словно впервые слышал о «недоразумении».

Тот поднялся с места с надменной ухмылкой. Естественно, ответ у него, как всегда, был готов – там наверняка фигурировали такие обороты, как «общеинститутские интересы», «обратная сторона медали», «для пользы общего дела» и тому подобная демагогическая дребедень. Вот сейчас над Рустамом засвистит кнут после директорского пряника.

Ну, нет, решил я, пора пускать шайтана в дело. Такой случай упустить нельзя. Пусть Правая рука впервые за свою жизнь скажет то, что у него на уме, а не то, чем он обычно морочит головы окружающим.

Я слегка погладил сложенный листок, не спуская глаз со своей жертвы. И сразу же заметил, что, уже открывая рот для ответа, он вмиг переменялся в лице. Надменная улыбка исчезла, глаза стали недоуменно злыми.

– Алим Акрамович, как вы сами понимаете, из стен института не каждый день выходит такая работа. А этот, – Правая рука просверлил взглядом Рустама, – возомнил, будто он один является ее автором. – Мы-то ладно, – Правая рука кивнул в сторону Бузрукходжи Саидходжаевича, – он даже вас не вписал в соавторы. Вот я и держу статью, надеюсь, рано или поздно до него дойдет, чего от него хотят.

Наступила зловещая тишина. Рустам, не ожидавший такого оборота событий, не решался даже согнать одинокую муху, севшую на его поразительно побелевший нос. Директор, не поверив своим ушам, обалдело уставился на Расула Сагдуллаевича. Через некоторое время, с трудом овладев собой, он неуклюже сыграл роль человека, не уловившего суть ответа.

– Расул, я тебя не понял. О чем ты говоришь? – спросил он упавшим голосом, обычной уверенности не было – он почувствовал неладное.

– Алим Акрамович, почему сразу уходите в кусты, ведь понимаете же о чем речь? Я вполне с вами согласен – приятно оказаться автором интересной работы, к которой, между нами говоря, никакого отношения не имеешь. Но почему всю грязную сторону этого предприятия должен тянуть один я? Вместо того, чтобы переспрашивать меня, отругайте этого нахала, пусть впишет наши фамилии...

Правая рука не успел закончить, кабинет сотрясся от низкого рева директора.

– Что ты мелешь? – Алим Акрамович вдруг осекся, с опаской быстро прошелся взглядом по лицам застывших людей и зло кинул Правой руке: – Садись, я с тобой потом поговорю.

Расул Сагдуллаевич сел с обиженным видом.

Директор перевел налившиеся кровью глаза на остолбеневшего Рустама и резко бросил:

– Давай сюда свою стряпню.

Предусмотрительный Рустам дрожащей рукой вытащил из папки рукописи и положил перед директором. Алим Акрамович тут же поставил на них размашистую визу и с презрением швырнул статьи растерявшемуся автору.

В это время тяжелую тишину кабинета нарушил легкий нарочитый кашель, затем раздался заискивающий голос доктора наук Эшанходжаева. Поблескивая очками то в сторону шефа, то в сторону публики (таким образом он следил за реакцией нужных людей и на ходу корректировал свое выступление), Эшанходжаев начал говорить, по своему обыкновению растягивая некоторые слова для того, чтобы приять им особый вес (никто не знал точно – он делал это нарочно или умело пользовался дефектом речи).

– Я как член Ученого совета считаю, что на плечи именно дире-е-ек-тора ложится

основная тяжесть ноши институтских забот. О-о-о-н пробивает финансы, оборудование, штаты. Создает для нас все-е-е-х... – сверкающие очки прошли по кругу этих «всех», – необходимые условия для работы. Это отнимает у него массу времени и сил. Поэтому я считаю, что в результатах всех выполняемых в институте научных работ есть львиная доля деятельности дире-е-ек-тора. Следовательно, я считаю, каждый честный научный работник должен сам включать его в авторы самых важных...

– За перечисленные вами функции директор получает самую высокую зарплату в институте и еще имеет кое-какие льготы, – прервал с места Расул Сагдуллаевич, кивнув в сторону водителя служебной «Волги», который как раз в этот момент заглянул в кабинет, чтобы сообщить шефу, что жена его отвезена куда надо.

– Кончайте базар! – крикнул Алим Акрамович, увидев, что один из маститых подхалимов не справляется со своими обязанностями, а другой, можно сказать самый надежный, ведет себя непостижимым образом. – У меня около пятисот научных трудов, сделанных кровью и потом (все знали, что эта цифра случайно совпадает с количеством статей всех сотрудников института, выпущенных за срок директорства Алима Акрамовича). В большем я не нуждаюсь. Повестка дня исчерпана. Все свободны, – повернувшись к Правой руке, добавил: – А ты останься.

* * *

На следующий день институт тихо гудел, как разбуженный улей.

Директор не вышел на работу. Расул Сагдуллаевич же заперся у себя в кабинете и никого не принимал. Только иногда, неожиданно появляясь в приемной, вызывая нужных людей тоном, не терпящим ни малейшего возражения, отчеканивал распоряжения и опять скрывался за дверью. Все старались не приближаться к дирекции и дрожали при вызове туда. Зато в лабораториях, в укромных углах коридоров вовсю шли обсуждения вчерашнего инцидента. Источником этой смуты были участники совещания, сообщившие еще вчера своим доверенным близким (по секрету, естественно) о совершенно невероятных происшествиях, случившихся на только что закончившемся совещании. К полудню, как это обычно бывает, слухи и толки, полностью оторвавшись от первоисточников, начали прогрессировать самостоятельно. Фантазия научных сотрудников устремилась ввысь, не признавая никаких границ. Суждения, пропущенные через призмы различных взглядов, открытых и тайных личных тактик и стратегий сотрудников, приводили к потрясающим версиям. Говорили о наступившем, наконец, разладе между директором и Правой рукой после десяти лет слаженной совместной работы. Передавали шепотом, что Правая рука решил занять место директора и что вчерашний инцидент есть первое звено его программы, рассчитанной на несколько месяцев. Рассказывали также, будто все это происходит из-за того, что Расула Сагдуллаевича больше не устраивает установившаяся между ним и шефом форма дележа, так называемого, директорского фонда, которым они распоряжались сообща в исключительно конфиденциальных целях. Были даже такие совершенно фантастические утверждения, что у Правой руки пробудилось нечто, отдаленно напоминающее человеческую совесть, которая подталкивает его к решению вывести шефа на чистую воду. Но большинство сходилось во мнении в одном: после такого публичного выступления дни Расула Сагдуллаевича на посту заместителя директора по науке сочтены. К концу дня основная часть публики начала подчеркнуто почтительно здороваться с Бузрукходжой Саидходжаевичем, справедливо считая, что он и есть реальная кандидатура на этот, ставший почти уже вакантным пост.

Вокруг Рустама сразу образовался глубокий вакуум... Никто не мог толком сказать, в чем его вина, но все были уверены, что в любом варианте дальнейшего развития событий ему несдобровать. Он конченный человек, и посему контактировать с ним бесполезно, возможно, и опасно. Исчезновение его из института – вопрос времени. Бедный Рустам!

Я ликовал. Вчера, когда шайтан вернулся в рисунок, покинув лабиринт мозговых извилин Расула Сагдуллаевича, я развернул листочек. Чертик распластался в улыбке.

– Ну как? Тебе понравилось? Давай еще кого-нибудь заставим говорить правду. Например, этого, э... твоего, э... Эшанходжаева, а?

Я погрозил ему пальцем:

– Но-но... По уговору сценарий буду составлять я.

– Ладно, ладно... Может быть, мне сбегать узнать, что там происходит сейчас у директора?

– Такой прием мне не подходит. Будем смотреть со стороны, чем кончится эта история.

Шайтан сделал кислую гримасу, обиженно буркнул:

– А жаль, было бы интересно...

Я-то представлял, что происходило там, у директора, между ним и Правой рукой, и кое-что начал понимать в их поведении за прошедший год.

– Алим Акрамович, не ругайте меня, – поспешно должен был бы сказать Расул Сагдуллаевич, как только мы (я и шайтан) покинули кабинет, – я сейчас все постараюсь объяснить.

– Что-о-о?... Ты еще собираешься что-то объяснять после всего этого, подлец?! – взревел директор.

– Алим Акрамович, домла¹, со мной что-то случилось. Когда вы обратились ко мне, я встал готовый разделиться с этим упрямым ослом. Через несколько минут этот трус сам начал бы просить вас о соавторстве. Но, как только я собрался говорить, вдруг кабинет с людьми словно перевернулся, я перестал управлять собой. Я чувствовал, даже сознавал, что говорю не то, что нужно, но остановиться не мог. Словно шайтан какой-то вселился в меня и управлял моим языком.

– И ты хочешь, чтобы я поверил этой басне? Говори, какую цель преследуешь? – грозно спросил шеф.

– Домла, ради Аллаха, поверьте. Я не знаю, что со мной случилось. Я по-прежнему верен вам...

– ...Даже после того, как пытался бросить тень на мой авторитет? – зло прервал шеф.

На глазах у Расула появились слезы.

– Не губите меня, домла, я не знаю, что со мной случилось. Поручите, я сотру в порошок всех, кто ведет себя вольно. Они будут трепетать перед вами пуше прежде. Вы же знаете меня.

Директор был сильно озадачен. Да, заместитель действительно был незаменим. Расставаться с ним так, сразу, – жалко.

– У тебя раньше бывало такое когда-нибудь? – немного смягчившись, спросил он.

– Нет, домла, это, видимо, от переутомления.

– Но зато ты сказал, что у тебя на уме?

– Нет, Алим Акрамович. Меня какой-то шайтан попутал. Надеюсь, больше это не повторится.

– Ну, ладно, допустим, на этот раз я тебя прошу. А что собираешься делать с народом? Люди наверняка уже знают обо всем. Как же мне работать с ними, сознавая это?

– Алим Акрамович, вы же знаете сотрудников. Никто не посмеет даже упомянуть при нас об этом дне. Между собой тоже скоро перестанут говорить, побоятся доноса. Так постепенно и забудут... если вы не измените своего отношения ко мне, – тихо добавил он.

Директор сделал паузу, сморщив лоб, потом сказал строго:

– Ладно. Впредь остерегись, больше не прошу. Сегодня же сходи к психиатру. Считаю, что всего этого не было. Но если почувствую, что это было задумано тобой, смотри, твоя карьера кончена, и не только как химика. Я тебя везде достану.

* * *

Нет, не сверхъестественная сила, воплощенная в образе шайтана, а несколько простых, правдивых высказываний смогли устроить такой переполох в застоявшемся мраке институтского быта. Только теперь правда перестала быть для меня абстрактным понятием. Подумать только, всего несколько фраз, произнесенных публично, в которых вещи назывались своими именами...

– На одной твоей, так называемой, правде далеко не уедешь, – пренебрежительно бросил шайтан у меня дома, разглядывая картину «Последний день Помпеи», висевшую над моим столом.

– Не тебе говорить об этом! – меня разозлил его тон. Я, можно сказать, наконец, увидел силу, разрушавшую зло и несправедливость, а он издевается над моей верой.

– Допустим, несколько человек где-то изрекли правду. Ну и что? Эти люди вскоре сами откажутся от нее, иначе рано или поздно с ними расправятся другие, не заинтересованные в такой правде. Я лично не раз участвовал в таких операциях. Самое забавное, они же не по своей инициативе и, значит, не всегда будут ее говорить, эту самую правду. В основном только тогда, когда я или ваши судебные органы копаемся в их извилинах, вытряхивая ее оттуда. После нас они, как мы имели возможность убедиться, начнут врать вдвойне – лишь бы реабилитироваться перед теми, кому успели насолить невольно. Другие же преспокойно продолжат врать и лукавить, лицемерить и злословить, клеветать и маскировать свои деяния в зависимости от необходимости и обстоятельств. Не могу же я, например, вселиться в черепа всех проходивших одновременно, согласись?

¹ Домла – уважительное обращение к ученому.

— Не много ли на себя берешь, шайтан, судя дела людские?

— Но, но, но, — прервал он меня обиженно, — в этом-то я кое-что понимаю. За вашими делами в основном наблюдаем, а иногда и вмешиваемся в их ход мы, а не те, кто на небесах, как наивно представляют верующие. Тому, кто высоко вознесся, не до вас, поверь мне. Он знает себе только делить вас на грешников и безгрешных, как говорится, уже после пожара.

«С ним надо быть поделикатнее, — подумал я. — Ведь нам еще вместе работать. К тому же он, кажется, совсем не глуп, его голыми руками не возьмешь».

— Хорошо, хорошо. Возможно, мы ничего не добьемся в мировом масштабе с помощью наших операций. Но, по крайней мере, перепутаем карты ближайшему окружению. А то у них все получается слишком гладко и складно. Просто обидно.

— Ты думаешь, у них все получается так само по себе? Как бы не так. Возьми хотя бы такой факт, что все ваши общественные организации, учебный совет в том числе, превращены в службы, обеспечивающие надежную стабильность порядков вашего института. Это же результат многолетней кропотливой работы вашего шефа и его сподвижников. Им надо было находить, как у вас именуют, беспринципных, но кровно заинтересованных в научной карьере людей, проталкивать их на ключевые посты и через них обстреливать свои дела. А это дело непростое — ведь искатели правды оказывают сопротивление. Против них приходится бороться.

— Не оскорбляй это слово! Борьба ведется только за справедливость. Карьеристы, проходимцы и приспособленцы маскируют свои действия этим возвышенным понятием.

— Ну и принципиальный же ты у меня. Прямо топорная прямолинейность суждений. Чего же ты хочешь, в конце концов, от людей?

— Чтобы никто не обманывал, никто не пробивался вперед, расталкивая других локтями, и никто не устанавливал свою личную власть над другими.

— И что будет в результате? Чего ты этим добьешься? Неорганизованной, мелко-масштабной псевдосправедливости, анархии? Не лучше ли организованная несправедливость? Это все-таки система.

Я чувствовал, что теряю самообладание.

— Не интересует меня твоя философия. Я самый обыкновенный человек и считаю, что меня несправедливо притесняют. Я им покажу, как...

— Ха-ха-ха! Личные счёты, корысть, — восторженно взвизгнул, потирая руки, шайтан, — так мне приятнее работать!

Небеса не собирались разверзнуться и не случилось страшного землетрясения, к удивлению сотрудников, для которых незыблемость авторитета директора и его зама были почти одной из основ мироздания. Дела в институте шли своим чередом, и все постепенно начали забывать, как правильно предсказал это Расул Сагдуллаевич, о необычном случае в кабинете директора. Казалось, понимание между шефом и Правой рукой восстановилось. Сбитые с толку завлабы спешили засвидетельствовать свои верноподданнические чувства, тщательно скрывая недавнее нетерпение в ожидании крупных перемен, наверху. Все лишний раз убеждали, что в этом институте ничему не надо удивляться и, самое главное, не надо раньше времени выдавать свое отношение ко всяким неожиданностям, особенно если неожиданности касаются личностей из руководства.

Поучительным примером послужили два инцидента, когда не в меру преданные своим шефам сотрудники, один — Бузрукходжа Саидходжаевича, другой — Расула Сагдуллаевича, понесли публичные наказания. Первый, будучи обижен при обычном, мягко говоря, не совсем равномерном дележе поступивших на склад дефицитных химвещей, потерял осторожность и во всеуслышание накричал на сотрудников лаборатории Правой руки, что их время уже кончилось, мол, хватит обирать других, скоро все равно их всех разгонят во главе с шефом. Поспешив лишний раз засвидетельствовать свою верность Правой руке и Алим Акрамовичу, Бузрукходжа Саидходжаевич уволил этого не в меру преданного сотрудника по собственному желанию. А второй, у которого подошла очередь на получение квартиры через профсоюзную организацию института, шепотом поинтересовался у председателя месткома — рассчитывать ли ему на что-нибудь перед фактом ожидаемого снятия с поста Правой руки. Информированный по секрету об этом предательском вопросе Правая рука лишил его очереди на квартиру и, мало того, с глазу на глаз заявил, чтобы тот не рассчитывал и на премию за этот год.

После этого жизнь в институте вошла в прежнюю колею. Было впечатление, что случившееся даже укрепило союз шефа и Правой руки, а сотрудники еще долгое

время, на словах и на деле соревновались в проявлении своих верноподданнических чувств.

В пестро оформленный конференц-зал института на одно из первых заседаний Совета по присуждению ученых степеней в области химии катализа сходились ученые. Отец Совета, прошу прощения, председатель Алим Акрамович еще не появился. Совет был организован недавно как результат воплощения в жизнь ненасытного желания директора иметь под рукой как можно больше средств, действительно влияющих на судьбы людей, и благодаря его таланту пробивать дела, мягко говоря, не совсем укладывающиеся в рамки установленных правил и норм. При пробивании волежеланного Совета основная трудность, возникшая перед будущим председателем, была в отсутствии в городе необходимого контингента ученых, специализирующихся в области химии катализа. Но, посудите сами, разве можно отказать себе в соблазне иметь под рукой собственный Совет из-за такой пустяковой причины? Если специалистов нет, то их надо сделать! И вот, недолго думая, Алим Акрамович направил своих самых шустрых воспитанников на поиски тех химиков, которые могли бы быть соавторами хотя бы одной научной статьи, где лишь мимоходом упоминается хоть что-нибудь, касающееся химии катализа. Такие люди, конечно, нашлись (ведь что ищешь, то всегда найдешь). Преподнести их общественности как крупных специалистов в этой области и включить в состав будущего Совета, не забывая в то же время подчеркнуть это как величайшее одолжение этим «специалистам», было для шефа делом техники (недоумения он пресекал в корне страдальческим самобичеванием: он-де вынужден выкручиваться исключительно в интересах региона, чтобы иметь возможность готовить собственные высококвалифицированные кадры).

Да, Совет стоил забытых в ходе его пробивания нервных клеток. Ведь он будет тем мощным рычагом, с помощью которого председатель эффективно, в первую очередь, с платформы своих интересов будет управлять подрастающим поколением ученых. Действительно, продержав несколько месяцев готовую к защите диссертацию любого, даже самого одаренного аспиранта, он делал его шелковым, непременно добиваясь, чтобы тот публично признавал в директоре учителя-благодетеля, без которого бедный диссертант никогда в жизни не стал бы кандидатом наук. Определенная часть кандидатов из числа тех, кто имел особый талант в послушании и подхалимаже, в последующем будет включена в число доверенных людей. Дав начальный импульс карьере проходимца блестяще организованной защитой, председатель становился духовным отцом последнего. Такие не забывают добро...

И вот члены этого свежесостряпанного Совета в ожидании председателя, и в то же время пользуясь его отсутствием, развлекались игрой в демонстрацию самостоятельности, независимости и даже научной принципиальности.

Наконец, в окружении ближайшей свиты в зал влился сияющий председатель. Сиять, как вы сами понимаете, он имел полное основание. Еще бы, по мановению его властной дирижерской руки сегодня заиграет еще один мощный оркестр.

На сегодняшнее заседание была назначена защита кандидатской диссертации одного из аспирантов Расула Сагдуллаевича. Последний факт однозначно определял исход этой процедуры, которую и называть-то защитой было некорректно. Действительно, не от членов же Совета защищаться!

После выполнения обычных формальностей: зачитывание биографии диссертанта, справок о его научных достижениях и т. д. – с кисло-сладким выражением лица диссертант начал декламировать научный доклад, изрядно осточертевший ему при зачитывании наизусть. Ради репутации нового Совета следовало было проявить некую строгость и немного взбодрить диссертанта, напустить на него положенную дозу страха, чтобы он, как положено в таких случаях, запомнил на всю жизнь, кто и как спас его от явного провала. Руководствуясь этими соображениями, Алим Акрамович бесцеремонно тоном рассеянного ученого, которому не до формальностей, перебил диссертанта:

– Послушайте! Вы уже говорите целых пятнадцать минут из двадцати, отпущенных вам. А я до сих пор не могу уловить логическую нить вашего выступления. Расскажите лучше про основные результаты вашей работы.

Диссертант явно не ожидал, что его перебьют, да еще вопросом, ставящим под сомнение смысл всего доклада. Заметно побледнев, он проговорил заикаясь:

– Алим Акрамович, основные результаты я уже изложил. Осталось рассказать только о перспективах развития этой темы.

Алим Акрамович, в планы которого, конечно, никак не входило напряжение обстановки, все же не выдержал, усмотрев явный намек на то, что он не слушает доклад

или, еще хуже, не понимает его.

— Да что вы говорите?! Не только я, ни один член Совета не понял еще сути вашей работы, — произнося это, Алим Акрамович глазами обвел просыпающиеся ряды Совета, — а вы утверждаете, что уже все рассказали.

Это окончательно сразило диссертанта. Растерявшись, он замолчал, опасаясь еще больше усложнить обстановку, а глаза его отчаянно искали поддержки у сидящего в зале Расула Сагдуллаевича.

Тем временем Совет ожил, не зная, как себя вести. Дело в том, что специальной работы среди них не было проведено. Все и так понимали, что диссертант «свой человек» (не слепые ведь!), в его защите кровно заинтересован Правая рука, следовательно и сам Алим Акрамович. А он, Алим Акрамович, вдруг повел себя так, что даже Правая рука вначале несколько растерялся. Поскольку никто точно не ведал, что на уме у Алима Акрамовича, большинство очень умно решило выждать. Если бы знал Алим Акрамович, чем обернется его неуместная вольность! Дело в том, что в составе Совета было несколько новых членов, которые по-своему были преданы шефу, но еще не совсем ориентировались в неожиданных ситуациях, порождаемых его изощренной фантазией. Один из них, приняв грозные вопросы за сигнал расправиться с диссертантом, с нескрываемой иронией задал вопрос, который прозвучал в затихшем зале как смертный приговор:

— Почему у вас в докладе не упоминался такой важный фактор, как диапазон температур, где нормально протекают ваши основные реакции?

— Диапазон, диапазон... Я проводил реакции в области и низких, и высоких температур, — выдал из себя диссертант.

— Неужели вы хотите сказать, что ваша контролирующая аппаратура одинаково хорошо фиксирует химический состав в любой области температур? Если вы настаиваете на этом, перечислите, пожалуйста, температурные градиенты чувствительности вашей аппаратуры для всех элементов, участвующих в ваших реакциях.

Это был конец. В зале наступило зловещее молчание. Все знали, что диссертант, привыкший к постоянной опеке могущественных покровителей, не настолько углублялся в детали своей работы, чтобы сообщить эти самые проклятые градиенты.

Алим Акрамович кусал губы, поняв, какому опасному направлению событий он дал ход своей небрежностью. Но в этот момент на бедного диссертанта обрушился еще один удар:

— А где, скажите мне, пожалуйста, в вашей работе химия? Если я не ошибаюсь, вы претендуете на степень кандидата химических наук? — решил отличиться второй новичок в Совете.

Один из членов Ученого совета, сидевший в заднем ряду, наклонился к соседу:

— Э... э... э, братцы, так и завалить можно человека. Надо что-то предпринять.

Как раз в это время Алим Акрамович начал предпринимать то самое «что-то». Он медленно встал и с виноватой улыбкой произнес:

— Вообще-то мы все, и в первую очередь я, вели себя не совсем корректно. По существующему положению мы не должны были прерывать доклад до его окончания, давайте дадим возможность диссертанту закончить выступление. Потом начнем выяснять непонятные места. Думаю, что тогда он ответит на все вопросы удовлетворительно. Мы все не раз слушали его на семинарах и знаем, что работа хорошая, и он лучше, чем кто-либо из нас, разбирается в ней.

Члены Совета облегченно вздохнули. Теперь ясно — надо вытаскивать безнадежно утопающего. Сбитый с толку, растерявшийся диссертант дрожащим голосом кое-как закончил доклад.

После этого начался так называемый смотр на лояльность председателю. Первым решил блеснуть своими глубокими соображениями Бузрукходжа Саидходжаевич. Он начал с того, что, будучи секретарем Ученого совета, по долгу службы подробно ознакомился с работой. Притом он-де получил огромное удовлетворение, и это чувство никак не может быть затенено не совсем удачным докладом диссертанта, что, по его мнению, является естественным следствием огромного перенапряжения и усталости после завершения такой серьезной работы. Потом Бузрукходжа Саидходжаевич очень тонко намекнул на беспредметность и неуместность вопросов, отметил, что чувствительность аппаратуры не имеет никакого отношения к основным результатам диссертации, а сам вопрос насчет отнесения диссертации к чистой химии или к технике говорит только о недопонимании работы спрашивающими. Затем своим хорошо поставленным бархатным баритоном выступил Моисей Львович. Озабоченным тоном, который для данного случая был удвоен против обычного, он начал говорить о безусловной актуальности и полезности работы. Выступление было, естественно, насквозь

пропитано негодованием в адрес членов Совета, которые задают не совсем тактичные вопросы. С пафосом он сделал остановку на одном измерении, осуществленном диссертантом (к слову сказать, весьма стандартном), это измерение Моисеем Львовичем было возведено в ранг оригинального...

Через некоторое время почти все члены Совета один за другим реабилитировали себя за трусливое молчание в критические минуты.

На лица тех двоих, отличившихся, нельзя было смотреть. Один из них, поняв, в какое глупое попадает положение, встал и заявил, что теперь понимает всю важность и серьезность работы и вопросы свои снимает как некорректные. Второй тоже был близок к раскаянию.

«Ну, нет, — спохватился я, только теперь вспомнив про свою «миссию», — такую возможность упустить нельзя». Чуть мне подсказывало, что до сих пор из-за плохой ориентации в обстановке этот человек говорил что-то близкое к правде, во всяком случае, то, что думал. Пусть продолжит в том же духе.

Я послал к нему шайтана. Любитель вопросов попросил слово. Председатель, склонившийся уже к мысли, что парад-смотр и так слишком затянулся и пора остановить его, вдруг, в силу нахлынувшего неизвестно откуда и совсем неуместного чувства демократизма решил дать возможность реабилитироваться и этому грешному. Какая опрометчивость!

— Я все-таки не услышал ответа на вопросы, заданные мной и моим коллегой, — твердо заявил он.

Публика, естественно, разинула рты. Такого она не ожидала.

— Ваш коллега, как вы должны были заметить, буквально минуту назад снял свой вопрос, признав его неуместным. Пора бы и вам последовать его примеру, — с крайним раздражением ответил за диссертанта Алим Акрамович.

— Алим Акрамович, я догадываюсь, почему он это сделал, но не хочу в это углубляться. Считайте, что у меня тоже возник такой же вопрос, и в отличие от моего коллеги, мне хочется получить на него ответ, причем от диссертанта.

Что тут началось!.. Не диссертант, хотя он и осмелел к концу спектакля, а весь Ученый совет во главе с председателем как по команде набросился на «вольномышца». Тема спора была успешно переведена в русло личных отношений. Бедный шайтан при всей своей проворности, видимо, не успевал выбрасывать на свет божий очередную правду, спрятанную в темных лабиринтах мозга объекта. В конце наступления под внешне не выставляемым напояз дирижерством Алима Акрамовича стало настолько интенсивным, что объект был не в состоянии даже рта раскрыть. Его не слушали, а мастерски продолжая и дополняя друг друга, закидывали контрвопросами, основная цель которых сводилась к тому, чтобы правдами и неправдами скомпрометировать «наглеца». Стенографистки обдавало все это, опустив руки. При таких темпах они все равно ничего не успели бы зафиксировать.

Диссертант так и не уместился в происходящее. Его испуганное вначале лицо постепенно стало равнодушным. Через некоторое время он уже спокойно, с нескрываемым любопытством наблюдал за происходящим, мол, как же сможет выкрутиться из этой заварухи неожиданный критик его работы?

Под конец атакуемый сник, опустил голову и полностью замолк. Я вытащил листок и увидел только что возвратившегося шайтана. Он стоял весь в поту, с виновато опущенной головой. Это был полный провал. Когда я покидал конференц-зал, услышал довольный голос Алима Акрамовича:

— Прекратим дебаты, мы теряем время, Протокол заседания хотя бы с одним голосом «против» смотрится убедительнее, чем со стопроцентным «за». Сейчас начнем слушать отзывы официальных оппонентов...

— Ну что, друг, показали они тебе, как надо работать?

Шайтан опять опустил мохнатую голову.

— Во всяком случае, я теперь понимаю, почему мне предписывали поучиться у них. Правды в голове у этого типа было предостаточно. Но мне не давали возможности высвободить ее вовремя.

— Не оправдывайся. Признайся, что они утерли тебе нос. Мы с тобой даже услужили им: протокол с одним голосом «против» смотрится убедительнее, слышал?

Шайтан не отвечал. Я сложил листок, и мы побрели домой, как побитые собаки.

— Ничего у нас не выйдет, — сказал шайтан дома. — Все это пустое.

— Не расстраивайся. Если нам удастся немного расшатать авторитет шефа, то все

остальное само собой рухнет, как карточный домик.

– Авторитет? Ты думаешь, у него есть авторитет? Если это авторитет, то скажи мне, пожалуйста, как на вашем языке именуется такая способность, как умение держать других в страхе, мало того, заставлять их пресмыкаться перед собой? А если все-таки это авторитет, то как ты его собираешься расшатать? Ведь это недурно сколоченная вашим шефом и не только вашим шефом иерархическая постройка!

– Это уже было слишком!

– Я знаю, что такое авторитет. На земле много людей, к которым это слово имеет прямое отношение. А сейчас я употребил это понятие по привычке, машинально, можно сказать, условно. Это, в конце концов, дурацкая привычка, приобретенная мной в этом институте.

– Ша, ша, ша, – предостерег меня шайтан, – не выходи из себя. Давай разберемся по порядку – что есть что.

– Это твоё племя путает людей! Это следствие вашего внушения: люди неосведомленные, ограниченные, люди с чувством собственной неполноценности возводят в авторитеты людей, сильных в карьеризме и неприкрытом властолюбии.

– Значит так, авторитет есть понятие очень и очень относительное. И, судя по всему, его смысла сильно зависит от того, кто и в какой ситуации пользуется им?

– Все пользуются этим понятием так же, как и любым другим, в силу своей компетентности или, скорее, испорченности.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес шайтан, – это я и хотел услышать... Ну, а как ты хочешь расшатать, так называемый, авторитет шефа? – примиренчески заговорил вдруг шайтан. – Разве не этим мы занимались до сих пор?

– Надо заставить его самого сказать вслух то, что у него на уме, когда он особенно остерегается этого.

– Ну что ж, если только в этом дело, устрою я тебе это удовольствие. Желание компаньона для меня закон, – приложив руку к груди, слегка поклонился шайтан.

– Только, конечно, не в каком-нибудь пустяковом деле. Он ведь в мелочах подчеркнуто правдив и откровенен. Обычная игра на обывательскую публику...

– Не думаешь ли ты, – перебил он меня, – что я ставлю его публично накричать на какого-нибудь проходимца не из его приближения. Например, такое: «Не подпишу твои документы на Брюссельскую конференцию! Твоя работа даже близко не тянет на международный уровень!» Он это делает и без моей помощи.

– Прекрасно, так давай за дело...

Честно говоря, я не совсем представлял, как поставить этот эксперимент. Все вокруг и в первую очередь шеф, оставались для меня еще достаточно сложными загадками, и чтобы планировать операцию с гарантированным успехом, надо было по меньшей мере «прожженным жуком» в большей степени, чем мои «друзья». Надо было вникнуть в скрытую подоплеку интриг институтского масштаба. Заглянуть в чрево, где они рождаются и откуда выползают спиритом в виде целенаправленных замыслов, определяющих сегодняшнее состояние и лицо института. Вопрос был психологический, где-то немного биологический и, если подойти к этому шире, может, даже философский!

Мое опальное положение мешало быть в курсе всех подводных и подземных течений в институте. Со мной не секретничали...

Помог случай. Однажды за свадебным столом у моей троюродной сестры я оказался по соседству с одним парнем из группы «независимых», существующей в нашем институте. Это им, несмотря на постоянные интриги шефа, удавалось как-то завершать свои работы и даже защищать кандидатские и докторские диссертации. Такой успех объяснялся достаточно хитроумной программой их поведения. Возмезд стратегий была концепция: способных в химии достаточно много, посему успех в научной карьере, в основном, зависит от правильного поведения по отношению к тем, от кого зависит успех твоего дела. А их неизменная тактика, в первую очередь сводилась к тому, чтобы никогда и нигде в открытую не проявлять свое недовольство любимыми, даже самыми подлыми поступками руководства (ведь и стены, как известно, имеют уши).

После того, как все немного освоились, в атмосфере общего веселья наступил момент, когда даже самые скрытные люди чуточку приоткрываются. У моего соседа было не очень веселое настроение. Это никак не вязалось с его нынешними успехами.

– Что, Костя, не трогает тебя счастье молодых? По-моему, неплохая пара, а?

– Какой разговор, пара прекрасная!

– Так в чем же дело?

Он немного настороженно посмотрел на меня и, вдруг, с деланной беспечностью взяв свою недопитую рюмочку:

— Давай еще по глоточку. Не хватало нам и здесь обсуждать служебные дела...

Мне было бы достаточно погладить листок, чтобы узнать, о каких служебных делах идет речь. Но моя идиотская порядочность!

Через некоторое время Костя неожиданно повернулся ко мне и тоном азартного игрока сказал:

— Много бы я дал тому, кто сказал бы мне, что у него на уме. Видимо, я устался на него настолько обалдело, что он раздраженно проговорил, хлопнув меня по плечу:

— У шефа, у шефа! — потом махнул рукой: — Что толку рассказывать тебе это...

Формально он сам сделал шаг к открытости.

— В чем дело, расскажи. В последнее время я немного начал разбираться в ребусе, именуемом «тайными намерениями шефа». Может, смогу просветить тебя.

Костя рассмеялся:

— И при этом добился таких успехов?

— Просто я еще не умею правильно корректировать свои поступки в соответствии с его задумками...

— Ну ладно, веселись, ведь свадьба же! У тебя своих неприятностей хватает... Это я так вспомнил, завтра с утра предстоит, как мне кажется, довольно неприятный разговор с шефом, хотя мы никакой вины за собой не знаем. Просто иногда до боли хочется узнать, что у него на уме и что он замышляет...

«Мне больше ничего и не нужно от тебя. Завтра вы из его же уст услышите, что он вам готовит. Расколоть его — моя забота. Это как раз тот случай, который мне нужен», — подумал я.

Из-за полуоткрытой двери донеслось раздраженное: «Пусть войдут!» Накрашенная секретарша, не моргнув черными стрелами наклеенных ресниц, холодно произнесла: «Заходите». Все четверо скрылись за директорской дверью. В ожидании этого момента я окопался около приемной по пустяковым делам. Вслед за ними туда же отправил и шайтана... Потом долго ждал, рассчитывая услышать, как из кабинета донесутся крики и вопли, сопровождаемые хохотом вошедших туда. Ждал, как публично будет рушиться авторитет шефа.

Но все было тихо и пристойно. Там, как я узнал позже от моего компаньона, происходило, оказывается, вот что.

— Мы пришли к вам за советом и поддержкой, — сказал один из вошедших, имеющий степень доктора наук.

— Слушаю, — глухо пробурчал директор, захлебываясь от собственной значимости. Не любил он, естественно, эту четверку, считал их потенциально опасными, хотя вслух называл своими учениками. Уж больно они были самостоятельными и каким-то образом оставались вне зависимости от него. И карьеру свою они делали не благодаря, а скорее вопреки его тайным желаниям. Но больше всего его раздражало то, что они всегда держались вместе — никак не удавалось их перессорить. Таких приятно видеть только в роли просителей.

— Алим Акрамович, мы собрали и систематизировали наши с вами работы за последние пять лет. По возможности критически оценив их уровень, принесли на ваш суд...

— На предмет чего? — резко прервал директор, уже получивший изрядную долю раздражения от фамильярного «наши с вами работы» вместо привычного и ласкающего слух «работы, посвященные решению задач, поставленных вами и выполненных под вашим руководством».

— Видите ли, Алим Акрамович, нам кажется... — тут говоривший остановился в позе обеченного гонца сообщающего шаху о крупных неприятностях, — работы тянут на уровень Государственной премии... Если вы, как соавтор, не имеете ничего против, можно было бы рискнуть и выдвинуть их...

— Значит, вы уже все сами решили, — тихо и злобно прошипел директор, по очереди сверля их свирепым взглядом. — А я? Вы, надеюсь, еще не забыли, что я тоже автор этих работ. Вы собрали и систематизировали их без меня? А может, я против этого!

— Алим Акрамович, вот мы и пришли к вам, чтобы узнать ваше мнение. Вы же требуете от нас, чтобы к вам заходили с уже продуманными готовыми предложениями. Вот мы и... — начал говорить Костя и тут же был прерван шефом.

— Не крути! Вы пришли с готовым материалом, чтобы поставить меня перед фактом! Чтобы оказать давление! А ну, давайте сюда, что вы там насистематизировали? — Получив аккуратно шитую толстую папку, он брезгливо начал листать ее. — Моя фамилия фигурирует здесь как насмешка. Вы ведь хорошо знаете, моя кандидатура на Госпремию не пройдет. Я ее получил уже один раз, — язвил он, продолжая листать.

Закончив, с перекошенным от злости лицом швырнул папку сидящим. – Идите, делайте, что хотите. Я не хочу иметь отношения к вашим самовыдвиженческим махинациям!

– Алим Акрамович, какую из этических норм мы нарушили, что так рассердило вас? – мягко, но настойчиво спросил один из посетителей.

– Не прикрывайся красивыми словами, – на позеленевших губах появилась пена, – вы хорошо знаете, что нарушили, не пытайтесь меня дурачить.

Сидевшие украдкой переглядывались, пытаясь понять, с какой стороны шеф готовит удар.

– На сегодняшний день вы уже должны были зарубить себе на носу: я единственный академик по химическому катализу. Все, что делается в республике в этой области, проходит через меня. Я знаю, а не вы, кто как работает и кто должен быть выдвинут на получение Госпремии. Своим шагом вы продемонстрировали свое пренебрежение к моему авторитету и мнению. Вы это надолго запомните.

Наступила пауза, каким-то образом продолжившая злобу шефа.

– Алим Акрамович, поверьте, не было у нас злого умысла, – начал примиренчески Костя, чтобы спасти положение. – Если мы и допустили что-нибудь нетактичное, то только по неопытности.

Директор издевательски ухмыльнулся.

– Думаете, свалите все на наивность, неопытность, и вам все сойдет с рук. Нет! Не поддержку я вашу кандидатуру. Потому что мне выгоднее считать, что есть более достойный кандидат на премию. Его работы не слабее ваших. И поддержку я его потому, что мне надо успеть сделать его непотопляемым. Обеспечить его титулами, пока я жив и еще способен на это. Ему я уже обеспечил поддержку крупных имен из центра. Везде, где должны знать о его кандидатуре, уже знают... И вдруг вы суетесь ко мне со своей работой... Не пытайтесь убедить меня, что вы не знали об этом... В любом случае я не допущу ничьей конкуренции, тем более вашей. Мой вам совет: заберите эту стряпню и больше никогда о своей затее не заикайтесь... На следующий год я попытаюсь сделать для вас что-нибудь.

– Почему на следующий год?... – начал было один из вошедших, но был прерван коронным ревом шефа:

– Так вы не поняли моего предостережения?! Тогда пеняйте на себя! Выдвигайте свою работу на премию. Я посмотрю, как она пройдет. Вы думаете, я допущу, чтобы мой родной племянник Эркин, раз уж я решил его двигать, имел хоть какой-нибудь шанс провала? Нет! Вы не будете допущены даже на рассмотрение вашей работы уже в первом туре. Вы, наверное, забыли кто я? Многие пытались встать на моем пути. Учтите, пока никто не добился успеха...

Посетители видели, что шефа уже понесло. Его уже не остановить ничем – ни согласием с ним, ни возражением, поэтому все застыли под шквалом его угроз в разных позах.

– ...Вы что забыли судьбы Караматова, Сурцева? Они ведь были далеко не чета вам. Академики! Эти дураки объединились против меня, чтобы расправиться бесповоротно. Чтобы не допустить меня до этого кресла, где я сижу двадцать лет, вопреки их желанию. Они, видите ли, в академии имели больше авторитета, заслуг. Я их не только полностью нейтрализовал, но и окончательно потопил. Потом они получили по очереди по инфаркту и теперь, если станут опять мне мешать, то разве что на том свете...

– Почему вы говорите с нами так?... Расстраиваетесь. Остановитесь, Алим Акрамович, мы ничего плохого не собираемся вам делать, – все еще пытаясь спасти положение говорящий.

– А вы и не сможете ничего сделать! Мои титулы не позволят сделать вам что-нибудь со мной, а то сделали бы. Все ваши уникальные диссертации и статьи – нуль в сравнении с моим званием академика, которое никто не сможет отнять. Я с ним всегда буду прав и возвышаться над вами.

Сбитые с толку посетители замолчали. К такому непривычно открытому разговору, где все было названо своими именами, они не были готовы и, извините, даже не знали, как себя вести.

Между тем шеф уже окончательно добивал их.

– Попробуйте только написать куда-нибудь об этом разговоре! Ну, придет комиссия, порабатает здесь. А коллектив поддержит меня, скажет, рановато вас выдвигать на Госпремию – уж такое мнение я сколочу вмиг, почва, если вы не окончательно олухи, понимаете, благоприятная для этого. А потом... Потом я на долгие годы подпорчу вам карьеру. Не забывайте, жизнь дается человеку один раз. Помните, это учили еще в школе в виде отрывка из какого-то художественного произведения. Вспрос исчерпан, можете идти.

– Ну что же, дело сделано. Теперь можно наблюдать, как будет рушиться его, так называемый, авторитет, – не без иронии закончил шайтан свой рассказ о событиях в кабинете шефа.

– Во всяком случае мы это заслужили. Не может же быть, чтобы эта четверка дружно молчала об удивительных откровениях шефа. Думаю, что завтра же случившееся станет достоянием публики.

Так оно и случилось. Институт опять тихо гудел. Директор на две недели исчез. Говорили, что он болеет. Зная возможности и способности шефа (но не зная, что он, запершись дома, пытается разобраться, какой же шайтан его попутал вслед за Правой рукой), несчастные претенденты на Госпремию совсем приуныли. Говорили, они молят Бога, чтобы именно в эти дни в вышестоящие организации не поступила очередная анонимка на шефа. Директор непременно приписал бы авторство кому-нибудь из них...

А «авторитет» не спешил рушиться. «Откровения» мало кого удивили. «Ну и что, – говорили, – сказал так сказал. А то мы не знали, что не у всех намерения совпадают со словами. Он даже проявил гражданскую честность – все высказал как думает».

Мне было стыдно перед шайтаном.

Выйдя на работу через несколько дней, директор вызвал к себе четверку. Туда же отправился и шайтан – на этот раз в качестве наблюдателя. И вот что я узнал о следующем раунде.

– Я много думал о вас, – начал Алим Акрамович. – В общем, так. Госпремия вещь серьезная. Мы, в первую очередь, должны заботиться о ее авторитетности, весомости. Выдвигаемая работа должна быть очень важной, всесторонне разработанной. Вот я и подумал объединить вашу работу с работой Эркина. При этом, с одной стороны, будет обеспечена полнота исследований, а с другой стороны, Эркин не из нашего института, следовательно, мы соблюдаем объективность. Это все, что я смогу сделать для вас. «И этого я ни за какие блага на земле не стал бы делать, если бы не опасался, что кто-нибудь из вас, каналы, не выдержит и пожалуется куда-нибудь, где жаждут моего провала», – вертелось у него в голове.

Обладевшая от такого неожиданного поворота четверка растерянно молчала.

– Что молчите? Вы еще недовольны чем-то? – одолеваемый подозрениями, начал входить в форму шеф.

Четверка, потерявшая к этому дню всякую надежду на успех, почувствовала, что может остаться и без этой подачки, и начала сбивчиво выражать шефу свою благодарность за мудрое решение. Директор внимательно просверлил их взглядом и, убедившись, что на лицах подчиненных нет и следа затаенной злобы, перешел на отечески заботливый тон:

– Не надо меня благодарить. Работа ваша так же, как и Эркина, вполне заслуживает такого поощрения. Она ведь признана и зарубежными школами... В прошлый раз я немного погорячился. В следующий раз так не делайте (четверка много дала бы, чтобы узнать, что именно не надо было делать)... Забудьте про тот наш разговор...

Как и следовало ожидать, на прошение он кинул им последнюю кислую пилюлю:

– Вот работа Эркина. Внимательно изучите ее, скорректируйте нужным образом вашу часть и присоедините к ней. Потом принесете мне, – влогонку прозвучал приговор шефа: – Ну вот, теперь вопрос можно считать созревшим и подготовленным, теперь его можно выносить на суд общественных организаций и Ученого совета. Думаю, все пройдет гладко...

– Во как надо работать! Видал? – присвистнув, закончил шайтан. – Нейтрализованы неподвиженные конкуренты. Мало того, их сила, мощь подчинены так называемому общему делу. И тем самым укреплены позиции племянника. А грохота рушащегося авторитета мы вовсе и не услышали, не так ли?

– Подожди, у меня самого от всего этого голова кругом идет... Я думал, хоть эти ребята сумеют доставить ему хлопот...

– Зачем?! Зачем это нужно твоим ребятам? Если они хотят дальше заниматься наукой, а они, по всей видимости, хотят, им нужна спокойная жизнь.

Ни логика, ни даже жизненность доводов в тираде шайтана на этот раз не подействовали на меня. Ну, не может быть так! Весь кошмар, окружающий меня в институте, – скорее какая-то дикая случайность, выходящая из ряда вон на общем фоне. Я это чувствовал интуитивно. Однако нелепая игра, затеянная шайтаном, в которую и я был втянут, не кончалась. Что-то не позволяло мне выйти из нее.

– Все плохое, что есть в людях, – от вашего брата! – твердил я шайтану, поскольку

только эта мысль приносила мне небольшое облегчение. – Иначе откуда у нас столько хитрости, изощренности?

Шайтан промолчал. Было видно: что-то замышляет. Вдруг его лицо исказила знакомая отвратительная улыбка.

– Хочешь, я тебе устрою экскурсию в наши края? Ты все увидишь своими глазами.

Я, конечно, никак не ожидал такого предложения.

– Задумал удрать таким манером?

– Стал бы я ломать голову над таким пустяком, – усмехнулся шайтан, – мне просто надоело выслушивать всякую чушь о нашей роли в жизни людей. Побудешь у нас, увидишь, что там делается. А когда вернемся – вновь возьмемся за твоих «друзей».

Право первооткрывателя, описывающего загробный мир, принадлежит, кажется, слепому старцу Гомеру. Затем Вергилий описал страшные странствия Энея по загробному миру в сопровождении не в меру эмоциональной Кумской сивиллы. Наконец, Данте скитался по загробному миру в поисках своей юной возлюбленной Беатриче.

Мне ничего не известно о попытках людей Востока проникнуть в потусторонний мир. Возможно, они, по-восточному мудро считая, что, в конце концов, все мы там будем, не спешили туда раньше времени. Правда, я слышал об одном древнеегипетском папирусе, где говорится... Но Египет – не Восток, в географическом смысле этого понятия, хотя и не Запад во всех других смыслах.

Нетрудно представить, как ответственно я обдумывал предложение шайтана. Ведь я считал себя чуть ли не первым представителем Востока, который решился на такое путешествие...

– Боишься? – ухмыльнулся шайтан.

– Я думаю: все, кто ходили туда, имели ясную цель. А что гонит туда меня? – задумчиво соврал я, чтобы замаскировать свою нерешительность.

– Цель? Ты, по крайней мере, увидишь своими глазами, что чертям мало дела до ваших земных делишек. Мы там и так перегружены: воздаем должное за ваши самостоятельные грехи. Пусть хоть один из вас убедится в этом.

– Какая гарантия, что я вернусь? – спросил я резко.

– Слушай, не ты ли выступаешь сторонником справедливости? А что ты реально сделал для этого? Много вас ходит на Земле таких честных, которые пальцем не пошевельнули, чтобы утвердить справедливость. А она, между прочим, как я понимаю, требует борьбы за себя, каких-то жертв и риска, в конце концов. А вы только и знаете, что ныть и жаловаться... Можешь не дрожать! Мое предложение отменяется. Шайтан был на высоте. Мне нечем было крыть...

Вряд ли я смогу внятно описать ужасы преисподней... Не вина древних авторов, если их потусторонний мир не всегда кажется таким ужасным, недостаточно потрясает нас. Я теперь знаю, что у нас просто не хватало воображения, чтобы представить их страшный путь.

Когда шайтан сказал: «Сейчас ложись спать как всегда, проснешься уже не здесь», – я долго не мог заснуть. Все мерещилось – вот сейчас открою глаза и увижу себя... Напряжение от ожидания неизведанного довело меня до того, что порою казалось, будто я уже стою на краю бездонной пропасти, куда со страшным хлопотанием низвергается легендарная подземная река... Так я пролежал в полудреме до глубокой ночи и, наконец, изможденный, заснул.

Очнулся я, как ни странно, в своей постели, но... не у себя в комнате! Кровать, на краю которой сидел, скрестив ноги и дымя необычайно едкой сигарой, «материализовавшийся» шайтан (до сих пор он являлся, оживляя рисунок), стояла посреди необычного, но вполне мирного пейзажа.

– Кажется, мы несколько ошиблись адресом, не правда ли? – съязвил я.

– Не адресом, а эпохой, – не оборачиваясь, ответил шайтан, – сейчас мы это исправим. Тебе, между прочим, повезло. Ты увидишь многое, чего я и не думал тебе показывать.

– А что случится?

– Да перехватил я чуточку в прыжке через это... нуль-пространство, о котором вы пока знаете только по вашим фантастическим романам... Мы с тобой оказались в той части преисподней, где обитают души людей, умерших в более ранние времена. Сейчас придется догонять твою эпоху.

– Как? А мы считали, что все души, когда-либо попавшие в ваши руки, уживаются в одном месте! Ведь у Данте тоже...

— Данте, Данте! Ну что за идиотский консерватизм, я просто не понимаю! Думаешь, со времен Данте наш ад не изменился? Только у вас развитие, прогресс и тому подобное? Ваши общественные системы выдержали бы, если бы вдруг ожили все люди, когда-либо жившие на земле? С их жутко различающимися мировоззрениями, нормами поведения? Нет! Вот и у нас было много трудностей и путаницы.

Внезапно моя кровать плавно поднялась и начала быстро двигаться на высоте птичьего полета в сторону скалистых гор, высившихся вдалеке. Я дотянулся до одежды, висевшей на спинке кровати, кое-как оделся, страшно боясь свалиться, и тоже сел, как шайтан свесив ноги.

— Здесь обитают души ваших средневековых предков, — указал шайтан на долину.

Селения, города, отдельные строения, одеяния людей, которые удавалось различить, были средневековыми — минареты, арки, длинные халаты, чалмы... Я начал слышать голоса: пронзительные дикие вопли, многочисленные проклятия.

— Вон там на медленном огне поджаривают беднягу Абдуллатифа¹, показал шайтан, зевая от скуки. Под нами я увидел аккуратные ряды больших котлов, которые лизали снизу языки красного пламени. В котлах барахтались грешники, издавая жуткие вопли.

— Ты симпатизируешь этому подонку? — удивился я.

— А что?! Ведь фактически его отца убили другие люди, более изощренные в варварстве. Правда, они воспользовались руками Абдуллатифа. Его единственная вина — властолюбие. За такую вину смело можно поджарить половину человечества...

Мне становилось не по себе, уже ощущался жуткий запах паленого мяса, а сердце замирало от диких воплей.

Нашим взорам открывались все новые и новые страшные сцены.

— Посмотри туда, видишь, там наши возятся с вашим Мажиддином²? Он был не такой, каким вы знаете его по трактатам вашего Бабура³. История не все донесла до вас. Но от нас-то ничего не скроешь. Вот он и рассчитывается за все свои грехи — никак не может рассчитаться. А недавно поползли слухи, что нескольких наших уже отстранили, притом, одного даже серьезно наказали.

— Почему же? — просил я, пытаюсь получше разглядеть, происходящее вокруг выскокого человека в халате с тусклым серебряным подбоем.

— Ему каким-то образом удается, вызвать у палачей расположение к себе, мало того, возник даже тайный протест против приговора. Как и на Земле человек, правдами и неправдами сумевший добиться власти, почета, и в беде не остается без внимания — всегда найдутся слабые, продолжающие тайно дрожать перед его былой силой.

— Какой приговор ему вынесен?

— Он предоставлен своим бывшим жертвам. Казнит его каждый по своему усмотрению. Это целая система очередности и правил, за которыми следят наши. Вот как раз их он и подкупает, зачастую безуспешно...

Мы приближались к следующей гряде мрачных скал. Камни здесь были темнее и отливали холодным лунным светом. Кое-где я заметил тусклый отблеск ледяных глыб.

— Сейчас ты увидишь людей другой эпохи, — заметил шайтан задумчиво.

За скалами открылась еще более сумрачная долина. У горизонта виднелись действующие вулканы, гигантские языки пламени лизали темное небо.

— Как здесь ужасно! — вырвалось у меня.

— Еще бы, — согласно кивнул шайтан, — ведь и ваша наука называет восемнадцатый, девятнадцатый века самыми мракобесными.

— А вы что, согласны с нами?

— Мы знаем, как в эти столетия религиозный фанатизм, невежество и жестокость породили гнуснейшие преступления. Вот здесь собраны наиболее отличившиеся.

На небольшой поляне, склонив головы, стояли несколько человек без головных уборов, обритых, со связанными за спиной руками. Палачи на их глазах точили длинные ножи, другие копали ямы для стока крови.

— Кто эти несчастные?

— А, эти? Эмир Бухарский Насрулло с сыновьями и внуками — возможными наследниками.

— За что их так?

— Плохо знаешь историю. Этот эмир, называвший себя «примерным поборником ислама», казнил поэтессу Нодиру, ее сыновей и внуков в основном за то, что она была духовно намного выше него. Его казнят его же методом. Ужас мучеников, падающих при приготовлении, дает потрясающий эффект.

¹ Абдуллатиф — наследный сын правителя Самарканда, астронома Мирзо Улугбека, казнивший своего отца.

² Мажиддин — главный визирь правителя Герата, постоянно интригуящий против поэта Алишера Навои.

³ Бакур — основатель империи Бабуридов, поэт, историк, автор известного трактата «Бакур-наме».

– И долго будут идти приготовления?

– Вечно, но грешники не знают об этом.

Через некоторое время мы оказались над лабиринтом узких улочек старого среднеазиатского города. Темные тупики, неожиданные повороты, теснины глухих стен глинобитных домов... По одной из улочек, спотыкаясь, падая, из последних сил бежала женщина в парандже¹. За ней стремительно мчалась растянувшаяся на сотни метров стая волчиш. Когда стая с торжествующим воем догоняла женщину, той удавалось обмануть голодных зверей, свернув в одну из боковых улочек. Поплутав некоторое время, стая вновь выходила на след. Опять душераздирающая погоня.

– Что за травля?

– Это знаменитая сводница из старого Коканда, неотразимая Мастурахан. Изошренным обманом и хитростью, завидной даже для нашего брата, она завлекла девушек в тайные гаремы духовной и светской знати Коканда. Не один десяток молодых и красивых дочерей бедняков, а иногда и довольно могущественных родителей пали жертвами ее интриг.

– Постой, постой, я, кажется, вспоминаю о ком речь. В «Тайнах паранджи» писателя Хамзы смакуются...

– Точно. Только, как всегда, вам известна лишь незначительная часть ее проделок...

– Почему такое странное наказание?

– Пришлось с ней повозиться. Вначале за Мастурахан гналась толпа загубленных ею женщин, но потом женщин заменили голодными волчищами.

Мы приблизились к следующему скалистому рубежу эпох.

– Сейчас попадем в твой век, – сказал шайтан, оживляясь.

Быстро светало. Когда скалы остались позади, я увидел бескрайнюю долину, залитую ярким светом, совсем земную и привычную. Необычными были только черты, шнырявшие туда-сюда.

– Почему здесь все как на Земле? – спросил я неуверенно.

– Это наше последнее достижение, можно сказать, пример дерзкого взлета творческой мысли черта. Мы у себя создали ваш мир, скомплектовав его из определенных сторон вашей жизни.

– Для чего?

– Не спеши. Скоро поймешь, – сказал шайтан, плавно сажая наш воздушный транспорт на окраине моего родного города. Кровать тут же исчезла.

– Теперь будем передвигаться как все – пешком или городским транспортом.

На самом деле, городской транспорт работал привычно – с давками на остановках (был час пик), троллейбусные штанги с лязгом свисали с проводов.

Только по улицам ходили люди, в большинстве недавно ушедшие из нашего мира.

– Это называется ад? Так ведь то же самое наши говоруны-очковтиратели с пеной у рта пытаются выдать за рай.

– Как раз здесь они по-настоящему в аду. Ты скоро их встретишь.

Шайтан остановил одну из машин с зеленым огоньком, и мы понеслись по знакомым улицам. Всюду куда-то спешили люди. Попадалось много знакомых – из числа умерших.

Машина притормозила у здания с ложно-классическими колоннами – Академия медицинских наук. Здесь царил торжественный обстановка, искусно создаваемая аппаратом Президиума Академии в день годовичного собрания. Демонстрируя рассеянную непосредственность, бескорыстную любовь и уважение друг к другу, ходили знакомые мне академики и члены коры. Заметив друг друга издадала, они с восторженными восклицаниями спешили в обоюдно открытые объятия, звонко при этом чмокаясь. Вокруг же, следя за каждым из них, ходили толпы услужливых докторов и кандидатов наук, дальнейшие судьбы которых зависели от сих высокочтимых учителей.

– Мы, кажется, угодили к самому началу спектакля. Сейчас появится и тот, для кого все это инсценировано.

«Ну, конечно же, это последнее годовичное собрание, о котором недавно писали газеты», – вспомнил я.

– Но позволь. Ведь многие из этих академиков, как я знаю, еще ходят в живых?

Шайтан ухмыльнулся.

– Их роли здесь для полноты впечатления играют наши.

Подъехала шикарная черная «Волга». Несколько человек проворно ринулись к ней, и счастливчик, которого я не смог разглядеть в толпе, открыв дверцу, выпустил из машины высокого, чуть сутуловатого старика с копной густых совершенно седых волос. Это

¹ Паранджа – старинная верхняя одежда мусульманок Ферганской долины в виде халата с ложными рукавами, укрывающая женщину с головы до ног.

был недавно ушедший из нашего мира вице-президент Академии рентгенолог Максудходжаев. Все расступились, пропуская его в здание, и он прошел по живому коридору, по-отечески одаряя окружающих кивками и мягкими рукопожатиями. На лице и в глазах почтенного старца была написана бесконечная усталость от неземных забот. Черты его благородной внешности говорили о полной отчужденности от каждодневной мирской суеты, от мышиной возни услужливо шныряющих вокруг карьеристов.

– Пошли, если опоздаем, нас могут не впустить, – толкнул меня мой проводник.

В конференц-зале я опять увидел много знакомых лиц. Президиум собрания состоял, как водится, из маститых академиков, представителей вышестоящих организаций. В центре как украшение всей компании сидел Максудходжаев.

– Для чего вы повторяете это ничем не примечательное собрание? Что здесь произойдет?

– Казнь, – коротко ответил шайтан, и я, не смея больше задавать вопросы, с содроганием начал ждать.

Долго тянулся скучнейший отчетный доклад главного ученого секретаря Президиума Академии. Кончилось перечисление «фундаментальных научных достижений», сделанных за год, многомиллионных экономических эффектов (существующих только на бумаге), несущественных и безобидных недостатков, не затрагивающих конкретно ни один из институтов, а следовательно и личности их директоров-академиков. Все заметно устали, только Максудходжаев внимательно слушал доклад и по-прежнему с отеческой заботой следил за происходящим.

– Не знаю, что вы тут затеваете, но старика-то можно было избавить от этого спектакля, – не удержался я.

Шайтан, странно хихикнув, промолчал.

Тем временем шли прения по отчетному докладу, наконец, они кончились, после того, как было создано соответствующее впечатление «всесторонности обсуждения» отчетного доклада и началась самая оживленная и праздничная часть собрания – вручение премий, почетных грамот, объявление благодарностей. Решения конкурсных комиссий и приказы о поощрениях зачитывал один из вице-президентов Академии. Максудходжаев при этом почему-то насторожился. Публику больше всего интересовали результаты конкурса Академии на лучшую научную работу года – победителям полагались большая денежная премия и пожизненное звание лауреата. Каждый год вокруг конкурса разгоралась оживленная закулисная возня, временами неожиданно выхватывая из тьмы до сих пор не известные стороны деяний некоторых членов жюри и участников конкурса.

Будучи уже наслышан о результатах конкурса этого года и о церемонии вручения дипломов, я следил за происходящим с neodолимой скукой. Вручали премию группе биологов во главе с сыном Максудходжаева за исследование начальной стадии формирования микроорганизмов в береговых районах озера Безводное, высколшего несколько веков назад, и за прекрасное обобщение их в большой монографии. Я вспомнил, что через неделю после вручения премии в сатирическом журнале «Кувада» был опубликован фельетон, восхвалявший бесподобный талант Максудходжаева-младшего в области плагиата. Спустя еще неделю старик скоростно скончался. Все понимали, что его безупречно честное сердце не выдержало откровения о жульничестве единственного сына («В самом деле, – говорили люди, – не мог же старик предполагать такое. Знал бы, пресек это безобразие в корне»). Эта блестящая операция пройдохи-сына положила тем не менее начало его карьере. За плагиат он получил всего-навсего строгий выговор по административной линии, о котором все быстро забыли, зато навсегда присоединил к своей фамилии уточнение «Лауреат премии...», о чем не забудут (он постарается). Ну, победителей ведь не судят... Жаль старика!

Председательствующий торжественно зачитал решение жюри конкурса, назвав первым Максудходжаева-младшего. Зал зааплодировал. Сейчас он пригласит новоиспеченного лауреата, чтобы вручить ему диплом и соответствующие документы для получения кругленькой суммы...

Но тут случилось неожиданное. В центре зала поднялся интеллигентный мужчина в очках и, чтобы все услышали, обратился к президиуму.

– Хотя это против установленных правил, но в виде исключения я прошу, чтобы наш уважаемый вице-президент Максудходжаев ответил мне на один вопрос, связанный с присуждением первой премии его сыну, – голос мужчины звучал очень уверенно. Такую уверенность люди обычно проявляют, имея несокрушимые козыри. Старик заметно побледнел, улыбка исчезла с его лица.

– Вот тут кончается ваш земной спектакль, – шепнул мне шайтан, – дальше все пойдет по нашему сценарию.

Председательствующий при желании мог бы запросто заткнуть рот наглецу, по его поведению было видно, что он прекрасно это умел делать и в более сложных ситуациях. Но он явно не спешил. Максудходжаев сидел у него в печенках. Старик всегда был на переднем плане, и его благообразная внешность, авторитет, безупречная репутация нарушали здоровый сон коллеги. А тут чутье подсказывало что-то скандальное... Разумеется, для вида, председатель, сморщив лоб, напустил на себя крайне недовольный вид и с раздражением поинтересовался:

– А вы не могли бы задать свой вопрос после собрания самому Икраму Махсумовичу?

Это было произнесено таким тоном, что зал безошибочно понял: если человек из зала будет настаивать на своем, то председатель как человек демократичный не станет чинить препятствий. Часть падкой на всякие неожиданности публики притихла.

– Нет, я хотел бы задать его сейчас, при всех. Ведь нашему многоуважаемому Икраму Махсумовичу нечего бояться, не правда ли?

Председатель повернулся к членам президиума и беспомощно развел руками – мол, вынужден уступить просьбе из зала.

– Уважаемый Икрам Махсумович, скажите, пожалуйста, почему вы настаивали на проведении этого собрания ровно на неделю раньше назначенного срока?

– У Икрама Махсумовича путевка на курорт, срок которой начинается с сегодняшнего дня. Из-за этого собрания он уже теряет день отдыха. Если бы мы назначили собрание через неделю, он опоздал бы на море на целых восемь дней. Вы удовлетворены? – за старика ответил председатель, явно разочарованный слабостью и, как ему показалось, беспредметностью вопроса.

– Икрам Махсумович не собирался ехать к морю. Два дня назад он по этой путевке отправил туда свою дочь с любимым зятем. А переноса собрания он добился, чтобы опередить выход в свет вот этого номера «Кувалды», – не переставая говорить, мужчина вытащил из внутреннего кармана пиджака корректуру статьи из «Кувалды».

Старик опустил голову. Микрофон, установленный на столе президиума, донес до зала его негромкое: «Это конец».

– Какое отношение имеет «Кувалда» к нашему собранию, говорите яснее, – сказал председатель, почувствовав наживу.

– Самое прямое. Здесь напечатан фельетон о научных достижениях Максудходжаева-младшего, за которые вы ему сегодня присудите премию. Стопроцентно доказанный плагиат.

В этот кульминационный момент Максудходжаев вдруг как-то обмяк, уронил голову на стол, а затем и вовсе свалился со стула.

Дальше – суeta с машиной «Скорой помощи», возня белых халатов, тут же зарегистрировавших смерть. Собрание само собой закрылось. Потрясенные сотрудники тихо расходились, обсуждая происшедшее.

– Он ведь один раз уже умер от разрыва сердца, почему вы здесь еще раз повторяете эту смерть? – спросил я у шайтана, выходя из зала.

– Там, у вас, этот уважаемый аксакал сидел в президиуме до победного конца. Он не был публично разоблачен и унижен, а с достоинством принимал поздравления в связи с награждением сына. Хотя самым страшным для него была публичная огласка.

Вот мы и устроили ее. За те десять-пятнадцать минут, когда публика с жадностью слушала о жульничестве его сына и его закулисной деятельности, он испытал такие муки, что пером не описать. Острая форма инфаркта миокарда в специально замедленном для этого случая темпе.

Мне было жалко старика и в то же время стыдно за него. Мы-то считали, что он скончался, не выдержав позора за поступок сына...

– Завтра все начнется сначала, – сказал шайтан, выходя из зала...

После президиума шайтан потащил меня в другой конец города. Но мы попали в транспортный «пик». И в течение получаса не могли сесть ни в один вид транспорта. Шайтан подмигнул и повел меня за угол.

– Придется идти к «левакам». Они не подведут.

Действительно, в переулок, почему-то недоступный пронизательному взору ГАИ, один, за другим подъезжали всевозможные автобусы без опознавательных знаков или с многозначительной табличкой «Служебный». Водители, громко объявив выгодное им направление, мигом комплектовались и уезжали в различные концы города.

– Вот такие лихачи и портят нам жизнь, – не выдержал я.

– Но ты обрати внимание: какой порядок в этом, как говорится, беспорядке – никто не задерживается.

Скоро, удобно устроившись в креслах комфортабельного автобуса явно туристического оформления, мы катили по запыленным улицам города.

— Для чего вы копируете наш транспортный беспорядок?

— Это тоже своего рода казнь, только казнят здесь автобусных водителей. К нам ведь не только ученые попадают. Казнимые — сменные водители. У каждого — своя внезапная беда, жизненно важное дело... Сейчас они в бешенстве ждут маршрутные автобусы: у кого-то умирает сын, которого только что увезли в больницу после автомобильной аварии, другой должен успеть в аэропорт, где, пересаживаясь с самолета на самолет, пробудет двадцать минут единственный оставшийся в живых брат, живущий на другом конце света. Но автобусов не будет: они в «левых» рейсах...

Я не стал спрашивать о цели нашей поездки. Авторитет моего проводника так вырос в моих глазах, что я уже опасался как бы лишний раз не показаться ему дураком.

Мы вышли из автобуса у здания Института хирургии и беспрепятственно побрались до операционной. Белый кафель, массивные осветители и изящные приборы с зеркальным никелем не радовали здесь глаз: сверкающая чистота и блеск наводили холодный ужас лишний раз напоминая о хрупкости и уязвимости нашей плоти.

В операционную плавню вкатили каталку-кровать с больным. Медсестры спешно готовили его к операции.

— Узнаешь его? — спросил шайтан.

— Нет.

— Ничего, сейчас вспомнишь. Его дела напоминают, вряд ли был другой человек способный на такое.

— Что за дела такие?

— Потерпи, скоро увидишь.

— Слушай, он же в полном сознании. Неужели его так и будут оперировать? — спросил я.

— Ничего себе! Ты что, хочешь, чтобы у нас работала служба анестезиологии? Забыл где находишься?

В операционную энергичной походкой, на ходу отдавая четкие и отрывистые распоряжения, вошел могучего сложения профессор в сопровождении ассистентов. Он наклонился над больным.

— Ну, родимый, если не случится ничего непредвиденного, что часто у нас бывает, — при этом профессор странно покосился на светильник, — за какие-нибудь час-два мы наведем необходимый порядок в твоих внутренностях. Не бойся, боли, которые ты почувствуешь, самые незначительные, без них нам просто не обойтись. Но обещаю тебе не делать ни одного лишнего разреза... — профессор опять почему-то покосился на огромный светильник...

— Скальпель!

Что было потом?! Под тяжкие стоны и скрежет зубов больного хирург начал операцию. Я отвернулся, чтобы не видеть крови.

— Это ваша очередная казнь?

— Это пока операция, казнь впереди.

Вдруг в операционной стало темно.

— Ну вот, опять отключили свет, — раздался голос хирурга. — Дорогой, прошу, потерпи немного... Кто-нибудь, сбегайте к дежурному электрику. Звонить бесполезно, он уже, наверное, наладкался спирта.

В темноте шла какая-то возня на операционном столе. Тихо звенели зажимы, которыми был усеян разрез на животе больного. Он глухо стонал.

— За что его так? — спросил я шайтана.

— А за то, что эта, мягко говоря, подлость изобретена и внедрена в жизнь им. Мы просто воспользовались его патентом.

— Кто же он, в конце концов?

— Бывший директор этого института. Чтобы скомпрометировать и избавиться от своего главного конкурента, работающего здесь же, он не раз во время его самых сложных операций отключал свет, предварительно напоив электрика.

Я вспомнил эту историю. Она случилась много лет назад... Преступника разоблачили и... всего-навсего сняли с работы. Говорили, у него были хорошие связи.

— Оперирует его как раз тот самый конкурент, который вдоволь хлебнул горя из-за этого директора.

— Уведи меня отсюда скорее. Конечно, в свое время я был наслышан о злодеяниях этого чудовища. Но стоны его невыносимы...

Продолжение следует...

переводы

Саломат ВАФО

Родилась в 1966 г. в Шавате Хорезмской области. Окончила факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работала на Узбекском телевидении. Автор романов «Таинственное государство», «Воспоминания о заблуждающейся женщине» и нескольких сборников рассказов.

МЕЛОДИЯ ЗЛА

Рассказ

(Перевод с узбекского Саодат Камиловой)¹

Развесистые ветви старой чинары были похожи на замершие раскрытые ладони или на портрет танцовщицы, с упоением простиравшей руки к небу в самый разгар известного хорезмского танца «Лязги». Чинара стояла на окраине аула за садами, под ее кроной находили пристанище путешественники, колесившие по миру, заблудшие путники, потерявшие дорогу в свой край, даже табор цыган, прибывших недавно неизвестно откуда, и толпа бездомных бродяг, переселившихся из близлежащих тугаев, почти слившихся с листвою этого старого дерева. Чинара была древней и могучей, ее крепкий и шершавый ствол был в четыре-пять обхватов, листья на верхних ветвях поредела, однако под ней все еще было тенисто и прохладно, как на летней узбекской террасе. При сильном ветре макушка дерева содрогалась, раздраженно шептала листва, но внизу, под деревом, было тихо и безмятежно. Цыгане и бродячий народ мирно посапывали в надежном укрытии. Если ночью ветра не было, то здесь собирались и кружили безоглядно отважные озорные космические зефиры, и словно слышались откуда-то блаженные вздохи: «О, Боже!» Бытие и время чинары тяжели как мельничные жернова; под дождями и снегом ее уставшие ветви внезапно выпрямлялись, оживали, со стоном устремляя к небу свои раскидистые ветви-пальцы, будто вопрошая: «Эй, бесследно уходящий по неземной дороге из объятий небес мир! Остановись на мгновение, куда спешишь?.. Переведи дух! Кого только ни было в моих кудрявых объятиях?! Кто только ни летал на крыльях моих ветров, сливаясь с моей песней?!»

Все ветви, сучки и листья могучего ствола этого исполина начинали так вздыхать, что деревья и зеленые елочки, красующиеся во дворах состоятельных людей, доселе неподвижные и безмолвные, словно в сонном царстве, заслышав таинственный шепот листьев чинары-исполина, начинали суетиться, и поднималась такая кутерьма! Днем частыми гостями старого дерева-великана были воробьи, горлицы, ласточки, а иногда и соловьи, выводившие дивные рулады на рассвете, но с приближением сезона ветров они покидали дерево, улетая в неведомые края. С недавних пор полноправными хозяевами старой чинары стала стая ненасытных светло-желтых птиц, прилетевших с Арала и Амударьи, местные прозвали их афганскими скворцами. Как только люди немного отдалались от дерева, они стайей опускались на землю и в мгновение ока истребляли всю оставшуюся открытой еду и верхушки виноградных лоз, заботливо взращенных здесьними людьми...

По ночам на окраинах аула можно было встретить и чабанов, и дворников, и посудомойщиц, и техничек, и нянь-однодневок, ежедневно ездящих на работу в город, даже длинношерстных белых молочных коз, принадлежавших цыганам,

¹ Кандидат филологических наук, доцент, преподаватель НУУз, автор литературоведческих публикаций, переводчик

похожих на порождение шайтана. Вообще, цыгане, чтобы держать в страхе сельских жителей и подчеркнуть свою осведомленность и причастность к колдовскому, жуткому и неизведанному потустороннему миру, специально разводят коз с длинной шерстью и бородой. Может, эти животные тесно связаны с некогда славными временами племени цыган, а может, это национальная слабость, но, так или иначе, этот народ очень почитает коз. Иногда темными лунными ночами с ними совершаются колдовские обряды, потому что только козы – последнее свидетельство цыганского чародейства. В двадцать первом веке у кочевых цыган нет ни традиционных телег, ни табора. Это толпа бродяг под предводительством барона, влачащая свое существование в нищете и голоде. Жизнь цыган во все времена – странствие, они рождались и умирали в дороге...

Различные амулеты и колокольчики на шеях избалованных коз при порывах ветра начинали звенеть под сенью чинары, рождая странную мелодию. Иногда в общей мелодии: шуме листьев дерева-исполина, звоне колокольчиков – слышался печальный шепот, похожий на звуки, издаваемые секретничавшим ребенком. Человеку, долго внимавшему эти два странных напева, мерещился даже едва различимый, стремительный голос восемнадцатилетней девушки, полный отчаяния и надежды. Задолго до того, как под сенью чинары поселились цыгане, бродяги, странники, грешники в далекие времена, когда по ночам кружила метель, волшебные листья этого дерева чудесным образом научились говорить человеческим языком...

Как утверждали наемные работницы сельских фермеров, «ползы от цыганских коз, как от осла»¹, Недаром издавна говорят: «уноси ноги от голодного». Всякое случалось... Наемные работницы обвиняли цыган в праздности, лени, мол, они, как никчемные, не годные к работе лошади, только гадают и гадают целыми днями. Слова толстой черной цыганки: «Гадаю, гадаю, судьбу разгадаю» разносилось по округе ветер...

Под чинарой обосновались «вечные граждане» страны, доставленные отовсюду бродягами, начиная с дырявого ведра, рваных матрасов, узбекских курпачей², сшитых по последней моде, линялых сюзана, новенькой ванны, пластиковых труб, огромных выцветших бешиков³ из домашних чуланов с грязными погремушками, до унитазов, выгоревших на солнце диванов с торчащими пружинами, и сломанных музыкальных инструментов народного ансамбля «Заамин ва замон»⁴, обанкротившегося в первые годы рыночной экономики: нагора, барабаны, бубен, старые-престарые платья танцовщиц, ржавые висюльки, бижутерия, подвески от танцевальных костюмов народов мира, колыхающихся и звенящих на ветру. Один из бродяг – ценитель искусства – подвесил на нижние ветки могучего дерева торбу с музыкальными инструментами, что придало чинаре особую солидность. Бродяга внес свой вклад в музыкальную оснастку ветвистого исполина, придав ему романтический ореол.

Когда раздражали бури и выюги, ветви чинары бесновались, воодушевленно играя дырявым бубном, колыша подвешенные наряды, звеня подвесками и теребя котомки полные сухарей. Рождалась загадочная симфония звуков. При сильных порывах ветра музыка сливалась с треском и стуком – «тырс-тырс», «тук-тук», когда же буря стихала, перерождалась в легкий ветерок, пыль, медленно кружась, превращалась в нежную мелодию ная – «най-най-най». Искусно настроенные на песню «Хон чикар»⁵ тар⁶ и бубен временами воспроизводили невнятные звуки: не то торжественные, не то печальные, не то тоскливые, как звон колокольчиков идущего вблизи каравана. Окружающие изумлялись таинственным мелодиям старой чинары и, качая головами, говорили: «Эх, музыка чинары от шайтана».

Когда появилась толпа бродяг, сельчане думали, что эти поселенцы под чинарой долго не протянут: или вскоре уедут, или перемрут с голода, и из жалости и милосердия иногда приносили этим бедолагам остатки съестного...

Помнится, мысль подвешивать музыкальные инструменты родилась у художника Дармончика⁷, который рисовал портреты голых нагих девушек-работниц винного завода на фоне музыкальных инструментов и котомок (Когда Дармончик рисовал их портреты, девушки винзавода, скорее всего, были пьяны). Шло время, под таинственным деревом никаких напастей не случалось, и постепенно сельчане перестали удивляться поселенцам, отбросив процветающего общества.

Дети, свхисши с трудностями цыганской судьбы, увешанные дешевыми бусами и побрякушками, с хной на черных грязных ладонях крепко спали на груди своих жирных

¹ Ослов, согласно мусульманским обычаям, никогда не приносит в жертву, не используют на мясо.

² Курпачи – узкие ватные матрасы, предназначенные для сидения.

³ Бешик – деревянная колыбель.

⁴ Букв. Эпоха и время.

⁵ Хорезмская песня, дословно «Хан выходит».

⁶ Тар – струнно-ударный музыкальный инструмент.

⁷ Имя произошло от слова «дармон» – лекарство, целебное средство, снадобье.

матерей, пожилые старейшины, похожие на ясновидящих, бдительно оглядывали окрестности, прислушиваясь к шумящей чинаре, опасаясь, чтобы соседи-бродяги что-нибудь не стащили.

А когда цыганята просыпались, они, как обезьянки, ловко и проворно взбирались на исполину и обрушивали на головы бедных бродяг град комков глины, ореховой скорлупы, сухих веток, однако, наученные горьким опытом бомжи, как ящерицы, проворно прятались в свои лохмотья, но те, кто спал пьяный в стельку, под ударами вопили благим матом по-русски: «Отстань цегенёнок, убею тебя!», защищаясь приготовленными для этого случая ведрами и тазиками. Сцена сражения цыганят, метко бьющих по цели, и бродяг, кувыркающихся и катающихся по земле с ведрами и тазами на голове, весьма комична. Цыганята что-то выкрикивают на своем языке, прозят черными маленькими кулачками, горланя по-русски: «Вон отсюда, вон отсюда, бомжи!» И начинается музыкальная какофония: крики, вопли, глухие удары сухой глины о тазы и ведра. Несчастные бродяги, не сопротивляясь, быстро сдавались, сорванцам надоело, они спрыгивали вниз и от скуки начинали играть на сломанных больших музыкальных инструментах. Один из них десяти-двенадцатилетний мальчуган по имени Артур довольно сносно играл на барабане и бубне и всякий раз делал это азартно – его кудряшки сотрясались, а чернушние круглые глаза светились колдовским огнем. Глядя на бубен, будто на злейшего врага, он неистово лупсцевал по нему – «бум-бум», и казалось, что в нем закипает пламенная кровь его великих предков. В конце концов, когда и это надоело, проголодавшись, в поисках еды они разбегались во все стороны.

Взрослые цыгане не делали детям замечаний, не кричали, не ругали, однако, когда они бросали на них красноречивые взгляды, сорванцы тут же стихали.

Соседи-бомжи никогда не осмеливались воровать у цыган, этот задиристый, вороватый народ, знающий толк в колдовстве и магии, вызывал даже у бывалых бродяг панический страх. Действительно, любой нормальный человек – сильный и слабый – испытывает инстинктивный ужас перед неизведанным. Возможно, это чувство – результат нашей беспомощности перед высшими силами, наверняка именно это когда-то положило начало вере.

В толпе бездомных, отвергнувших все законы общества и семьи, а потому потерявших себя, были всякие, и когда-то вполне нормальные интеллигентные люди...

Старейшина цыган Вокиф, возглавивший цыганский табор, хоть и был из баронов, но его никто не выбирал предводителем. В последние годы бродячая жизнь этого народа несколько осложнилась, жестче стали охраняться границы, говоря правду, от племени осталось всего ничего: работоспособные мужчины покинули табор, разъехались кто куда в поисках хлеба насущного или женились на женщинах другой нации, в таборе остались лишь старики, женщины и дети, поэтому-то Вокифу и пришлось возглавить его.

Оглядевшись, Вокиф дважды негромко позвал собаку: «Кораарслан, Кораарслан», – желая убедиться, что огромный пес с обрезанными ушами и хвостом и круглой, как тандыр¹, мордой, заставляющий с поджатыми хвостами спасаться бегством бродячих шавок, где-то рядом. Тот властно и с достоинством ответил хозяину: «Гав-гав», как бы успокаивая цыганский табор: «Спите спокойно, я ваш сторож Кораарслан, я вам предан!»

Чинара со вздохом «О, боже!», протягивая свои ветви-пальцы к небу, казалась в ночной мгле жуткой, древней, утомленной, дикой и печальной. Беспokoйные шавки бродяг, напуганные завыванием ветра, непрекращающимся треском ломающихся ветвей, сильным шелестом листьев и надрывными криками заспанных ночных птиц, отчаянно ежились за пазухами своих пьяноющих, забывшихся сном хозяев. Несколько проснувшихся бродяг и среди них светлорылый бомж Жорик неизвестной национальности с красным пропитым лицом, доселе спавшие и видевшие сладкие сны о своем детстве, о теплом уютном доме или счастливых былых днях, а сейчас, как многие другие, уставшие от жизненных невзгод и чувствующие себя счастливыми лишь во сне или будучи пьяными, с негодованием пинали собак, матерясь, кидали в них что попало под руку из барахла, собранного на мусорке. Главарь Сема в такие моменты хоть и просыпался, но глаз не открывал, ведь он «босс» бомжей. Не обращая внимания на такие мелочи, он продолжал спать в обнимку со своей возлюбленной тридцатилетней Лилей. Получив свою порцию пинков, шавки отбежали чуть поодаль, убедившись, что их хозяева здесь рядом, вглядывались в страшные темные заросли, в могучего исполина, наконец, в ожидании очередной выходки этого дерева забывались сном.

Вокифу осточертели ночные скандалы, чувственные «охи» и «ахи» бездомных женщин, беспрестанный лай шавок бомжей, и он послал за главарем Семей.

– Барон, они спят, как убитые, – учтиво доложил мальчик в грязных штанах.

¹ Тандыр – небольшая круглая глиняная печь для выпечки лепешек.

– Иди, разбуди пинками, – хмуро приказал Вокиф.

Вскоре пришел, шатаясь и опираясь на палку, неуклюжий и коренастый, заросший щетиной, протирающий красные опухшие глаза, косопалый Сема. Увидев Вокифа, восседавшего в отремонтированном большом кресле, он слегка усмехнулся (и действительно, было смешно смотреть на барона, сидящего как король в царстве барахла, дырявых тазов, ветоши, грязных детей и взъерошенных коз).

От Семы несло мочой, немытым телом, дешевой водкой, прокисшей едой и едким запахом бродячей жизни.

– Уфф, ты, видно, слохнешь, если не выпьешь? Каждый день пьешь-а? – сказал Вокиф, сморщившись.

– Пью, Вокиф, жизнь такая, вот и пью.

– Знаю, у вас, божией, ответ один. Я думал ты человек, а ты, оказывается, круглый дурак.

– Почему так, начальник? – спросил Сема, испытывая некий внутренний страх под пламенным взглядом старого цыгана. А ведь когда-то он был нормальным и даже состоятельным человеком.

Он внутренне уловил какое-то сходство цыгана с чинарой, было что-то общее между безумными повадками дерева во время бурана и горящими гневом глазами цыгана.

– Я прогону тебя и твоих распутных баб, – зло объявил Вокиф.

– Что мы сделали плохого? Спокойно тянем свою лямку.

– С этими сучками вы такое выделяете на глазах у детей! Как скоты вы, Сема.

– Ну, босс, мы так греемся. С голодухи все человеческое атрофируется, – с опаской засмеялся Сема.

– Что согреваетесь, я понял, у двоих уже пузо на нос лезет.

Сема, вспомнив что-то из вчерашней ночи, засмеялся. Причмокивая, он взглянул на спящих женщин-бродяжек.

– Ты когда этих бродячих сучек прогонишь? Я думал, что больше уже не будем говорить на эту тему, и возвращаюсь к ней только из уважения к тому, что ты когда-то был путным человеком.

Сема, как настоящий русский интеллигент, сняв помятую шляпу с взлохмаченной головы, растроганно поклонился и продолжил:

– Каких сучек... опустившихся пьянчужек, потерявших чувство реальности, а-а-а или собак?... Этот художник Дармон достал меня. То соберет возле себя собак, то кошек...

– Не ищи предлога нападать на Дармона, при чем тут он?

Сема, поглаживая длинную бороду, хихикал:

– Этот тощий, безалаберный и распутный художник тоже женщин любит.

Вокиф, сдержанно вздохнув, сел удобнее, на его хмуром лице появилась улыбка.

– Женщин, говоришь, любит, садись, – смягчился он.

Тема, интересующая всех мужчин, расслабила его, и он заерзал в кресле.

– Он что с ними делает... – Вокиф двусмысленно потер друг о друга указательными пальцами.

Выброшенные круговертью жизни, обществом и семьей двое мужчин, вспоминая незабываемые случайные встречи и приключения, связанные с хорошенькими женщинами, вкус проведенных ночей с проститутками, оживились.

– Что говоришь?... Эта тварь Дармончик любил одну Лулу. Принцесса эта, кажется, не обращала на него внимания. А распутный художник со своим драным мольбертом день и ночь рисовал ее в различных позах. Иногда мы наблюдали за этим вечерами. Он два портрета потерял, дурак. Кажется, их украли на вокзале, где мы ночевали.

– Не Лулу, а Лола, – поправил старый Вокиф, бережно хранивший в своем сердце национальные традиции своего народа и хорошо знающий обычаи других народов, в частности, он лучше, чем Сема, знал узбекские хорезмские традиции.

– Он продает свои картины?

– Лола или Мола, мне все равно. Он рисует для себя, – сказал Сема с характерным русским равнодушием.

– Вчера я ему велел оставить одного шенка, а других, чтоб прогнал. А он: «Куда я их прогону, они все равно меня найдут».

– Таак...

– Тогда уходи прочь со своими рисунками-писунками, – сказал я.

– Ты ему их в мешок сложи, пусть утопит в Анхоре, – недовольно сморщившись, встал цыган Вокиф.

– Хе, Дармончик боится спать один, он и мухи не обидит. А когда напьется, все причитает: «Я всего лишился из-за своей доброты». Правда или нет, но говорят, что его Лула покончила с собой из-за какого-то мужчины. А этот ее безумно любил...

– Если ты не прогонишь своих сучек, Баходыр нам обоим даст пинка под зад, – задумчиво произнес Вокиф.

Простоватое и круглое лицо Семы почернело, он испуганно съежился.

– Я в курсе, сегодня прогоню. В мое отсутствие приходили люди богача Баходыра и требовали убраться отсюда, мол, из-за нас провонял весь аул, – усмехнулся он, хлопывая палочкой по косолапым ногам, словно мог что-то изменить...

Старая чинара выросла в землю, черпая нескончаемую силу корнями, питающимися отходами близлежащего винзавода, словно вобрав в себя рев дива Судеймана, закованного в тысячеletние кандалы, вдохнув мощный крик крылатых демонов, поющих великую песню дивов: «Гууууу... гууууу... шууууу... шууууу». В моих руках ваша смерть, я иду. Я открою двери, сломаю замки и развею ваш аул, как ветер луковую шелуху...»

Вечер... Ураган... Что-то бьет в бубен и барабаны, куча старых вещей дребезжит, трещит; дойра, барабаны, сухой хлеб и какая-то еда, овощи, мешочки, ударяясь друг о друга, прохочут – «тук-тук», все сливается в ужасающий гул, как будто настал Судный день. Обезумев от урагана, взерошенные козы бросаются кто куда, огромный Кораарслан лает на них, носясь вокруг чинары, пугает пьяных бомжей, укрывшихся под кроной, беспрестанно натываясь на них. Уцелевшие бездомные собаки (многих, из обитавших здесь, Сема утопил, как в тургеневском «Муму») жались к ногам своих горе-хозяев.

В этом шуме, треске ветвей у жителей царства чинары впервые в жизни застолье. Старейшина цыган Вокиф, бродяга из бродяг бомж Сема и молчаливый Дармончик сидят за круглым старым, но еще довольно крепким столиком, найденным на мусорке. Цыган Вокиф, как обычно, сидит в высоком кресле, взирая вокруг с высоты, напротив расположился некогда известный, а сейчас нищий художник Дармончик. Откуда-то доносятся слова популярной песни Озодбека Назарбекова «Люби меня». Вокиф время от времени бросает кости Кораарслану, свысока и пренебрежительно разговаривая с нижесидящими. Наблюдать за этой картиной: важно восседающий на «троне» падишах, двое слуг и собака – смешно. Рассматривая портреты обнаженных девушек, Вокиф и Сема немели от восхищения, особый восторг вызвал портрет обнаженной красавицы с длинными волосами. Они снова и снова требовали поставить его на мольберт. Сема смеялся, подобно кипящему чайнику издавая разнообразные звуки, тем самым подогревая любопытство грязных черных цыганят, так что приходилось то и дело отгонять их от стола. Другие бродяги не смели приблизиться к обществу «аристократов», слушая громкий хохот Семы и глухой смех Дармончика, они настороженно вздыхали. Разглядывая при свете костра портреты, Вокиф возбужденно восклицал, тыча пальцем в печальных красавиц:

– Эту тоже надо было голой нарисовать, а у этой Дармон сиськи классно нарисовал.

– Это бутончики, бутоны, – облизывался косолапый Сема.

– Оххо, смотри, как горят ее глаза, и лицо у этой красавицы особенное...

– Красавица. Дармончик рисует только красавиц, потому что в жизни ему до них не дотянуться.

– Эта, похоже, только проснулась, сонная какая-то. Смотри, ее губы шевелятся, словно что-то сказать хочет. Молодец, Дармон, я сам буду твоим защитником. Мне кажется, эта девушка умерла. Ты ее любишь? – спросил Вокиф, внимательно уставившись на портрет.

Художник, вздохнув, закурил помятую дешевую сигарету «Карвон».

– Это портрет той Лолы, она повесилась на этой чинаре, поэтому я здесь, среди бродяг, ака. Ночами жители аула слышат ее крики: «Баходыр, Баходыр», – промолвил Дармон, сошурив свои маленькие узкие глаза и повернув к огню треугольное болезненное лицо.

– Откуда ты знаешь?

– Он принес эту вещь из аула на прошлой неделе, – вмешался Сема.

– Я слышал это от тетки девушки. Верите, или нет, я всего лишь раз говорил с Лолой, но этот разговор запомнил на всю жизнь. Я приезжал сюда летом рисовать. Говорят, Лола была сосватана за богача Баходыра. Того богача, который хочет выгнать нас отсюда. Так вот, он женился на другой девушке из богатой семьи. Говорят, разразился большой скандал между двумя семьями. Младший брат Лолы даже стрелял в Баходыра из охотничьего ружья. Пуля попала в чинару.

– В это дерево?... Не видно, во здорово, – встала Сема.

– Когда это случилось? – задумчиво спросил Вокиф.

– Лет десять-пятнадцать назад. Тогда Баходыр был простым студентом, это теперь он крутой бизнесмен.

– Я и сам думал, что в этом дереве что-то есть: ночью оно стонет, как человек.

– Да, таак, – подтвердил Дармончик.

– Это давняя история... Есть полотно поновее, которые я не показал, – ослабленно произнес бродяга-художник, опьянев от предложенной Вокифом водки. Вытащив из большой грязной торбы завернутый в белую новую ткань портрет, нарисованный

на куске фанеры, он бросил его перед Вокифом и Семой. Сема, подняв фанеру, приклонил ее к столику. «Падмишах» Вокиф вновь принял величественную позу.

Оба собутыльника одновременно воскликнули: «Вааах!» Кораарслан нехотя поднял голову, внезапно поднялся ветер, из объятий чинары выпорхнули ночные птицы. Вдалеке послышалось кукареканье сонных петухов.

– Ооо, в этих руках есть волшебство. Дармон, как тебе это удастся... что ты делаешь среди этих бомжей?

На картине была изображена красавица Лола с развевающимися волосами, похожими на ветви чинары, в ее глазах сверкали то ли слезинки, то ли легкие смешинки. Ее тонкое шелковое белое платье было похожем на облако, это был дивный ангел, устремленный в дальний полет. В ее черных глазах, полных надежды и тоски, отражалась вселенская печаль.

Дармон поднес портрет поближе к огню, разглядывая его в свете пламени и восхищаясь собственной работой.

– Долгих лет вам, Вокиф ака. У меня были знакомые девушки с винзавода. Я предлагал им быть моими натурщиками, они не отказались лишь потому, что я платил им деньгами, которые вы давали мне.

Поблизости хихикали цыганские девочки и мальчики, они, как вороватые кошки, издалека рассматривали картины, бомжи, сидящие неподалеку, тоже посмеивались, Вокиф угрожающе нахмурился.

– Оставьте их, вчера, когда я рисовал обнаженные натуры, они подсматривали. Они думают, что на всех портретах только голые красавицы, – сказал бродяга-художник, беспечно махнув рукой.

– Фас, фас, – крикнул он Кораарслану, с аппетитом обглаживающему неподалеку от стола кость. Цыганята и бомжи мгновенно испуганно скрылись в темноте...

На рассвете царство бродяг, цыган и бездельников разбудил шум старой машины местного ширката¹, остановившейся перед чинарой. Листья дерева-исполины как-то угрожающе и оторопело зашевелились. Вокиф внимательно посмотрел на неожиданных гостей, сердце цыгана сжалось в недобром предчувствии. Он вспомнил вчерашнее застолье, как хорошо все было. Из старой машины вышли уважаемые старейшины и именитые люди аула. Вокифа поприветствовали местный мулла Мирмухтар, одетый в тюбетейку и длинный желтый чекмень, и Фатима опа, маленькая неугомонная женщина лет пятидесяти.

– Вокиф ака, что это такое, мы думали, что ты нормальный человек, разреши пожить!

– Что случилось, сестра? – спросил Вокиф, внимательно глядя на Фатиму.

– Дети из аула, бывая здесь, становятся свидетелями бесстыдства, – хмуро сказал мулла Мирмухтар.

– Они видят, как под деревом спят вместе женщины и мужчины, видят изображенные обнаженных девушек, которых рисует сумасшедший художник. Все это развращает детей, их отсюда не отогнать, как пчел от меда.

Огромное дерево, словно все понимая, стало потихоньку шуметь «Гуув, гуув, я иду-у-у, но приду один. Будьте бдительны...»

– Мы вас предупреждали, что выселим, – напомнила председатель махалли Фатима, поправив большой платок на голове.

Показались обитатели «царства» чинары: бомжи Сема, Жорик и Дармончик с застанными небритыми лицами, к ним присоединились две оставшиеся в живых грязные собачонки и длинношерстные козы.

– Что, аульские ребята разок пришли и сразу же испортились? Мы с семьями тоже люди, что нам делать, где-то же надо жить, мы же не можем висеть в воздухе. Потребовали уничтожить собак – мы всех бедолаг в мешок и утопили, дети три дня плакали, одна женщина-бродяжка умерла от огорчения, – возразил Вокиф.

Огромная и могучая чинара, словно понимая, что происходит, о чем идет речь, неистово зашелестела листвою. Казалось бы, началась обычная симфония шелеста листьев, шума и треска качающихся ветвей, но откуда-то издалека, из самого нутра исполна послышались звуки древних ветров и вековых бурянов, предвещающие ураган.

– Что с ними спорить, вон Баходыр пришел, Баходырчик со своими людьми, – завкакала аульская активистка Фатима, похожая на плоскую черепаху. (Люди Баходыра прихватили из воинской части взрывное устройство).

Мулла Мирмухтар, боясь испачкаться, приподнял полы чапана и отошел в сторону.

– Уносите свои манатки, – завопила, вытарашив глаза, Фатима.

У чинары остановился черный джип богача Баходыра. Худое мускулистое тело цыгана Вокифа изогнулось дугой, со стеклянными глазами он неистово завопил:

¹ Ширкат – товарищество, сообщество, объединение.

– Эй, мусульмане! – его голос, похожий на рев закованного в цепи слона, запертого в клетке, заглушил шум старого дерева.

«Уууууууууууу... мой ребенок упал в колодезь... уууууу... я пришел». Верхние ветви чинары вытянулись, словно просили спасения у неба, музыкальные инструменты, хлам, торбы издавали какие-то странные звуки. И это была не обычная мелодия, а какие-то другие, сердитые и грозные звуки.

– Мы, цыгане, тоже люди. У нас есть семьи, дети. И божжи надеются на что-то, разлученные с домом, семьями, у этих бедолаг, кроме этой чинары, ничего нет. Многие из них больны, калеки.

В этот момент все: стар и млад, дети и женщины, здоровые и больные, вздохнув, разом заголосили, словно все было тщательно отрепетировано искусным режиссером. Поднялся разноголосый и разноязыкий ор. Маленький человечек с косматыми бровями, высунувшись из-за плеча приплюснутой черепахообразной Фатимы, завизжал:

– Идите в соседний кишлак, там есть заброшенное здание, бывшее хлопковое хранилище, вот туда и идите, – и вмиг снова спрятался.

Мужчины тридцати–тридцати пяти лет все на одно лицо – смуглые и бледные, не похожие на местных, одетые в армейскую форму, кружили вокруг дерева, что-то подсчитывая. Потом точными и расчетливыми движениями, присушими военным, быстро достали из машины инструменты и начали распиливать чинару электропилами.

Цыгане, божжи, кривые и косые спросонья, козы, собаки, дети и женщины в грязных одеждах, собирая свою поклажу, старое тряпье и скраб, передавая друг другу, медленно, словно цепочка муравьев, двинулись в сторону тугаев. Ствол чинары был крепче камня, кое-кто из архаровцев сломал пару пил, рассердив этим начальника группы. Он сидел, раскуривая сигарету и злобно поглядывая на дерево, над которым усердствовали его ребята. Повсюду дым... старый исполин, словно зная, что приговорен к смерти, обреченно, как обезумевшая женщина, тряс ветвями. Казалось, он хотел выплеснуть на людей возмущение, горе, свои переживания и досаду, горечь и надежду, скопившиеся за века. Из самых глубин его нутра вылетели какие-то странные птицы: не то вороны, не то галки с бесцветными крыльями, взлетевшие силой темноты и мрака. Подобно летучим мышам, внезапно проснувшимся днем и обезумевшим от света, они заполнили небо. Вокруг стало темно, ветер усилился, чинара билась в агонии, ее длинные крепкие ветви трещали, громко стонали и, ломаясь, падали на землю.

Тридцати пяти–сорокалетний богач Баходыр, приблизившись к дереву, пнул его и насмешливо, словно желая сказать: «ну и как ты теперь?», уставился на Вокифа и божжей.

Вокиф, как крыса, вынырнувшая из норки, приподнял свои густые брови и с высокомерным видом отстранился от чинары. В это время вдруг появился художник Дармончик со стопкой грязных эскизов и картин под мышкой и жалкой собачонкой:

– Ака, бай ака, дерево вас узнало. Да... тут же узнало. Чинара вас столько лет ждала. Терпеливо ждала. Пятнадцать лет назад вы знаете, кто здесь погиб, кто здесь повесился? Вы забыли Лолу? Выгнав нас отсюда, спилив чинару, вы хотите избавиться от прошлого, уничтожить память?

Баходыр изменился в лице, побледнел, ему с трудом удалось взять себя в руки.

– Кто эти люди, что говорят этот алкаш? Хватайте их!

Двое телохранителей с пустыми глазами схватили Дармончика и оттащили в сторону. Бедный бродячий художник закричал изо всех сил:

– Вы... вы... спилив дерево, не уничтожите зло, витающее в пространстве и времени. Вы сами посеяли семена зла и будете отвечать перед памятью предков...

Ураган, вырвав из его рук эскизы, наброски, подняв их в небо, словно старческий саван. В небе, как бескрылые птицы, парили обрывки бумаги, среди них мелькал образ красавицы: брови, глаза, груди, водопад струящихся волос, прозрачное воздушное платье. Чинара, отчаянно содрогнувшись, треснула, жалкий караван кинулся врассыпную. Могучий исполин взревел, как закованный в цепи слон, листья на вздыбленных его ветвях таинственно зашелестели. Активисты махалли, мулла из мечети, бродягий и цыгане, стоящие около дерева, оцепенели. Кораарслан и длинношерстные козы нерешительно притгнулись в ожидании чего-то страшного. Баходыр, схватившись за голову, заохал и, сделав пару шагов, рухнул замертво. Представители махалли и телохранители недоуменно уставились на дерево. Чинара, словно утомившись музыкант, надменно возвышалась над происходящим.

Приговор Всевышнего был приведен в исполнение через пятнадцать лет: от тряски и жара пуля, схороненная в теле чинары, выскочила и попала в лоб Баходыру.

А спустя некоторое время листья могучего исполина и его странные музыкальные инструменты вновь заиграли прежнюю древнюю мелодию. В этой симфонии звуков слышались и задорный смех молодой девушки, и глубокая печаль, симфония, рвущаяся к небесам и порождающая чистые мечты и грезы.

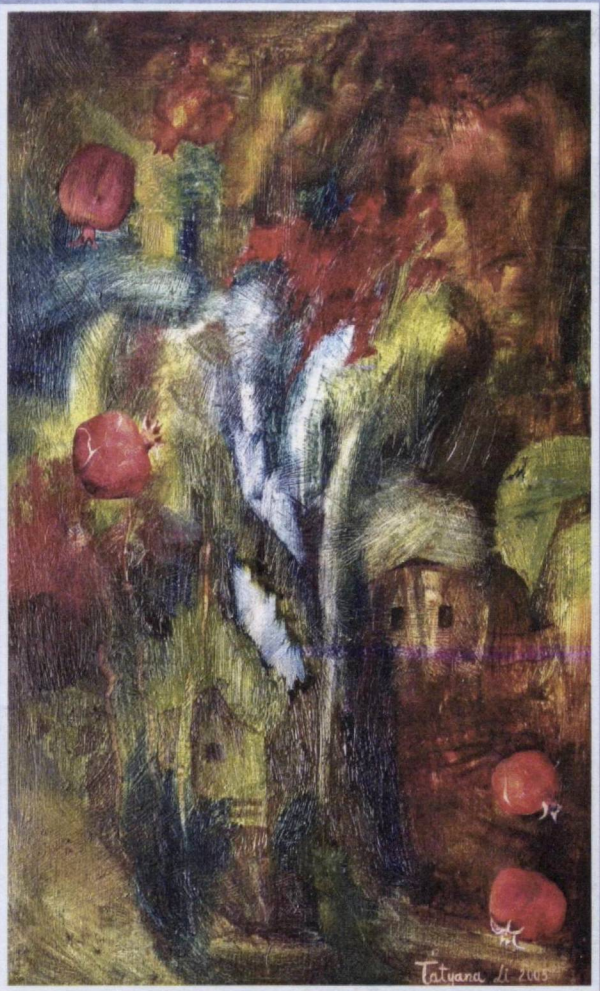

Ли Татьяна. Декоративные мотивы-2

Ли Татьяна. Сны наяву-2

Гранатовый рай

Ли Татьяна. Гранатовый рай

Продолжается подписка на 2015 год
Наш индекс — 831.

В свободную продажу журнал
не поступает, распространяется по подписке.
В розницу журнал можно приобрести только в редакции.